КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVII.

1899 г.

НОЯБРЬ

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Дозволено цензурою. Г. Кiевъ, 2 ноября 1899 года.

Вышла въ свѣтъ книга «Повисти и оповидання Ивана Левицкого, т. I». Складъ изданія находится въ книжной торговлѣ редакціи журнала «Кіевская Старина» (Безаковская, № 14) и въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича (Спб,. Вас. остр., 5 лин., д. № 28). Цѣна 1 р. 50 к. Книгопродавцамъ обычная уступка.

ЭНЕИДА И. П. КОТЛЯРЕВСКАГО

и

ДРЕВНѢЙШІЙ СПИСОКЪ ЕЯ.

(Продолженіе [1]*).*

V.

Новыя литературныя вѣянія въ кіевской академіи. Паденіе славяно-малорусской рѣчи.

Послѣ 1743 года, когда написана была Георгіемъ Щербацкимъ „трагедокомедія, нарицаемая Фотій", не появлялось уже ни одной новой драмы въ стѣнахъ кіевской академіи.

Что же было причиной паденія малорусской драмы?

Отвѣчать не трудно: прежде всего—паденіе самихъ формъ малорусской общественной жизни.

Есть указанія на это послѣднее явленіе въ самихъ драмахъ.

Такъ, въ драмѣ „Милость Божія" Хмельницкій, какъ мы видѣли, говоритъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ идеальныя черты козака. По его мнѣнію, козакъ долженъ искать не бо-

[1]) См. Кіевск. Стар., 1899 г., октябрь.

гатства, а славы, долженъ вести жизнь умѣренную и простую, долженъ любить свою же младшую братію, не отнимая у нея хуторовъ, млиновъ, лѣсовъ, и т. п. Безъ сомнѣнія, автору драмы были очень хорошо извѣстны всѣ эти уклоненія отъ идеала, и онъ хотѣлъ бы удалить ихъ изъ дѣйствительной жизни авторитетнымъ именемъ Богдана Хмельницкаго. Но вотъ—чрезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія этой драмы тѣ же черты жизни, и уже не въ видѣ намековъ, изображаются въ драмѣ Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ“. Старшина козацкая всѣми правдами или, лучше сказать, неправдами „выдирала“ земли у посполитыхъ и козаковъ. Посредствомъ ограниченія вольнаго перехода посполитыхъ отъ одного державца къ другому она добивалась закрѣпощенія не только посполитыхъ, но и низшихъ рядовъ козачества. Сидя на своихъ „урядахъ“, т. е. занимая извѣстныя должности, она имѣла въ своихъ рукахъ всѣ средства производить на эти слои рѣшительное давленіе, которое часто доводило болѣе бѣдныхъ козаковъ до того, что они отказывались отъ своихъ козачьихъ правъ, предпочитая имъ положеніе *подданныхъ*. Съ другой стороны, еще со временъ Петра Великаго козацкое сословіе обременено было всякаго рода тягостями: козаковъ отправляли тысячами на *канальскія* работы, употребляли ихъ для постройки крѣпостей, для проведенія линій, при чемъ они должны были своимъ порядкомъ нести военную службу. Не удивительно, что въ средѣ самихъ козаковъ явилось охлажденіе къ военной службѣ, бывали даже случаи уклоненія отъ нея посредствомъ продажи грунтовъ и приписки въ подданство къ державцамъ. Все это указывало на близость того момента, который неизбѣжно долженъ былъ наступить, т. е. полнаго закрѣпощенія посполитыхъ и безземельныхъ козаковъ при Екатеринѣ II (1783 г.). Такъ мало по малу перестраивалась жизнь малорусскаго народа на новый ладъ. Старые идеалы ея, которые связаны были съ именемъ козака, борца за народную свободу, утрачивали свою притягательную силу, становились просто непонятными для новыхъ поколѣній. Въ такую эпоху личные интересы обыкновенно выдвигаются на первый планъ, и погоня за матеріальнымъ

благосостояніемъ предпочитается всякимъ общественнымъ стремленіямъ.

Теперь перенесемся въ положеніе писателей малорусскихъ драмъ. Произведенія ихъ предназначались не столько для чтенія, сколько для представленія, а здѣсь уже неизбѣжно должны были выступать живыя лица, съ живымъ словомъ и дѣломъ, и всѣ эти Гипомены и Діоктиты въ сценическомъ исполненіи должны были недвусмысленно указывать на щекотливую дѣйствительность. Можно ли было безъ вреда для школы вносить въ драму, предназначенную для исполненія въ школѣ, изображеніе общественныхъ пороковъ того времени? Не нужно забывать при этомъ, что самые пороки эти не были случайнымъ отступленіемъ отъ закона,—напротивъ того, они сами готовы были превратиться въ законъ... Понятно послѣ этого, почему малорусскія драмы общественнаго содержанія должны были замолкнуть.

Отчего, однако же, во второй половинѣ XVIII вѣка мы не видимъ и такихъ драмъ, какія обыкновенно писались раньше на отвлеченныя церковно-богословскія темы—въ родѣ „Мудрость предвѣчная“ (1703) или же „Брань честныхъ добродѣтелей“ (1737)?

Вопросъ этотъ находится въ связи съ исторіей славяно-малорусской рѣчи въ кіевской академіи.

Въ 1733 году одинъ изъ питомцевъ ея, епископъ смоленскій Гедеонъ, писалъ о своей alma mater, что она „изобиловала всегда учеными людьми и имѣла себѣ честь сицевую, что отъ нея‘ аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила“ [1]). И это не было преувеличеніемъ. Одинъ изъ историковъ кіевской академіи справедливо называетъ ее „разсадникомъ россійскихъ іерарховъ XVIII вѣка“ [2]). Всюду они заводили училища при епископскихъ каѳедрахъ, учителей

---

[1]) Исторія кіевской академіи Макарія, 191.

[2]) Ibidem 173.

въ эти училища выписывали изъ той же академіи, въ которой сами учились.

Но tempora mutantur.

Въ 1765 году гр. Румянцевъ составилъ записку „о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ и неустройствахъ". Проникнута она идеей единообразія административныхъ органовъ и учрежденій, которыя предназначались для Малороссіи, безотносительно къ ея этнографическому составу, къ ея историческимъ преданіямъ. Въ этой запискѣ вотъ что говорится о кіевской академіи: „къ обученію юности здѣсь хотя и есть школы и такъ называемая въ Кіевѣ академія, однако же онѣ отнюдь не на тѣхъ правилахъ основаны, каковыя Ея Императорскому Величеству угодно подавать къ исправленію народа" [1]). Само малороссійское шляхетство, которое образовалось изъ той же козацкой старшины съ присоединеніемъ инородцевъ всякаго происхожденія, было равнодушно къ историческимъ заслугамъ академіи. Еще недавно, въ 1729 году, гетманъ Апостолъ, подтверждая Братскому монастырю права на владѣніе угодьями, называлъ академію „всему обществу нашому благопотребною, гдѣ малороссійскіи сини въ наукахъ свободныхъ имѣютъ наставленіе" [2]). Не то мы читаемъ въ прошеніи малороссійскаго шляхетства о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, которое подано было Екатеринѣ II въ 1764 г. Въ параграфѣ 13 проситъ шляхетство объ учрежденіи въ Кіевѣ университета, который долженъ состоять изъ четырехъ факультетовъ: одинъ изъ нихъ— богословскій долженъ быть учрежденъ вмѣсто существующей въ Кіевѣ академіи, при чемъ монастырь, какъ ненужное учрежденіе, можно было, по мнѣнію просителей, уничтожить [3]). Это уже голосъ новыхъ людей, вкусившихъ нѣчто отъ благъ европейской цивилизаціи и усвоившихъ новые вкусы и свѣтскія привычки, которыя не согласовались съ патріархальнымъ міровоз-

1) Прибавленіе къ статьѣ Авсѣенка «Малороссія въ 1767 г». Кіевъ, 1864 г.

2) Матеріалы для отечественной исторіи Судіенка, I, 50.

3) Кіевская Старина 1883 г. Іюнь. 344.

зрѣніемъ старинной школы съ ея церковно-религіознымъ характеромъ, съ ея монашескимъ режимомъ. Но, помимо суетности, навѣянной модными теченіями жизни, въ просьбѣ малороссійскаго шляхетства было и серьезное основаніе. Оно чувствовало потребность въ положительныхъ, реальныхъ знаніяхъ, которыхъ не могла доставить ему академія. Не удивительно поэтому, что съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія она начала клониться къ упадку. „Ей предстояла", говоритъ Аскоченскій, „слишкомъ неравная борьба съ заведеніями, снабженными и лучшимъ методомъ преподаванія, и отличными профессорами, и одобрительнымъ вниманіемъ правительства, и внѣшними выгодами" [1]). По прежнему, воспитанники цѣлыми толпами направлялись на сѣверъ, но уже не столько для того, чтобы учить, какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, сколько для того, чтобы учиться. По заявленію Арсенія Могилянскаго, митрополита кіевскаго, съ 1754 по 1768 годъ болѣе трехсотъ студентовъ поступили въ медикохирургическія училища, въ петербургскую академію наукъ, въ московскій университетъ, въ кадетскіе корпуса, во всѣ семинаріи россійскія, въ письмоводители и переводчики военныхъ и гражданскихъ начальствъ [2]). Особенно увеличился отливъ молодыхъ людей изъ академіи послѣ изданія положенія о губерніяхъ, когда появилось множество новыхъ присутственныхъ мѣстъ. Теперь уже немногимъ изъ искателей счастія, получившимъ образованіе въ академіи, удавалось добиться виднаго положенія въ церковной іерархіи. Еще императрица Елисавета приказала въ 1754 году, чтобы св. Синодъ представлялъ въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссіянъ, но и изъ природныхъ великороссіянъ [3]). Императрица Екатерина II не любила малороссійскихъ архіереевъ, поэтому спросъ на нихъ сильно упалъ [4]).

---

[1]) Кіевъ съ древнѣйшимъ училищемъ его академіей, II, 316.

[2]) Описаніе кіево-софійскаго собора, II, 225.

[3]) Очеркъ исторіи западно-русской церкви Чистовича, II, 341.

[4]) См. Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I, Знаменскаго, стр. 39. Въ 1764 г. дана была новому правителю Малороссіи, графу П. А. Румянцеву, инструкція, въ которой

Тѣмъ не менѣе во все продолженіе XVIII вѣка не останавливалось переселеніе кіевскихъ воспитанниковъ на сѣверъ. Большинство изъ нихъ терялось въ массѣ рабочаго люда, добывавшаго себѣ средства къ существованію службой. Изъ этой массы выдѣлялись немногіе счастливцы, которые прокладывали себѣ дорогу къ высокимъ постамъ въ государствѣ [1]). Наконецъ, многіе изъ нихъ вошли въ общую колею литературнаго движенія, подвизаясь въ Петербургѣ и Москвѣ на литературномъ поприщѣ и оказывая въ свою очередь воздѣйствіе на школу, ихъ воспитавшую [2]).

вмѣнено было ему въ обязанность «искуснымъ образомъ присматривать за архіереями, дабы они не выступали изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, разсѣевая въ народѣ простомъ предосудительные плевелы» (Исторія Россіи, Соловьева, т. XXVI. 46). Не могли, конечно, не сознавать этихъ неудобствъ своего положенія и сами малорусскіе архіереи. «Бѣда да горе»! писалъ Іоасафъ, бѣлгородскій епископъ, къ Гервасію, епископу переяславскому. «Самые честные люди остаются съ нашыхъ, а въ Тферь, а въ Владиміръ промованы, которые еще и недавно монахами, съ русскихъ, однакъ добріи люде и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечъ, а я, разсуждая теперь пребѣдное отечества состояніе, плачу и воздыхаю: Господи помилуй»! (Кіевская Старина, 1882, февраль, 322. Руководство для сельскихъ пастырей, 1880 г., т. II, стр. 344).

1) Таковы были: Завадовскій (Петръ Васильевичъ, въ послѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ Павловичѣ), Безбородко (Александръ Андреевичъ, въ послѣдствіи князь и государственный канцлеръ при Павлѣ Петровичѣ), Трощинскій (Дмитрій Прокофьевичъ, сынъ козака, въ послѣдствіи министръ юстиціи при Александрѣ Павловичѣ).

2) Назовемъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставили болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ наукѣ и литературѣ XVIII вѣка:

Кондратовичъ Киріакъ, переводчикъ при академіи наукъ. Триста стихотвореній Кондратовича напечатаны въ трехъ книгахъ подъ заглавіемъ: «Старикъ молодый доброхотному и недоброхотному читателю». Изъ переводовъ его самый капитальный трудъ «Россійскій ботаническій словарь, изданный въ 1780 г.

Максимовичъ Несторъ, извѣстный подъ псевдонимомъ *Амбодикъ*, докторъ медицины. Онъ первый началъ писать порусски о медицинскихъ предметахъ.

Особенно сильно было это воздѣйствіе при митрополитѣ кіевскомъ Самуилѣ Миславскомъ (1783—1796). Желая поставить кіевскую академію въ такое положеніе, чтобы она могла удовлетворять общимъ требованіямъ просвѣщенія, обязательнымъ для всего государства, онъ всѣми мѣрами старался уравнять ее съ великорусскими учебными заведеніями и со стороны языка. Самъ онъ былъ членомъ Россійской академіи, которая, какъ извѣстно, учреждена была для разработки русскаго языка. Новиковъ считалъ его писателемъ „изобильнымъ въ знаніи россійскаго

Бантышъ-Каменскій Николай (началъ образованіе въ кіевской академіи, продолжалъ въ московской академіи, а окончилъ въ московскомъ университетѣ), членъ многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный своими историческими изслѣдованіями, между прочимъ «Исторіей объ уніи». Онъ началъ издавать поэзію Аполлосову, Реторику Бургія и Философію Баумейстера—учебники, принятые и въ кіевской академіи, гдѣ до этого времени, по замѣчанію митрополита Евгенія, «отъ Поэзіи до Богословія продолжались письменныя системы» (Описаніе кіево-софійскаго собора, II, 218).

Козицкій Григорій (окончилъ образованіе за границей), лекторъ философіи и словесныхъ наукъ при академіи наукъ, издатель сатирическаго журнала «Всякая всячина». Даже злорѣчивый Сумароковъ хвалитъ его за знаніе русскаго языка. Онъ написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ (Филологическія разысканія Грота, II, 196).

Эминъ Ѳедоръ, издатель «Адской почты» (1769), авторъ Россійской Исторіи, которая доведена имъ до 1213 г.

Рубанъ Василій (окончилъ образованіе въ московскомъ университетѣ), издатель журналовъ: «Ни то, ни се» (1769), «Трудолюбивый муравей» (1771), «Старина и Новизна» (1772—1773), авторъ «Краткой лѣтописи Малой Россіи съ 1506 по 1775 г.» и разныхъ другихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ.

Симоновскій Петръ (окончилъ образованіе за границей), авторъ «Краткаго описанія малороссійскаго козацкаго народа съ начала происхожденія его и разнообразнаго по временамъ состоянія по 1761 годъ».

Сичькаревъ Лука (началъ образованіе въ кіев. акад., окончилъ въ петербургской акад. наукъ). Извѣстенъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, не столько сочиненіями, какъ весьма многими переводами съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, англійскаго, французскаго, ита-

слова" [1]). Не удивительно поэтому, что Самуилъ обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе въ академіи русскаго языка. Онъ требовалъ отъ воспитанниковъ ея, чтобы они учили оды Ломоносова наизусть, при чемъ сами они должны были упражняться въ сочиненіи стиховъ, наблюдая „остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ и жалость въ трагедіи, смѣхъ и обманы въ комедіи" [2]). Въ 1784 году онъ приказалъ студенту богословія Дмитрію Сигиревичу, уроженцу московской губерніи,„ быть учителемъ россійской поэзіи и элоквенціи по правиламъ поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторіи же по правиламъ господина Ломоносова" [3]). „Вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ Аскоченскій, на счетъ академіи отправлены были три студента (Никита Соколовскій, Павелъ Логиновскій и Даніилъ Домонтовичъ) въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобы они какъ можно старались изучить великорусскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса наукъ они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для занятія учительскихъ должностей. Наличные учителя также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе наблюдать, сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ

ліанскаго и польскаго языковъ. (Словарь свѣтскихъ писателей, митрополита Евгенія, т. II, 165).

Хмельницкій Иванъ (обучался сперва въ кіевской академіи, а потомъ въ кенигсберскомъ университетѣ), докторъ философіи. Ему принадлежитъ редакція Проекта новаго уложенія, а также нѣсколько философскихъ разсужденій (Ibidem, т. II, 240).

Сохацкій Павелъ, профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ греческой и римской словесности, издатель журналовъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1793—1798), «Ипокрена или успѣхи любословія» (1739—1800), «Новости русской литературы» (1802).

[1]) Исторія Россійской академіи, Сухомлинова, 186.

[2]) Ibidem, 189.

[3]) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ академіей, Аскоченскаго, т. II, 342.

русскій языкъ. Іеродіакону Анатолію, назначенному преподавателемъ исторіи и географіи, строго указано было изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи" [1]). Такой же приказъ получилъ учитель французскаго языка Лапкевичъ. „Самыя дѣти не оставлены были безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (бурсѣ) для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему, какъ можно, стараться о правильномъ выговорѣ. Настойчивость Самуила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему съ представленіемъ о неспособности строго исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора" [2]).

Дѣло, однако же, заключалось не въ одномъ устраненіи малорусскаго выговора, но и въ усвоеніи великорусскаго, т. е. въ произношеніи славянскихъ и общерусскихъ словъ по великорусскому выговору, а также въ устномъ и письменномъ употребленіи лексическаго состава и грамматическихъ особенностей литературной русской рѣчи, установленныхъ въ грамматикѣ Ломоносова. Все это представляло не мало трудностей для тѣхъ преподавателей академіи, которые не оставляли своей родины, а потому не могли путемъ бытовыхъ отношеній войти въ общеніе съ общественной и литературной средой сѣверной Руси. Понятно, почему они не могли составлять драмъ своихъ на славяно-малорусскомъ языкѣ, чѣмъ занимались съ большимъ усердіемъ прежде.

VI.

Григорій Саввичъ Сковорода и философское міровоззрѣніе его. Отчужденіе отъ современныхъ ему теченій общественной жизни и литературный стиль его.

Итакъ, славянорусская рѣчь, развивавшаяся на югѣ Россіи въ народномъ малорусскомъ направленіи, встрѣтилась въ по-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem, 343.

ловинѣ XVIII вѣка съ литературной русской рѣчью, развивавшеюся на сѣверѣ Россіи въ народномъ великорусскомъ направленіи. Послѣдняя была гораздо сильнѣе первой, поэтому во второй половинѣ XVIII вѣка мы уже не видимъ въ кіевской академіи сколько-нибудь значительныхъ литературныхъ произведеній, написанныхъ славяно-малорусской рѣчью.

Тѣмъ не менѣе внѣ академіи эта рѣчь не скоро еще вышла изъ употребленія. Во второй половинѣ XVIII вѣка она даже имѣла сильнаго представителя въ лицѣ извѣстнаго философа Григорія Саввича Сковороды.

Много было написано о Сковородѣ всякаго рода замѣтокъ, воспоминаній, очерковъ его жизни и дѣятельности, а недавно, по поводу столѣтней годовщины послѣ его смерти, явился цѣлый рядъ изслѣдованій философскихъ воззрѣній Сковороды, высказанныхъ имъ въ загадочныхъ произведеніяхъ его. Но и послѣ этихъ изслѣдованій вопросы о томъ, былъ ли Сковорода философъ съ системой или безъ системы, былъ ли онъ пантеистъ, монистъ или дуалистъ, повидимому, не рѣшены окончательно. Не удовлетворяетъ насъ и то мнѣніе, недавно высказанное на страницахъ Кіевской Старины, что Сковорода былъ эклектикъ [1]). Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ его можно найти отзвуки разныхъ философскихъ ученій, но мы не думаемъ, чтобы въ этихъ отзвукахъ не было основнаго тона, который связываетъ философскія размышленія Сковороды съ умственными теченіями его времени, чтобы не было въ нихъ основной идеи, которая есть зерно всякой системы. Для насъ же собственно самое важное—знать эту идею, чтобы не казался намъ Сковорода случайнымъ явленіемъ въ украинскомъ обществѣ прошлаго вѣка.

Учился онъ въ кіевской академіи въ эпоху ея процвѣтанія—въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Товарищемъ его по школѣ былъ Самуилъ Миславскій, котораго онъ превосходилъ успѣхами въ наукахъ. Отличаясь прекраснымъ голосомъ, онъ попалъ при Елисаветѣ Петровнѣ въ придворные пѣвчіе и прожилъ въ Пе-

---

[1]) Кіевская Старина, 1898 г., февраль, 272.

тербургѣ болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1744 г. Сковорода возвратился въ Кіевъ, чтобы продолжать ученіе въ кіевской академіи, но, не довольствуясь наукой того времени, воспользовался случаемъ побывать за границей, гдѣ изучилъ нѣмецкій языкъ. Хотя мы и не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, чему еще учился Сковорода за границей, но, принимая во вниманіе пытливый умъ его, мы не можемъ представить себѣ, чтобы онъ не воспользовался знаніемъ нѣмецкаго языка для расширенія своихъ познаній. Позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что именно за границей онъ нашелъ точки опоры для своихъ смѣлыхъ богословскихъ построеній, которыя не совпадали съ кіевской наукой. По возвращеніи на родину онъ занялъ было скромное мѣсто учителя піитики въ переяславской семинаріи, но его „Руководство о поэзіи“ не понравилось мѣстному епископу, который предпочиталъ старинныя силлабическія вирши стихамъ Ломоносова, поэтому Сковорода долженъ былъ оставить это мѣсто, сдѣлавшись домашнимъ учителемъ въ семействѣ мѣстнаго помѣщика Томары. Рѣзкій тонъ учителя съ ученикомъ былъ причиною удаленія Сковороды изъ дома Томары, куда онъ снова поступилъ послѣ кратковременнаго путешествія въ Москву. Въ 1759 году ему предоставлено было мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ въ Харьковѣ, но и здѣсь, какъ въ Переяславѣ, вышли у него недоразумѣнія съ властями. Въ 1766 году ему поручено было преподавать благородному юношеству „правила благонравія“. Въ руководство ученикамъ онъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства харьковской губерніи“. Это сочиненіе вызвало гоненіе на Сковороду, и онъ долженъ былъ удалиться изъ Харькова. Съ этого времени до самой смерти своей (1794 г.) Сковорода оставался бездомнымъ странникомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ одного помѣщика къ другому, между которыми онъ имѣлъ не мало искренныхъ друзей и почитателей. Въ убогой сѣрой свиткѣ, съ палкой въ рукахъ и съ флейтой за поясомъ, съ котомкой за плечами, въ которой хранилось все его имущество—библія и нѣсколько свит-

ковъ его сочиненій, появлялся онъ часто въ толпѣ народа—на городскихъ улицахъ, на сельскихъ ярмаркахъ, предлагая ученіе свое, то въ видѣ импровизированной проповѣди, то въ видѣ любимой народомъ стихотворной псальмы.

Чему же училъ Сковорода?

По нашему мнѣнію, все ученіе его сводится къ вопросу о томъ, въ чемъ заключается истинное благо человѣка, иными словами—къ вопросу о нравственныхъ задачахъ его жизни. Къ разрѣшенію этого вопроса нашъ философъ шелъ отчасти богословскимъ, отчасти философскимъ путемъ. Не отрицая вѣры, которая „видитъ свѣтъ, въ тьмѣ стихійной свѣтящійся, видитъ, любитъ и благовѣститъ его“ [1]), онъ, однако же, искалъ этого свѣта и въ философствующемъ разумѣ: „жизнь“, говоритъ онъ, „живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“ [2]). Въ этой двойственности метода заключается главная причина отчасти неясныхъ и смутныхъ, отчасти рискованныхъ положеній въ сочиненіяхъ Сковороды, возбуждавшихъ у современниковъ его не только недоумѣнія, но и порицанія. Даже близкіе и преданные ему люди, преклоняясь предъ нравственнымъ авторитетомъ его, боялись его мнѣній. Таковъ былъ одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ его Ковалинскій, который говоритъ о себѣ, что онъ „будучи воспитанъ полуучеными и школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ коихъ тогда святилища наукъ находились, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія“ [3]). По словамъ Ковалинскаго, онъ испытывалъ „возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную“, въ виду того, что многіе „внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговоры его и даже ви-

---

[1]) Мы будемъ приводить выдержки изъ произведеній Сковороды по юбилейному изданію сочиненій его, Харьковъ, 1894 г.

«Разглаголъ о древнемъ мырѣ», отд. II, 55.

[2]) Письмо къ Тевяшову, отд. II. 258.

[3]) «Житіе Сковороды», Коваланскаго, отд. I, 12—13.

дѣться съ нимъ“ [1]). Это обычная участь пророка, провозглашающаго „любви и правды чистыя ученья“, хотя нужно сказать, что Сковорода имѣлъ не однихъ хулителей, но и страстныхъ почитателей. Любопытно знать, что возмущало однихъ и восхищало другихъ въ ученіи его?

Тотъ же Ковалинскій даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ свою очередь мы дополнимъ этотъ отвѣтъ нѣкоторыми выдержками изъ сочиненій самого Сковороды.

„Я не добиваюсь знать“, говорилъ Сковорода Ковалинскому, „какъ и когда Мойсей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей природы непорочныя и растлѣнныя и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время *свободу мыслей*, т. е. веселіе духа или, такъ называемое, счастіе“ [2]). Въ этой формулѣ заключается весь Сковорода, вся его нравственная сущность, отрицавшая все то, что нарушало „свободу мыслей“. По его мнѣнію, есть три міра, въ которыхъ Богъ открываетъ себя людямъ: космосъ—великій міръ, микрокосмосъ—человѣкъ и Библія—міръ символическій [3]). Сковорода называлъ себя „любителемъ священныя Библіи“, но думалъ, что язычники, черпавшіе познаніе Бога не изъ Библіи, не достойны за это осужденія, ибо они знали истину, „и если Богъ есть истина, то они были вѣрные служители его“ [4]),—думалъ также, что буквальное пониманіе библейскихъ символовъ есть путь, ведущій къ заблужденіямъ. Являются эти заблужденія въ двухъ видахъ: или въ видѣ „буйнаго безбожія“, которое ничего не видитъ въ Библіи, кромѣ всякаго рода несообразностей, или въ видѣ „рабострастнаго суевѣрія“, которое, опираясь на библейскіе символы, требуетъ чудесъ, т. е. нарушенія законовъ природы. Сковорода называетъ это требованіе „исполинскою дерзостію“. „Какъ мо-

---

1) Ibidem, 14.

2) Ibidem, 35.

3) «Потопъ зміинъ», отд. I, стр. XCIII.

4) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 13.

жеть", говоритъ онъ, „возстать сама на свой законъ блаженная натура?" [1]) Особенно вооружается онъ противъ фанатизма, присущаго суевѣрію. „Нѣтъ", говоритъ онъ, „желчнѣе и жестоко-выйнѣе суевѣрія. Онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, оно гонитъ своего брата, дыша убійствомъ". Отъ него „вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и протчее" [2]). Сковорода называетъ суевѣріе „листвіемъ лицемѣровъ", которые „непрестанно въ псалтырь барабанятъ, бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ, цѣлуютъ всякій день заповѣди Господни и за алтынъ продаютъ оныя" [3]). Для нихъ вся сущность религіи заключается въ церемоніяхъ и обрядахъ: „одинъ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится; иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣснуется, что обливаютъ крещаемаго" [4]). Нѣтъ, „не въ вѣдѣніи таинствъ и не въ исполненіи обрядовъ тайноводства", по мнѣнію Сковороды, заключается совершенство и высокость человѣка, а въ дѣланіи истинной пользы ближнему" [5]). Поэтому онъ совѣтовалъ стремиться „къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія" [6]). Очевидно, безъ этого, по его разумѣнію, не возможна была истинная свобода мыслей, слѣдовательно—и счастіе.

Приведенныя нами мнѣнія Сковороды объ „историческомъ богопочитаніи" достаточно поясняютъ намъ, почему „оглагольники" его видѣли въ немъ „развратителя нравовъ и душегубителя, т. е. еретика" [7]). Не даромъ этотъ „еретикъ" не любилъ Кіева, который жилъ еще историческими преданіями. Ничего не видѣлъ онъ въ этихъ преданіяхъ, кромѣ „вражды междоусобной", сопровождаемой „ручными и словесными войнами", поэтому онъ

[1]) Письмо къ Тевяшову, отд. II, 253.

[2]) Ibidem.

[3]) «Брань Архистратига Михаила съ Сатаною», отд. II, 205.

[4]) Письмо къ Тевяшову, отд. II, 254.

[5]) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 13—14.

[6]) Ibidem, 35.

[7]) Ibidem, 26.

былъ совершенно равнодушенъ къ прошлому своей родины. Конечно, онъ зналъ это прошлое. Ковалинскій разсказываетъ, что въ 1764 году „при обозрѣніи древностей кіевскихъ Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ“ [1]), но замѣчательно, что въ сочиненіяхъ своихъ онъ обнаруживаетъ полное отсутствіе всякаго историческаго чутья. Въ одномъ только стихотвореніи его мы встрѣтили легкій намекъ на прошлое:

„О когда бы же мнѣ въ дурни не пошитись,
Дабы волности не могъ какъ лишитись.
Будь славенъ во вѣкъ, о муже избранне,
Волности отче, герою Богдане“ [2]).

И при этомъ—ни слова о томъ, что Хмельницкій былъ героемъ не только личной, но и народной вольности, которая, по видимому, ничего не говорила ни уму, ни сердцу Сковороды. „Малороссію“, говоритъ Ковалинскій, „онъ обыкновенно называлъ матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткой по жительству его въ оной и по любви его къ ней“ [3]). Любилъ онъ ее за широкій просторъ ея полей, которыя въ его время заселялись выходцами изъ старой Украины,—за отсутствіе въ ней политическихъ и церковно-религіозныхъ страстей, которыя чужды были душевному складу украинскаго философа. На дѣвственной почвѣ новой Украины онъ выработывалъ въ себѣ, по словамъ Ковалинскаго, „сердце гражданина всемірнаго“ [4]). И много было въ томъ краѣ людей, утомленныхъ національной борьбой и искавшихъ свободы и покоя въ чувствѣ всемірнаго гражданства. Большинство изъ нихъ ни о чемъ больше не думало, какъ только о матеріальномъ благосостояніи, но были между ними и такіе, которые задумывались о высшихъ задачахъ жизни. Въ средѣ этихъ послѣднихъ

---

[1]) Ibidem, 21.

[2]) «De libertate», II, 291.

[3]) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. II, 21—22.

[4]) Ibidem, 5.

Сковорода и находилъ благожелательныя чувства. Они смотрѣли на него, какъ на мужа мудраго и праведнаго [1]).

Разсуждая о другихъ источникахъ богопознанія, Сковорода не даетъ большой цѣны изученію космоса. „Мы“, говоритъ онъ, „измѣрили море, землю, воздухъ, небеса, размежевали планеты, доискались на лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, но то горе, что при всемъ томъ, кажется, чегось великаго недостаетъ,—нѣтъ того, чего и сказать не умѣемъ: одно только знаемъ, что недостаетъ чегось“ [2]). „Я наукъ не хулю“, продолжаетъ онъ, „одно то хулы достойно, что, на нихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховную науку“, которая, имѣя предметомъ самого человѣка, „насъ потерянныхъ находитъ и намъ же самымъ насъ возвращаетъ: и сіе-то есть быть щастливымъ—узнать, найтить себе самого“ [3]). Мысль эта невольно заставляетъ насъ вспомнить Сократа и его знаменитое: γνῶθι σεαυτόν. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, хотѣлъ ли Сковорода быть русскимъ Сократомъ, мы замѣтимъ только, что въ трактатахъ своихъ онъ нерѣдко упоминаетъ о Сократѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Но есть и внутреннія точки соприкосновенія въ міровоззрѣніи Сковороды и Сократа. Какъ тотъ, такъ и другой, искали критерія истины не во внѣшнемъ мірѣ, а внутри человѣка. „Я знаю то, что ничего не знаю“, говорилъ Сократъ. Выходя изъ этого убѣжденія, онъ рѣшился подвергнуть пересмотру и переоцѣнкѣ ходячія понятія и мнѣнія съ тѣмъ, чтобы найти вѣрный путь къ полученію достовѣрнаго знанія. Чтобы установить этотъ путь, онъ долженъ былъ въ самомъ человѣкѣ указать на положительную силу, которая устраняетъ всякій произволъ въ распознаніи того, что истинно, отъ того, что ложно. Сила эта есть ничто иное, какъ добродѣтель или же то, что мы называемъ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Открыть эту силу можно не иначе, какъ посредствомъ самопознанія или же посредствомъ мудрости, которая и есть предметъ

---

[1]) Ibidem, 2.

[2]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 92.

[3]) Ibidem, 95—96.

философіи. Нѣчто подобное мы уже видѣли у Сковороды въ его критическихъ замѣчаніяхъ о Библіи. Подобно Сократу, онъ тоже стоитъ на почвѣ самосознанія и думаетъ, что оно-то и есть истинная мудрость. Къ чему же ведетъ эта мудрость? По мнѣнію Сковороды, она разъясняетъ человѣку, въ чемъ заключается его счастіе [1]). Здѣсь уже мы не видимъ Сократа. Сковорода думалъ, что философія не есть изслѣдованіе о мудрости, т. е. о методахъ самопознанія, а есть возвышенное настроеніе духа, равносильное понятію о счастіи. Ковалинскій сообщаетъ, что на вопросъ одного ученаго: „что есть философія"? Сковорода отвѣчалъ: „когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно: сіе есть философія" [2]). Что касается добродѣтели, то она есть ничто иное, какъ самый трудъ, направленный, по указаніямъ мудрости, къ достиженію счастія [3]). Переходя къ разъясненію понятія о счастіи, Сковорода устанавливаетъ примѣты его: оно должно быть благо, для всѣхъ доступное и прочное. Не далеко оно отъ насъ. Царство Божіе внутрь васъ есть. Чтобы быть счастливымъ, нужно только предаться волѣ Божьей: „чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ", говоритъ Сковорода, „тѣмъ мирнѣе и счастливѣе. Сіе то значитъ: жить по натурѣ" [4]). Подъ натурою онъ разумѣетъ не скотскіе и слѣпые инстинкты человѣка, а „царственное естество" его, которое онъ называетъ „святымъ духомъ", живущимъ внутри человѣка и зовущимъ его къ исполненію „той должности, для которой онъ въ мірѣ родился, самимъ Вышнимъ къ тому предопредѣленъ" [5]). Всѣ несчастія человѣческой жизни онъ объясняетъ тѣмъ, что люди, не познавъ себя, „входятъ въ несродную имъ стать" и берутся за дѣло, которое не соотвѣтствуетъ ихъ „сродности" [6]). Происходитъ въ этомъ случаѣ нарушеніе законовъ природы, ибо

[1]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 83.

[2]) «Житіе Сковороды» Ковалинскаго, отд. I, 30.

[3]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 83.

[4]) «Алфавитъ мира», отд. II, 116.

[5]) Ibidem 117—118.

[6]) Ibidem 116.

„природа и сродность—значитъ врожденное Божіе благоволеніе и тайный его законъ, всю тварь управляющій“ [1]).

Мы дошли до той границы въ философскихъ размышленіяхъ Сковороды, за которою начинаются туманныя и смутныя созерцанія его съ пантеистическимъ оттѣнкомъ. „Въ Библіи“, говоритъ онъ, „Богъ именуется огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, и протчими безчисленными именами: для чего же его не назвать натурой?.. Симъ словомъ называется все—на-все, что только родится во всей міра сего машинѣ“ [2]). „А понеже сія мати, раждая, ни отъ кого не принимаетъ, но сама собою раждаетъ, для того называется и отцемъ, и началомъ, ни начала, ни конца не имущимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени независящимъ... Сіе повсемственныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правленіемъ, по всему матеріалу разлитымъ безъ конечно и безъ времени“ [3]). „А какъ въ Богѣ раздѣленія нѣсть, то онъ есть простирающееся ко всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ свойство, убо Богъ, и мыръ его, и человѣкъ его—есть то едино“ [4]). Судя по выпискамъ, нами сдѣланнымъ, можно было бы думать, что это пантеизмъ матеріалистическій, но, говоря объ эволюціи мірозданія, Сковорода всегда даетъ перевѣсъ духовному началу и даже противополагаетъ иногда природу Богу. Бесѣдуя съ Ковалинскимъ о вѣчности, онъ говоритъ, что „воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено поприще или кругъ каждому существу по образу вѣчнаго явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго по временной видимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое

[1]) Ibidem 132.

[2]) «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ», отд. II, 85.

[3]) Ibidem 86.

[4]) «Разглаголъ о древнемъ мырѣ», отд. II, 5.

ничто. Край первый и край послѣдній есть единъ, и сіе едино есть Богъ“ [1]).

Такимъ образомъ самопознаніе или же мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью приводитъ человѣка къ сознанію присущаго ему божественнаго начала, въ чемъ и заключается истинное человѣческое счастіе.

Въ общежитіи выражается это счастіе дѣлами любви къ ближнему, которая есть „законъ природы, самонуждпѣйшій для блага человѣческаго, всеобщій, напечатанный въ сердцѣ каждаго, данный каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ“ [2]). Въ сущности весь вопросъ о счастіи, не только личномъ, но и всеобщемъ, сводится къ исполненію этого закона, яснаго и простого, потому и нетруднаго. Итакъ, говорилъ Сковорода, „благодареніе Богу, что трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное нетруднымъ“ [3]). Выходя изъ этого положенія, заимствованнаго у Епикура, Сковорода наложилъ на себя подвигъ самоотреченія. Онъ отказался отъ всѣхъ приманокъ міра, отъ увлеченій суетой жизни. Ему предлагали „монашеское состояніе, обѣщая на семъ поприщѣ честь, славу, изобиліе всего, почтеніе и счастливую жизнь“. Сковорода отказался отъ этого предложенія, „полагая монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, въ лишеніи всего ненужнаго, въ отверженіи всѣхъ прихотей, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему“ [4]). Свобода отъ всѣхъ мірскихъ желаній—въ этомъ, по его мнѣнію, заключался весь смыслъ жизни. „Мнози“, писалъ онъ другу своему Ковалинскому, „глаголютъ: что дѣлаетъ Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческія жизни“ [5]). Но этого „радованія“ можно было достигнуть только цѣною убоже-

---

[1]) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. II, 19—20.

[2]) Ibidem, 34.

[3]) Ibidem и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

[4]) Ibidem, 10.

[5]) Ibidem, 26—27.

ства. „Кто не любитъ хлопотъ, тотъ долженъ научиться просто и убого жить" [1]). Такъ онъ говорилъ, такъ и жилъ, переходя съ мѣста на мѣсто, отъ однихъ добрыхъ людей къ другимъ,—„непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на земли во всемъ разумѣ сего слова" [2]). Но внѣшняя форма этой жизни была не выдумана самимъ Сковородой. Онъ былъ представителемъ того типа людей, которые извѣстны подъ именемъ странствующихъ дьяковъ, съ тою разницею, что не имѣлъ многихъ ихъ слабостей. И въ самомъ дѣлѣ, по своему, такъ сказать, іерархическому положенію онъ былъ дьякомъ, сдѣлавшись таковымъ послѣ того, какъ получилъ увольненіе изъ придворныхъ пѣвчихъ съ званіемъ придворнаго уставщика.

Могли ли быть доступны идеи Сковороды простому народу?

Многія—да, напримѣръ, мысли о счастіи; но метафизическія основы этихъ мыслей едва ли ясны были и для многихъ образованныхъ слушателей его. Сковорода далекъ былъ отъ методическихъ пріемовъ Сократа—индукціи и опредѣленій, и не столько доказывалъ свои мысли, какъ діалектикъ, сколько внушалъ ихъ, какъ проповѣдникъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ рукописяхъ проповѣдей его, обращенныхъ къ народу. Даже теоретическія воззрѣнія его на народъ намъ извѣстны только по выпискамъ изъ такихъ сочиненій Сковороды, которыя не дошли до насъ въ полномъ своемъ составѣ [3]). Нѣкоторые скептически относятся къ этимъ выпискамъ [4]), хотя въ нихъ нѣтъ ничего такого, что не соотвѣтствовало бы духу и стилю другихъ сочиненій Сковороды. Можно сказать только, что учителемъ народнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова Сковорода не былъ. Безъ сомнѣнія, глубокая и, такъ сказать, учительная сила его личности заключалась въ томъ, что слово его не расходилось съ дѣломъ.

---

[1]) Басня Чижъ и щиглик, отд. II, 155.

[2]) «Житіе Сковороды» Коваленскаго, отд. II, 29.

[3]) См. въ статьяхъ Хиждеу: «Григорій Варсава Сковорода», Телескопъ за 1835 г., XXVI.

[4]) См. юбилейное изданіе сочиненій Сковороды, отд. I, XVII—XXV.

Сковорода жилъ такъ, какъ училъ, и училъ тому, что самъ исполнялъ въ жизни. Въ этомъ—вся тайна его вліянія на современниковъ. И однако же не видно изъ его жизни, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо въ средѣ простого народа. Онъ искалъ пріюта и находилъ его въ средѣ украинской интеллигенціи, съ которой состоялъ въ постоянномъ умственномъ общеніи, какъ мѣстный ораторъ, писатель и учитель. Не безъ основанія утверждаютъ, что расположеніе къ просвѣщенію въ дворянствѣ харьковской губерніи посѣялъ Сковорода: по крайней мѣрѣ, въ числѣ первыхъ помѣщиковъ, подписавшихся на 612 тысячъ для основанія харьковскаго университета, были или ученики, или короткіе знакомые и друзья Сковороды. Но на дворянское сословіе смотрѣлъ онъ далеко не съ точки зрѣнія простонароднаго философа. Когда, по порученію мѣстнаго епископа, спросили его, зачѣмъ онъ въ сочиненіи своемъ, изъ-за котораго оставилъ онъ харьковскій коллегіумъ, отступилъ отъ обыкновенныхъ мнѣній о христіанскомъ благонравіи, то Сковорода отвѣчалъ: „дворянство различествуетъ знаніемъ (вѣроятно, званіемъ) и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такія ли прилично ему мысли имѣть о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ“ [1])? Въ этомъ сословномъ консерватизмѣ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія съ его собственнымъ убѣжденіемъ, что истина для всѣхъ одна и счастіе—тоже одно. Ни однимъ словомъ онъ не отозвался на жгучіе вопросы своего времени, которые рѣшались не въ пользу народа. Равнодушными глазами смотрѣлъ онъ на закрѣпощеніе его, которое на его глазахъ происходило. Оптимистъ по своему міровоззрѣнію, онъ совѣтовалъ каждому довольствоваться своимъ положеніемъ, „оставаться въ природномъ своемъ званіи, сколько оно ни подлое“ [2]). Въ баснѣ своей „Голова и Тулубъ“ онъ дѣлаетъ такое нравоученіе простому народу: „на-

---

1) «Житіе Сковороды», Ковалинскаго, отд. I, 24.

2) «Алфавитъ мира», отд. II, 121.

родъ долженъ обладателямъ своимъ служить и кормить ихъ" [1]). Очевидно, отрицая „историческое богопочитаніе", онъ отрицалъ вмѣстѣ съ нимъ и уроки родной своей исторіи, и это не прошло ему даромъ. При всемъ нравственномъ достоинствѣ его личности, было въ ней что-то самодовлѣющее и жосткое... Самое убожество его, которое, повидимому, приближало его къ простому народу, имѣло отчасти декоративный характеръ. Сковорода отлично понималъ силу впечатлѣнія, производимаго контрастомъ между его убогимъ видомъ полунищаго и ученою, иногда загадочною его рѣчью. Самолюбію его всегда льстило это впечатлѣніе, которое доставляло ему исключительную роль въ свѣтѣ. Не разъ онъ высказывалъ мнѣніе, что свѣтъ подобенъ театру. „Когда Богъ", говорилъ онъ въ одномъ собраніи, опредѣлилъ мнѣ „въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ нарядѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи съ степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе и всегда помнить мою ничтожность предъ ними" [2]). Это именно то смиреніе, о которомъ справедливо говорятъ, что оно „паче гордости". Не могъ Сковорода не сознавать своихъ умственныхъ силъ, своего умственнаго превосходства надъ массою людей, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Посылая то или другое сочиненіе свое, по обыкновенію въ рукописи, тому или другому пріятелю, онъ нерѣдко высказывается со всею наивностію авторскаго тщеславія [3]). Одинъ изъ современниковъ его говоритъ, что „своенравіе, излишнее самолюбіе, не терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его—magister dixit—затмѣвали дарованія его" [4]). Слова эти заслуживаютъ довѣрія въ виду того, что они сказаны были простодушнымъ человѣкомъ, который наивно сознается въ слабостяхъ своихъ, подавшихъ Сковородѣ поводъ назвать его

[1]) Отд. II, 155.

[2]) «Житіе Сковороды» Коваленскаго, отд. II, 26.

[3]) «Украинская старина» Данилевскаго, 62—63.

[4]) Ibidem, 41.

„мужчиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“ [1]). Не такъ безразлично относился самъ Сковорода къ „оглагольникамъ“ своимъ, уязвлявшимъ его самолюбіе. Это было именно самолюбіе людей, которые избрали себѣ въ жизни путь мысли и остались въ сторонѣ отъ заманчивыхъ положеній, доставляемыхъ почестями и богатствомъ. Такое самолюбіе нерѣдко одѣвается въ одежду смиренія. Въ такой одеждѣ и являлся Сковорода въ современномъ ему обществѣ.

Еще менѣе можно назвать Сковороду народнымъ писателемъ, хотя нельзя отрицать въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его мотивовъ народныхъ. Охотно вводилъ онъ въ свою рѣчь церковно-славянскія слова и формы, кромѣ прошедшихъ простыхъ, которыя встрѣчаются у него рѣдко. Даже въ письмахъ своихъ не могъ онъ отрѣшиться отъ высокорѣчія церковно-славянскаго, употребляя такія слова, какъ *аще*, *негли*, *обаче*, иногда даже заканчивая письма свои словомъ *аминь* [2]). Нужно замѣтить при этомъ, что, по свидѣтельству Ковалинскаго, Сковорода на письмѣ „употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой“ [3]). По всей вѣроятности, въ устныхъ бесѣдахъ своихъ онъ предпочиталъ рѣчь малорусскую. Есть и въ письменныхъ произведеніяхъ его значительная доля словъ и формъ малорусскихъ. Но рядомъ съ этими послѣдними мы встрѣчаемъ слова и формы великорусскія, напримѣръ: *давича* (отд. II, 241), *возлѣ* (293), *вѣть* (ib.), *братецъ* (84), *лоточка* (270), *не безъ чинишка* (238), *нечево* (151), *всіо* (293), *въ серіодкѣ* (151), *живіошь*, *поіошь*, *вріошь* (293), *войдіотъ* (ib.) и т. п. Не легко иногда разобраться въ этомъ хаосѣ словъ, то различныхъ по значенію и по происхожденію, то сходныхъ по значенію, но различныхъ по происхожденію. Безсознательно для самого себя писатель дѣлаетъ все, чтобы выразить мысль свою самымъ не-

---

1) Ibidem.

2) Ibidem, 56.

3) «Житіе Сковороды», отд. II, 40.

естественнымъ образомъ, употребляя слова то церковно-славянскія, то малорусскія, то великорусскія. Насилія надъ языкомъ въ произведеніяхъ Сковороды доходятъ до того, что онъ импровизируетъ особенныя формы, не то малорусскія, не то великорусскія, напримѣръ: *взглянь* (отд. II, 241), *обиходься* (288), *спѣвая* (262), *не спрятаешся* (305), *сдѣлався* (363), *неколи* (238), *дуракови* (239) и проч. Подчиняясь разнообразнымъ вліяніямъ рѣчи, то книжной, то разговорной, то городской, то сельской, онъ какъ бы утратилъ самое чувство ея. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить то обстоятельство, что Сковорода называетъ малороссійскими пѣснями тяжелыя силлабическія вирши? Такъ, въ одномъ изъ трактатовъ „Брань архистратига Михаила съ сатаною" помѣщены слѣдующія вирши, подъ которыми сдѣлана выноска самимъ авторомъ: „сія пѣснь есть изъ древнихъ малороссійскихъ и есть милая икона, образующая весну: она пространна":

„Зима прейде. Солнце ясно
Мыру откры красно.
Изъ подземной клѣти явишася цвѣты,
Мразомъ прежде побіенны.
Уже всѣ райскія птицы
Испущенны изъ темницы,
Повсюду лѣтаютъ, сладко воспѣваютъ,
Веселія исполненны.
Зеленыи поля въ травы,
Шумящіи въ листъ дубравы
Встаютъ одѣваясь, смотря возсмѣваясь,
Ахъ, коль сладко тамъ взирати!" [1])

Можно было бы подумать, что названа эта „милая икона" малороссійскою не въ смыслѣ языка, а въ смыслѣ происхожденія. Но вотъ отрывокъ изъ оды Горація, переголкованной *малороссійскимъ діалектомъ*, какъ говоритъ самъ Сковорода въ заглавіи къ своему произведенію:

---

[1]) Отд. II, 215.

„Ахъ, ничемъ мы не довольны: се источникъ всѣхъ скорбей!
Разныхъ умъ затѣевъ полный—вотъ источникъ мятежей!
Поудержмо духъ несытый! Полно мучить краткій вѣкъ!
Что ль намъ дасть край знаменитый? Будешъ тоже человѣкъ.
Вить печаль вездѣ летаетъ, по землѣ и по водѣ,
Сей бѣсъ молній всѣхъ быстряе, можетъ насъ сыскать вездѣ.
Будьмо тѣмъ, что Богъ далъ, рады, разбиваймо скорбь шутя.
Полно насъ червямъ снѣдати: вить есть чаша всѣмъ людямъ.
Славны, напримѣръ, герои, но побиты на поляхъ.
Долго кто живетъ въ покоѣ, страждетъ въ старыхъ тотъ лѣтахъ.
Васъ Богъ одарилъ грунтами, но вдругъ можетъ то пропасть,
А мой жребій съ голяками, но Богъ мудрости далъ часть“ [1]).

Называя языкъ этого перевода малороссійскимъ, Сковорода, очевидно, не имѣлъ отчетливаго представленія о той рѣчи, на которой писалъ стихами и прозой. Не удивительно поэтому, что сочиненія его, особенно прозаическія, были недоступны для простого народа не только по содержанію, но и по языку. Ближе къ пониманію народному стояли стихотворенія Сковороды, но прежде чѣмъ перейти въ народное обращеніе, они должны были потерпѣть значительныя измѣненія въ языкѣ. Къ числу такихъ стихотвореній относится, между прочимъ, извѣстная сатирическая пѣсня, начинающаяся словами: „Всякому городу нравъ и права“ и распространенная во многихъ редакціяхъ книжныхъ, полународныхъ и народныхъ [1]). Любопытно, что

[1]) Отд. II, 278—279.

[2]) См. Альманахъ 1835 г. «Утренняя звѣзда», гдѣ помѣщены для сличенія двѣ редакціи этой пѣсни. См. также Данилевскаго «Украинская старина», стр. 84, «Воронежскій литературный сборникъ»,

Сковорода слагалъ иногда свои вирши подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ, заимствуя изъ нихъ не столько поэтическіе образы, сколько общія идеи, болѣе или менѣе подходившія подъ его философское міровоззрѣніе. Симпатіи его къ народной пѣснѣ и къ народному слову, повидимому, наталкивали его на путь народнаго писателя. Къ тому же располагалъ и народный складъ его сатирическаго ума, склоннаго къ рефлексіи. Но Сковородѣ не доставало серьезныхъ увлеченій судьбою того самаго народа, въ средѣ котораго онъ родился. Идеалистъ по натурѣ, онъ не могъ пойти вслѣдъ за тѣми земляками своими, которые въ новыхъ порядкахъ жизни искали личнаго счастія,—не могъ также увлекаться и старыми идеалами, которые въ его время теряли свое обаяніе. Поэтому онъ создалъ для себя особенную сферу отвлеченныхъ положеній, въ которыхъ не было и слѣда общественнаго самосознанія. Всѣ силы души своей онъ обратилъ на то, чтобы приладить эти положенія къ личной жизни своей. Всякая другая работа внѣ этой субъективной сферы самоусовершенствованія казалась ему ниже его достоинства. Онъ гордо отвернулся отъ современной ему общественности, не интересуясь вопросомъ, откуда она произошла и куда она ведетъ. Отсюда — противорѣчія и натяжки въ его убѣжденіяхъ и симпатіяхъ, отсюда же и безсознательность его въ самомъ способѣ литературнаго изложенія.

Такимъ образомъ славяно-малорусская рѣчь, постепенно воспринимая великорусскіе элементы, должна была выйти изъ литературнаго употребленія, уступивъ свое мѣсто литературной русской рѣчи, которою вполнѣ уже владѣли ученики Сковороды. Въ этомъ мы отчасти могли убѣдиться по выдержкамъ изъ сочиненія одного изъ нихъ—Ковалинскаго.

Теперь обратимся къ судьбѣ книжной малорусской рѣчи въ XVIII вѣкѣ.

1861 г. вып. I, стр. 254, «Сочиненія Сковороды», Спб. 1861, №№ VIII, IX, стр. 11—12, наконецъ, юбилейное изданіе сочиненій Сковороды, 1894 г., отд. II, стр. 266—267.

VII.

Произведенія уніатской печати, написанныя книжной малорусской рѣчью въ XVIII в.

Замѣтимъ прежде всего, что въ XVIII в. писатели малорусскіе какъ будто бы охладѣли къ печатанію своихъ сочиненій. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что ни одно изъ произведеній, о которыхъ говорили мы выше, за исключеніемъ „Панегирикоса" Өеофана Прокоповича, не было напечатано. Можетъ быть, одною изъ причинъ этого явленія было сознаніе, что славяно-малорусская рѣчь со всѣми особенностями ея правописанія не годится для всероссійскаго употребленія. И въ самомъ дѣлѣ, она не соотвѣтствовала гражданской печати, заведенной Петромъ Великимъ.

То же самое, и еще въ большей степени, мы должны сказать о книжной малорусской рѣчи. По своимъ особенностямъ лексическимъ и грамматическимъ она еще дальше стояла отъ литературной русской рѣчи, поэтому писавшіе этой рѣчью еще менѣе могли разсчитывать въ XVIII в. на распространеніе ея путемъ печати.

Въ прежнее время сама Украина собственными своими силами должна была отстаивать свою умственную и нравственную независимость, противъ которой направлены были всѣ усилія католической Польши, манившей къ себѣ верхніе слои малорусскаго народа всѣми соблазнами политической и религіозной уніи. Не поддался народъ этимъ соблазнамъ и выдвинулъ для защиты своего національнаго существованія, какъ боевыя, такъ и культурныя средства. Къ послѣднимъ относились литературныя произведенія, въ которыхъ объяснялось и защищалось ученіе „благочестивой" вѣры, съ ея догматами и обрядами, съ ея общественно-народными институціями, которыя давали возможность всѣмъ слоямъ малорусскаго народонаселенія подавать свой голосъ въ дѣлахъ вѣры. Печатались эти произведенія въ мѣстныхъ типографіяхъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей народа, поэтому не считалось дѣломъ страннымъ или необычнымъ упо-

требленіе въ этихъ произведеніяхъ такой рѣчи, которая была болѣе доступна народному пониманію, т. е. рѣчи книжной малорусской.

Въ XVIII вѣкѣ политическая обстановка лѣвобережной Украины существенно измѣнилась. Вмѣсто польскаго государственнаго строя, страдавшаго слабостію центральной власти, явилась власть твердая и энергическая. На лѣвой сторонѣ Днѣпра уже невозможны были религіозныя преслѣдованія. Напротивъ того, „благочестивая" вѣра нашла въ единовѣрномъ государствѣ поддержку и защиту. Самыя средства религіознаго просвѣщенія должны были измѣниться. Это уже были не мѣстныя средства, вызванныя опасеніями за свободу религіозной совѣсти, за самое бытіе праотеческой вѣры. Это были общегосударственныя средства, предназначенныя не для одной Малороссіи, но для всей Россіи. Вотъ почему въ XVIII вѣкѣ, особенно во второй половинѣ его, въ лѣвобережной Украинѣ казалось уже страннымъ писать богословскія сочиненія книжною малорусскою рѣчью. Тѣмъ болѣе показалось бы страннымъ печатать тѣ изъ нихъ, которыя написаны были языкомъ Голятовскаго и Радивиловскаго.

Не то было въ правобережной Украинѣ. Она оставалась еще подъ властію Польши, которая съ неодолимою силой роковыхъ страстей и предубѣжденій выдвигала религіозный вопросъ какъ будто бы для того, чтобы ускорить свое паденіе. Со времени андрусовскаго мира (1667 г.) она не переставала стремиться къ завѣтной мечтѣ, подсказанной іезуитами, провести чрезъ унію на лоно католической церкви ту часть малорусскаго народа, которая входила въ составъ Рѣчи Посполитой. Теперь уже ревнители католичества могли разсчитывать на осуществленіе этой мечты: козачество не могло прійти на защиту православія, а духовенство, мѣщанѐ и крестьяне, лишенные политическихъ правъ, не могли, повидимому, выдержать дружнаго натиска католической пропаганды. Мы не станемъ слѣдить за этой пропагандой. Скажемъ только, что она шла тѣми же путями, какъ и въ XVII вѣкѣ—путемъ угнетенія православнаго духовенства и привлеченія его въ унію матеріальными выгодами.

До самаго конца XVII в. православныя епархіи оставались православными, благодаря двусмысленному поведенію нѣкоторыхъ епископовъ, тайно принявшихъ унію, но не заявлявшихъ объ этомъ своей паствѣ. Когда же сняли они маску, то оказалось, что изъ пяти православныхъ епархій въ Польшѣ сохранила вѣрность православію одна только бѣлорусская. Послѣ этого унія признана была въ Польшѣ единственною законною церковью греческаго обряда, и политика двуличія смѣнилась политикой открытаго насилія. Памятникомъ этого насилія была уніатская литература XVIII в. Она хотѣла регламентировать народную совѣсть, ввести ее въ тотъ кругъ религіозныхъ представленій, источникомъ которыхъ было не религіозное одушевленіе, а политическій оппортунизмъ, сводившій весь вопросъ о народномъ просвѣщеніи къ спасенію души подъ условіемъ соединенія съ римскою церковью:

„Кто хощетъ душу вѣчне спасти свою,
Нехъ той примаетъ вѣрою живою
Съ Церквою Рима соединеніе,
Бо на томъ виситъ всѣхъ насъ спасеніе". [1])

Книга, изъ которой выписали мы эти стихи, издана была въ 1778 г. базиліанами—монахами почаевской лавры. Учрежденъ былъ этотъ орденъ еще въ XVII в. при уніатскомъ митрополитѣ Іосифѣ Рутскомъ (1613—1637), но особенное значеніе пріобрѣлъ онъ послѣ того, какъ православныя епархіи, остававшіяся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, перешли въ унію. Состоя въ зависимости отъ одного папы, базиліане почти не признавали власти мѣстныхъ епископовъ. Они завладѣли управленіемъ уніатской церкви, присвоили себѣ болѣе значительные монастыри съ ихъ земельными угодьями и доходами, отняли у бѣлаго духовенства лучшіе приходы. Какъ ученики іезуитовъ, они старались распространять унію посредствомъ школы: съ этою цѣлью они завладѣли, какъ низшими, такъ и высшими школами. [2]) Но, конечно, смотрѣли они на унію, какъ

---

[1]) «Пѣснь катихизмова» изъ книги «Народовѣщаніе».

[2]) Historia szkól Lukaszewicza, 1849 г., т. I, 354, т. II, 263—277.

на переходную стадію, поэтому они далеки были отъ тѣхъ религіозныхъ настроеній, которыми руководились нѣкогда создатели православныхъ школъ. Обученіе въ базиліанскихъ школахъ происходило на языкѣ польскомъ, изученіе же церковно-славянскаго языка совсѣмъ было запущено. Случалось иногда, что воспитанники базиліанъ, поступивъ на приходы, отправляли богослуженіе по тетрадкамъ, на которыхъ церковныя службы написаны были латинскими буквами. Вообще же къ образованію низшаго духовенства базиліане относились съ пренебреженіемъ, поэтому епископы нерѣдко вынуждены были рукополагать въ священники людей полуграмотныхъ. На этихъ священниковъ базиліане смотрѣли глазами католическаго духовенства, сочинившаго извѣстную пословицу: Pan Bóg stworzył popa dla chłopa, a plebana dla pana.

Но такъ или иначе, а съ этимъ хлопомъ нужно было считаться. Привыкъ онъ къ обрядамъ своей церкви и къ богослужебному языку ея, поэтому нужно было сочинить такія книжки, которыя могли бы служить руководствомъ для сельскихъ пастырей, чтобы они могли „простимъ языкомъ русскимъ простѣйшій народъ поучати", воспитывая его „въ единеніи съ церквію Рима". [1]) Въ изданіи такихъ книжекъ больше всего потрудились базиліане—особенно послѣ того, какъ овладѣли они почаевскимъ монастыремъ и возобновили его типографію (1720—1725 г.). Не входя въ подробный разборъ этихъ изданій, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ только лишь для того, чтобы познакомиться съ педагогическими пріемами уніатскихъ просвѣтителей.

Въ 1722 г. напечатано было въ монастырѣ супрасльскомъ „чину святаго Василія Великаго" „Собраніе припадковъ краткое и духовнымъ особамъ потребное". Книга эта заключаетъ въ себѣ ученіе о таинствахъ, о десяти заповѣдяхъ Божіихъ, изъясненіе символа вѣры и молитвы „Отче нашъ" и „Богородице дѣво", „такожде науку, како подобаетъ наставляти малыхъ

---

[2]) «Народовѣщаніе», 1778 г.

или невѣжовъ". Издана она была, какъ говорится въ предисловіи, по распоряженію замойскаго собора, состоявшагося въ 1720 г. при уніатскомъ митрополитѣ Леонѣ Кишкѣ. Это тотъ самый соборъ, отъ котораго ведетъ начало свое цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ сліянію уніи съ католичествомъ. Душей этого собора были базиліане, добившіеся на немъ постановленія, чтобы епископами назначались монашествующіе, какъ надежные слуги папской власти, непосредственно ей подчиненные. Изъ окружнаго посланія Аѳанасія Шептицкаго, преемника Кишки по званію митрополита, мы узнаемъ, что замойскій соборъ созванъ былъ главнымъ образомъ для исправленія „росскихъ книгъ, аще въ нихъ поползновенія и претткновенія обрящутся", несогласныя съ ученіемъ римской церкви. И дѣйствительно, не мало въ нихъ оказалось „поползновеній и претткновеній", которыя митрополитъ предлагаетъ устранить. Въ Тріоди постной 1717 г. вмѣсто словъ: „да вѣчнаго огня избавитъ" положи тіе: „да милостивно мукъ чистителныхъ избавитъ". Въ молитвословѣ 1720 г. вмѣсто словъ: „спаси, Господи, и помилуй святѣйшихъ архіепископовъ, вселенскихъ патріарховъ", положи тіе: „святѣйшаго архіерея вселенскаго, имя рекъ, папу римскаго". Въ Трифолоѣ 1694 г. слова: „Духъ святый отъ Отца единаго исходитъ" вымажъ „единаго", а положи такъ: „отъ Отца и Сына исходяща". Что касается до „Собранія припадковъ", то основная задача этой книги—сообщить мало подготовленнымъ пастырямъ церкви minimum богословскихъ знаній, необходимыхъ въ церковно-религіозной практикѣ,—при чемъ въ самомъ началѣ книги дѣлается предостереженіе, что каждый годъ четыре раза епископъ будетъ посылать нарочитыхъ мужей для испытанія въ познаніи ея. Въ текстъ книги введены три языка: до 137 листа—церковно-славянскій въ славяно-русской редакціи, отъ 137—книжный малорусскій и параллельно на соотвѣтствующихъ страницахъ—польскій. Къ концу книги приложенъ „Лексиконъ сирѣчь словесникъ славенскій, имѣющъ въ себѣ словеса первѣе славенскія азбучныя, по семъ же полскія". Словарь этотъ изданъ въ виду того, что едва сотый іерей зналъ

пославянски, въ чемъ убѣдился самъ епископъ „съ неисчетною болѣстію сердца". Невольно эти польскія объясненія славянскихъ словъ заставляютъ насъ вспомнить о „Лексиконѣ словеноросскомъ" Памвы Берынды, который для объясненія славянскихъ словъ обращался къ книжной малорусской рѣчи, или же объ изданной нами рукописи: „Синонима славенороссская", гдѣ замѣтно стремленіе вытѣснить изъ самой книжной малорусской рѣчи польскія слова [1]). Приходится намъ повторить здѣсь общеизвѣстную истину, что унія опиралась на культуру польскую и на языкъ польскій.

Въ 1751 г. напечатано было въ монастырѣ почаевскомъ тоже монахами „чину святаго Василія Великаго" „Богословіе нравоучительное". Это ничто иное, какъ распространенное и улучшенное „Собраніе припадковъ"—съ тѣмъ же порядкомъ въ распредѣленіи статей, съ тѣмъ же двойнымъ текстомъ малорусскимъ и польскимъ, начиная съ листа 105, и съ славяно-польскимъ лексикономъ въ концѣ. Упоминаемъ объ этой книгѣ, потому что она была настольною книгой уніатскаго священства, замѣняя для него школьную науку, и не разъ издавалась въ послѣдствіи [2]).

Но какъ учить народъ? На какомъ языкѣ проповѣдывать ему? И объ этомъ позаботились базиліане. Они издавали въ томъ же почаевскомъ монастырѣ сборники поученій подъ разными наименованіями: „Сѣмя слова Божія" 1781 г., „Бесѣды парохіальныя" 1789 г., „Науки парохіалнія" 1794 г. Особенно любопытенъ этотъ послѣдній. Въ предисловіи переводчикъ объясняетъ

---

[1]) См. объ этомъ нашъ «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.».

[2]) Отъ этой книги нужно отличать «Богословіе нравоучительное изъ богословія Антоіне... римскимъ діалектомъ писаннаго... на русскій діалектъ вкратцѣ переведенное». Это тоже почаевское изданіе. Первое, по Ундольскому, относится къ 1776 г. Въ библіотекѣ кіевской Духовной академіи мы видѣли изданіе 1779 г. Составъ книги не тотъ, что въ «Богословіи нравоучительной» 1751 г. Всѣ статьи строго соглашены съ порядкомъ таинствъ, нѣтъ особыхъ отдѣловъ о Символѣ вѣры, о заповѣдяхъ Божіихъ, нѣтъ лексикона. Во всей книгѣ языкъ церковно-славянскій, нѣтъ книжнаго малорусскаго.

происхожденіе „наукъ пароxіалныхъ", которыя первоначально переведены были съ италіанскаго языка на польскій, съ польскаго на „славенско-русскій", а потомъ уже „простымъ и звычайнымъ русскаго языка, бесѣды посполитымъ способомъ преложены для латвѣйшаго простыхъ людей и неуковъ вирозумленія и спасеннаго оныхъ пожитку". Онъ думаетъ, что „въ преложеніи сихъ наукъ" многія слова и выраженія покажутся разнымъ читателямъ „неуживаными и неугодными", но причина этого, по его мнѣнію, заключается въ самихъ свойствахъ русскаго языка. „Вѣдомо бо есть тебѣ, благоговѣйный читателю", говоритъ онъ, „же въ русской сей простой, въ Полщы звычайной и посполитой бесѣдѣ, слова и способи ихъ виражeнія суть рожніи и не всѣмъ еднаковіи: на Волыню инщіи, на Подолю и на Украинѣ инщіи, въ Полѣсю инщіи. Для того въ едномъ томъ наукъ преложеніи, не могохъ всѣмъ тако не согласующымся и разнствующымъ въ рожномъ ихъ бесѣдъ несогласіи подлугъ моего угодити желанія. Но ты, всечестный и благоговѣйный читателю, поневажъ всегда зъ людми твоей паствѣ вручеными живеши и съ ними всегда бесѣдуеши и добре способъ ихъ бесѣды и словъ виражeнія знаеши, для того латво можеши сія краткія наукы читаючи, такъ имъ слова виражати, якъ они между собою бесѣдовати обыкоша и якъ имъ пріятнѣйше". Въ выписанныхъ нами строкахъ мы встрѣчаемъ тѣ самыя выраженія, которыя, начиная со второй половины XVI вѣка, употребляли защитники „благочестивой" вѣры въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось укрѣплять ее въ сознаніи „простыхъ" людей. И они обращались тогда къ „простой мовѣ", къ „русской мовѣ", къ „языку русскому", разумѣя подъ нимъ народный малорусскій языкъ. Нельзя сказать, чтобы они твердо и неуклонно стояли на почвѣ этого языка: и для нихъ, какъ для монаховъ „чину Василія Великаго" народный языкъ былъ только орудіемъ религіозной борьбы. Но большая разница въ томъ, что вели они борьбу для самозащиты—оборонительную, а не наступательную. Такъ или иначе, они сознавали, что православіе съ его соборнымъ началомъ церковно-религіозной жизни болѣе соотвѣтствуетъ народному міровоззрѣнію, чѣмъ унія

съ ея подавляющимъ авторитетомъ церковной іерархіи. Такимъ образомъ, прибѣгая къ народному языку для защиты православія, они не видѣли противорѣчія между средствомъ и цѣлію, и можно было бы пожелать имъ только большей послѣдовательности и настойчивости въ употребленіи этого средства. Совсѣмъ иное мы видимъ, когда въ народномъ языкѣ ищутъ опоры для того, чтобы привить къ народу понятія, чуждыя его духовной сущности. Тутъ уже нѣтъ сочувственнаго уваженія къ народу и языку его, нѣтъ и вѣры въ народъ, въ его творческія силы. Тутъ господствуетъ одна мысль, одно стремленіе—привести народъ къ послушанію святѣйшему папѣ римскому, стремленіе, возникшее не изъ религіозныхъ потребностей народа, а изъ клерикальныхъ разсчетовъ и соображеній, осложненныхъ вліяніемъ страстей, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ. Это методъ педагогическаго приспособленія къ народу, вовсе не разсчитанный на то, чтобы вызвать въ немъ самодѣятельность мысли и чувства.

Такого же метода держались и составители Богогласника—книги, весьма распространенной въ уніатскомъ мірѣ [1]). Въ составъ ея вошли, между прочимъ, пѣсни духовнаго содержанія, небезъизвѣстныя народу. Есть между ними и такія, которыя встрѣчаются нерѣдко въ рукописныхъ сборникахъ прошлаго вѣка, предшествовавшихъ появленію Богогласника: сюда относятся нѣкоторыя „умилительныя“ пѣсни, помѣщенныя въ четвертой части Богогласника, а также рождественскіе канты, вошедшіе въ дополнительный отдѣлъ первой части. Любопытно заглавіе этого отдѣла: „иныя пѣсни на Рождество Христово вмѣсто не богоугодныхъ обычныхъ колядъ простымъ пѣвцемъ служащія“. Такимъ образомъ Богогласникъ дѣлаетъ уступки „простымъ пѣвцемъ“, но только тѣ, которыя согласны съ его религіозно-поучительными цѣлями. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, онъ критически относится къ своему матеріалу, заимствуя его исключительно изъ письменныхъ источниковъ. Изъ предисловія

1) Головацкій относитъ первое изданіе Богогласника къ 1790, а второе сокращенное къ 1805 году. Мы пользовались позднѣйшимъ изданіемъ 1825 г. Всѣ изданія почаевскія.

узнаемъ мы, что не вошли въ него пѣсни, „худо и неискусно составленныя“, не вошли также тѣ пѣсни, которыхъ „не возможно увѣдати приличнаго имъ гласа“. Что касается пѣсенъ, „добрѣ сочиненныхъ и по своему гласованію увѣданныхъ“, но неискусными писцами испорченныхъ, то онѣ исправлены и переработаны, и въ такомъ видѣ пѣвцамъ и слушателямъ предложены, „аки снѣдь, иными смаки утворенная, аки потемненное сребро, седмирицею очищенное“. Къ этому мы должны прибавить, что многія пѣсни заново сочинены разными авторами на славяно-малорусскомъ и польскомъ языкахъ. Большею частію сочиняли пѣсни сами же базиліане, но въ числѣ авторовъ, и именно польскихъ пѣсенъ, были и законники „towarzystwa Iezusowego“, были и свѣтскіе люди. Такъ сложилась книга, предназначенная, какъ для церковнаго, такъ и для домашняго употребленія, въ кругу людей духовныхъ и мірскихъ, старыхъ и молодыхъ. Въ ней, говорятъ составители ея, обращаясь къ любителямъ душеспасительнаго пѣнія,

„Ветхія и новыя (пѣсни) обрящешь себѣ,
И старѣйшымъ, и юнѣйшымъ угодити требѣ“.

Но слабость уніи и заключалась именно въ томъ, что она, всѣмъ угождая, никого не удовлетворяла. Напрасно она усиливалась найти поддержку въ народѣ, отказываясь въ то же время отъ его историческихъ преданій. Напрасно также ожидала она помощи отъ католичества, которое не могло уважать ее, какъ сильнаго противника, сознающаго свое нравственное достоинство. Она была ему нужна для борьбы съ православіемъ; тамъ же, гдѣ эта борьба оканчивалась торжествомъ уніи, католики не могли ужиться съ нею. Въ каждой попыткѣ ея къ самозащитѣ они видѣли доказательство того, что она снова готова была возвратиться въ православіе. Чтобы отрѣзать ей всѣ пути къ отступленію, торопились какъ можно скорѣе покончить съ нею. Такъ начались гоненія на самую унію въ тѣхъ областяхъ, гдѣ она не нужна была, какъ противовѣсъ православію. Вообще же можно сказать, что едва ли бы она уцѣлѣла въ польскомъ го-

сударствѣ, если бы не наступилъ первый раздѣлъ его, послѣ котораго Червоная Русь отошла къ Австріи, гдѣ унія нашла защиту и покровительство въ новомъ правительствѣ, которое не имѣло надобности сводить съ нею личные счеты.

Что сказали мы объ уніи, то же должны сказать и объ уніатской литературѣ XVIII в. Не было въ ней ни выдающихся произведеній, ни такихъ значительныхъ именъ, какъ имена Ѳ. Прокоповича, Конисскаго, Сковороды. Она имѣла церковно-оффиціальный характеръ, не выходя за границы того, что удовлетворяло потребностямъ религіозной мысли. Безъ сомнѣнія, и въ этой области возможна игра фантазіи, свободные порывы чувства, возможно отраженіе народной психологіи, народныхъ настроеній, не исключая даже юмористическихъ, что и видимъ мы въ народныхъ малорусскихъ виршахъ, созданныхъ подъ режимомъ старинной „благочестивой“ вѣры, отличавшейся терпимостью. Такого рода творчество не могло найти поддержки тамъ, куда проникла уніатская регламентація, руководимая духомъ партіи, убѣжденной, что народъ есть масса, изъ которой можно лѣпить, что угодно. Въ этихъ условіяхъ чисто нравственнаго свойства заключается причина, почему книжная малорусская рѣчь, преобладавшая въ уніатскихъ произведеніяхъ XVIII вѣка, не могла развиться дальше того предѣла, до котораго она дошла въ XVII вѣкѣ.

Но, можетъ быть, унія, угнетаемая католическими творцами ея въ польскихъ областяхъ, могла вызвать болѣе сильную литературную производительность въ Австріи, гдѣ предоставлено ей было болѣе прочное существованіе.

Не видно этого изъ фактовъ.

Извѣстно, что Іосифъ II, какъ убѣжденный поклонникъ просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ реформъ, направленныхъ къ уничтоженію рабства, унижающаго человѣческое достоинство. Нигдѣ эти реформы не были такъ своевременны, какъ въ галицкой Руси, гдѣ крестьяне томились въ панской неволѣ, гдѣ дворяне были не только привилегированнымъ сословіемъ, но и своего рода государствомъ въ

государствѣ. Не забудемъ, что до 1768 г. польскій панъ могъ распоряжаться не только имуществомъ, но и жизнію своихъ „подданныхъ". Въ 1782 г. сдѣлана была законодательная попытка положить конецъ этому безправію. Крестьяне освобождены были отъ крѣпостной зависимости, но безъ земли. Оставляя землю своего пана, они могли переселяться, куда имъ было угодно, заниматься ремесломъ, какимъ имъ было угодно. Продолжая жить на землѣ пана, они исполняли разныя повинности, но строго ограниченныя инвентарями. Это слабая сторона реформы, та полуоткрытая дверь, чрезъ которую крѣпостные порядки снова могли проникнуть въ послѣдствіи. Какъ бы то ни было, но и то, что получили галицкіе крестьяне, было нѣчто невиданное и неслыханное въ старинной Польшѣ. Этого мало. Такъ какъ крестьяне были малороссіяне, а не поляки, то правительство вынуждено было поднять умственный уровень ихъ для того, чтобы они могли защищать свои права, однимъ словомъ— позаботиться о народномъ образованіи. Кому же было заняться этимъ дѣломъ, какъ не пастырямъ церкви? Но мы уже знаемъ, что и эти послѣдніе большею частію были люди необразованные. Отсюда явилась необходимость учредить въ самомъ Львовѣ русскую семинарію (1783 г.), въ которой богословскіе и философскіе предметы должны были преподаваться на русскомъ языкѣ. По мысли учредителя, будущіе просвѣтители народа должны были знать языкъ его, поэтому и сами должны были учиться на языкѣ прихожанъ своихъ. Въ 1784 г. основанъ былъ въ Львовѣ университетъ, а въ 1787 г. разрѣшено было и въ университетѣ преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, для чего назначены были два профессора — Петръ Лодій на философскую каѳедру и Андрей Павловичъ на математическую. Такъ изъ соціальнаго вопроса самъ собою возникъ вопросъ національный, а изъ этого послѣдняго вопросъ о просвѣщеніи, и притомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ же воспользовалась галицкая Русь этими благопріятными условіями для своего развитія?

Нечего и говорить, что поляки отнеслись крайне неблагожелательно къ лекціямъ въ университетѣ на русскомъ языкѣ: они называли ихъ „Winkelschulen", а русскихъ воспитанниковъ „алилуйками". Но и сами русины галицкіе, какъ говоритъ одинъ старинный ученый ихъ, „не оцѣнили вниманія къ нимъ правительства: вмѣсто того, чтобы положить материнскій языкъ въ основу своего образованія, они видѣли пониженіе своего достоинства въ томъ, что богословскія и философскія науки преподавались имъ не на латинскомъ языкѣ, какъ нѣмцамъ и полякамъ, и потому просили объ отмѣнѣ постановленія о лекціяхъ на русскомъ языкѣ" [1]). То же самое говорятъ и позднѣйшіе ученые галицкіе Я. Головацкій и О. Огоновскій [2]). Очевидно, реформа застала убогую Русь, одичавшую подъ тяжестью духовнаго и матеріальнаго рабства, какъ говорится, въ-расплохъ. Выходя изъ того убѣжденія, что не устный, а книжный языкъ служитъ признакомъ образованности народной, галицкіе ученые начали преподавать въ университетѣ на церковно-славянскомъ языкѣ, называя его россійскимъ языкомъ. Чтобы составить понятіе о томъ, что разумѣлъ Лодій подъ россійскимъ языкомъ, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ предисловія его къ переводу „нравственной философіи" Баумейстера. „Во исполненіе всемилостивѣйшаго намѣренія императорскаго", говоритъ переводчикъ, „Высочайшее Виденское наукъ правительство при возбужденіи сихъ училищъ 1787 года опредѣлило, да дѣло Христіана Баумейстера въ любомудріи умозрителномъ и дѣйствителномъ преподается, и не по мнозѣ повелѣно бяше, да на россійскій языкъ преложится, что понеже трудовъ моихъ касашеся, немедленно дѣлу руцѣ приложихъ, и по мѣрѣ силъ, аще и въ недостатку нуждныхъ къ переведенію средствій сый единою для пользы учащагося юно-

---

[1]) Grammatik der ruthenischen oder Kleinrussichen Sprache in Galizien von I. Levicki, 1834 г.

[2]) Науковый сборникъ, 1865 г., ст. Я. Головацкаго: «о первомъ литературно-умственномъ движеніи русиновъ въ Галиціи». Исторія литературы рускои, О. Огоновскаго, 1889 г., ч. II, від. I.

шества галиційскаго преложихъ. Сея ради причины да не почудится простымъ иногда выраженіямъ благосклонный читатель! но паче трудившемуся благоутробно да проститъ при новонасажденномъ благополучія древѣ о новопроизрастшемъ радуяся плодѣ" [1]). Повидимому, въ этой книгѣ „благоутробно" прощать нечего... Были и другія попытки передать высшую науку на такомъ же „россійскомъ" языкѣ, съ такими же извиненіями за употребленіе „простыхъ выраженій". Въ 1790 г. появился переводъ церковной исторіи Данненмайра съ предисловіемъ отъ переводчика, который говоритъ: „еже касается перевода, зане часть выраженій простыхъ употребихъ, сего да не кто мнѣ отъ иностранныхъ въ зло вмѣняетъ. Сей бо трудъ мой едино токмо намѣряетъ къ ползѣ юношества русскаго галиціанскаго въ сѣятелищы лвовскомъ рускомъ богословію учащихся и прочіихъ въ тойжде области свойственнымъ образомъ глаголющихъ" [2]). И здѣсь, какъ въ трудѣ Лодія, никакого „свойственнаго глаголанія" не было,—не было даже книжной малорусской рѣчи, которую, безъ сомнѣнія, допускали преподаватели въ устныхъ бесѣдахъ съ учащимся юношествомъ, не отвергая ее и въ сочиненіяхъ церковно-богословскаго содержанія.

Такимъ образомъ благопріятная минута для возрожденія галицкой Руси была упущена. Послѣ смерти Іосифа II (1790) положеніе галицкихъ уніатовъ становится все хуже и хуже. Французская революція охладила прогрессивное настроеніе въ правящихъ кругахъ всей Европы. Наступила и въ Австріи реакція. Она выразилась въ сближеніи правительства съ польскимъ дворянствомъ. Были и мѣстныя причины этого сближенія. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, въ Украинѣ, въ Подоліи и на Волыни все уніатское духовенство съ своими прихожанами перешло въ православіе. Поляки не замедлили объяснить правительству, что они не могутъ разсчитывать на вѣрность уніатовъ, которые тянутъ къ Россіи, и что единственная опора его есть

---

[1]) Історія литературы русскои, О. Огоновскаго, ч. II, відд. I, стр. 52.

[2]) Ibidem, 55.

шляхта въ союзѣ съ католичествомъ. Отсюда возникла мысль объ учрежденіи митрополіи въ самой Галиціи, чтобы уніаты не смотрѣли по сторонамъ и не помышляли о связи своей съ Кіевомъ. Въ 1808 г. поставленъ былъ въ Львовѣ митрополитомъ перемышльскій епископъ Антоній Ангеловичъ. Но „блескъ митрополіи Галицкой", говоритъ Я. Головацкій, „не поднесъ русскаго языка, не огрѣлъ и не просвѣтилъ русскаго народа"[1]). Въ 1806 г. перенесенъ былъ университетъ изъ Львова въ Краковъ. Русскія каѳедры одна за другою закрывались. То, что дано было прежде, мало по малу отбиралось отъ русиновъ. Въ декретахъ Іосифа II отъ 1786 и 1787 годовъ русскій языкъ признавался „краевымъ, народнымъ, національнымъ" (Landes-Volks und National-Sprache), но уже въ 1805 г. тривіальныя (трехклассныя) школы отданы были подъ надзоръ латинской консисторіи, а въ 1813 г. русскій языкъ совсѣмъ былъ устраненъ изъ нормальныхъ (четырехклассныхъ) школъ. Что касается до приходскихъ школъ, то въ силу реформы 1817—1818 годовъ онъ допускался лишь въ школахъ уніатскихъ не смѣшанныхъ, а въ школахъ смѣшанныхъ предпочтеніе отдавалось языку польскому. Предоставлялось громадамъ право заводить русскія школы въ мѣстностяхъ, гдѣ есть смѣшанныя школы, но эти школы не должны были разсчитывать на поддержку школьнаго фонда. Слѣдствіемъ всего этого было признаніе за польскимъ языкомъ господствующаго положенія въ томъ краѣ, гдѣ само правительство нѣкогда называло русскій языкъ „краевымъ, народнымъ, національнымъ".

П. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Науковый сборникъ 1865 г.: «О первомъ умственно-литературномъ движеніи русиновъ въ Галиціи».

Воспоминанія о Приворотскомъ духовномъ училищѣ 50-хъ годовъ.

Въ 30 верстахъ отъ губернскаго города Каменца-Подольскаго въ глухомъ мѣстѣ находится село Приворотье, Ушицкаго уѣзда. Послѣ учрежденія православной епископской каѳедры въ Подольской губерніи, Подольскому архіерейскому дому надѣлена была казной ферма въ этомъ селѣ. Часто проживая тамъ и облюбовавъ этотъ уголокъ, первый православный епископъ Подоліи Іоанникій выхлопоталъ учрежденіе здѣсь духовнаго училища, которое было открыто во второмъ десятилѣтіи текущаго столѣтія по типу тогдашнихъ духовныхъ училищъ. Въ 40-хъ годахъ оно изъ уѣзднаго духовнаго училища, состоявшаго изъ 4-хъ классовъ, преобразовано было въ приходское духовное училище, но въ 50-хъ годахъ вновь преобразовано въ уѣздное духовное училище съ тремя отдѣленіями: высшимъ, среднимъ и низшимъ, съ шестилѣтнимъ курсомъ. Въ срединѣ 50-хъ годовъ мнѣ пришлось поступить въ это училище въ низшее отдѣленіе. Припоминая теперь впечатлѣнія, вынесенныя изъ училища, я не могу не замѣтить, что тогдашній строй училища и жизни учениковъ его, по сравненію съ нынѣшнимъ строемъ такихъ училищъ, представляется настолько отличнымъ, почти легендарнымъ, что считаю умѣстнымъ воспроизвести эти впечатлѣнія, хотя-бы для того, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ воспитывались тогда люди, готовившіеся быть пастырями православнаго народа. Не претендуя на стройность изложенія, я желаю разсказать только то, что приходилось видѣть и слышать лично.

При поставленіи моемъ въ училище, учительскій персоналъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора (священники) и трехъ учителей; учениковъ же было около 250, которые распредѣлялись по классамъ неравномѣрно: въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ большинство предметовъ преподавалъ одинъ учитель, учениковъ было около 120, въ среднемъ около 70, а въ высшемъ около 60. Большинство учениковъ состояло изъ казеннокоштныхъ. Это были большей частью сироты священниковъ и причетниковъ. Небольшая часть состояла изъ дѣтей священниковъ ближайшихъ уѣздовъ и, наконецъ, самая меньшая часть учениковъ—изъ дѣтей лицъ, не принадлежавшихъ къ духовному сословію, которые въ спискахъ учениковъ числились подъ рубрикой „свѣтскаго званія". Большей частью это были дѣти крестьянъ сосѣднихъ селъ и отчасти мелкихъ дворянъ, состоявшихъ на службѣ въ качествѣ „офиціалистовъ". Въ числѣ такихъ учениковъ были и католики. Кромѣ того, въ спискахъ учениковъ числились еще „архіерейскіе пѣвчіе", которые никогда не посѣщали училища и жили въ архіерейскомъ домѣ въ губернскомъ городѣ, но переводились по спискамъ безостановочно изъ класса въ классъ. Ученики „свѣтскаго званія" не обязаны были изучать нотное пѣніе, обязательное для остальныхъ учениковъ. Доступъ въ училище открытъ былъ для учениковъ не только изъ жителей Подольской губерніи, но и сосѣдней Бессарабіи. Этихъ послѣднихъ учениковъ въ мое время было около 10. Смотрителемъ училища былъ священникъ В. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, по окончаніи духовной академіи прослужившій на учебномъ поприщѣ уже около 20 лѣтъ, но по своему характеру меньше всего пригодный для педагогической дѣятельности, а тѣмъ болѣе для того, чтобы стоять во главѣ учебнаго заведенія, которымъ онъ управлялъ единолично, такъ какъ остальные учащіе, за исключеніемъ инспектора, не несли административныхъ обязанностей. По природѣ добрый и безхарактерный, онъ часто и сильно раздражался и въ это время способенъ былъ запороть провинившагося ученика, не задумываясь надъ степенью его вины. Напримѣръ, преподавая латинскій языкъ, онъ всегда раздражался, когда уче-

никъ произнесетъ слово „ego" съ удареніемъ не на первомъ слогѣ, а на послѣднемъ, что соотвѣтствовало произношенію этого слова на греческомъ языкѣ. Нерѣдко въ этихъ случаяхъ смотритель кричалъ, что „по-гречески ты знаешъ, а по-латински не знаешь,—лозъ!". Послѣднее слово наводило ужасъ, такъ какъ обозначало, что ученика немедленно будутъ сѣчь розгами. При этомъ число ударовъ розгами не считалось, но обыкновенно рѣдко бывало меньше 10. Мольбы наказываемаго о пощадѣ еще больше раздражали смотрителя и удлиняли экзекуцію. —Инспекторъ училища представлялъ собой иной типъ. Онъ хотя видимо былъ больной, но никогда не кричалъ, за то съ невозмутимымъ спокойствіемъ приказывалъ пороть розгами и смотрѣлъ на эту экзекуцію спокойно. Правда, онъ наказывалъ гораздо рѣже, нежели смотритель, но за то былъ неумолимъ и, повидимому, совершенно не обращалъ вниманія на мольбы ученика, а иногда посмѣивался. Злость его проявлялась только тѣмъ, что онъ въ минуты раздраженія грызъ свою священническую косу зубами. Третій по старшинству—учитель ариѳметики О.... Это былъ толстый не по лѣтамъ человѣкъ, основательно преподававшій свой предметъ, никогда не раздражавшійся, говорившій всегда по-малороссійски, съ улыбкой, наказывающій розгами за всякое незнаніе обыкновенно не болѣе 5 или 6 ударами, но всегда очень чувствительными, за чѣмъ онъ строго наблюдалъ. Свою систему ученія онъ примѣнялъ одинаково строго ко всѣмъ ученикамъ безъ различія разрядовъ и не щадилъ даже своего родного племянника—сироту, воспитывавшагося на его счетъ и принадлежавшаго не къ числу лучшихъ учениковъ. Учитель русскаго языка В. былъ какой-то сонный человѣкъ. Все его поведеніе въ классѣ, отличавшееся медлительностью и сонливостью, наводило на учениковъ сонъ до тѣхъ поръ, пока не начиналась порка, къ которой онъ также прибѣгалъ, хотя и рѣже, чѣмъ предыдущіе коллеги. Правда, экзекуція эта, благодаря его сонливости, рѣдко бывала мучительной, и случалось, что наказывавшій билъ розгой по полу, а лежавшій на полу ученикъ для виду кричалъ. Но этотъ сонливый учитель, исполняя обя-

занность помощника инспектора, любилъ жаловаться на учениковъ смотрителю, а послѣдній, при своей раздражительности, всегда наказывалъ тяжко того, на кого приносилась жалоба. Защитникомъ учениковъ въ такихъ случаяхъ являлась жена смотрителя, которая, зная вспыльчивый нравъ своего супруга и склонность къ доносамъ, всегда старалась не допускать послѣдняго въ квартиру мужа подъ разными предлогами, если замѣчала, что онъ пришелъ съ жалобой. Однажды случилось, что жена смотрителя не успѣла удалить этого учителя отъ своего мужа, и послѣдній, выслушавъ доносъ, произвелъ жестокую экзекуцію надъ 4-мя учениками высшаго отдѣленія, и это повлекло за собой для смотрителя печальныя послѣдствія, о чемъ будетъ подробно разсказано ниже. Послѣдній по старшинству учитель К., по національности молдаванъ, также представлялъ собой особый типъ. Это былъ недалекій, мелочной и придирчивый человѣкъ, злобно и презрительно относившійся къ ученикамъ и часто любившій прибѣгать къ розгѣ, линейкѣ и другимъ орудіямъ, въ родѣ ключа. Правда, онъ не любилъ назначать много ударовъ, но всегда старался потѣшиться надъ своей жертвой. Наказывая линейкой по рукамъ, онъ обыкновенно кричалъ „давай лапу“ и, нанося самолично удары, на стоны и мольбы своей жертвы отвѣчалъ улыбками и насмѣшками. Во время урока „нотнаго пѣнія“ этотъ учитель расправлялся съ учениками большей частью при помощи ключа. Наблюдая за тѣмъ, чтобы всѣ ученики отбивали тактъ рукой, онъ обыкновенно наносилъ удары ключемъ по рукѣ, неисправно отбивавшей тактъ. Повреждения, наносимыя такими „отбиваніями такта“, часто не заживали долгое время.

Чрезъ годъ послѣ моего поступленія въ училище, когда я перешелъ въ среднее отдѣленіе, учитель русскаго языка В. перешелъ на должность учителя ариѳметики вмѣсто выбывшаго въ священники О. Учителемъ же русскаго языка былъ назначенъ только что окончившій духовную семинарію С. Это былъ новый, очень симпатичный типъ учителя, который никогда не прибѣгалъ къ розгамъ, относился къ ученикамъ съ любовью и

толково преподавалъ свой предметъ. Симпатіи учениковъ сразу оказались на его сторонѣ. Онъ служитъ до сихъ поръ въ санѣ протоіерея въ деревенскомъ приходѣ, и, встрѣтившись съ нимъ нѣсколько разъ въ послѣдніе годы, я убѣдился, что этотъ человѣкъ дѣйствительно имѣлъ право на тѣ симпатіи, которыя онъ заронилъ въ сердца Приворотскихъ учениковъ.

При такомъ учительскомъ персоналѣ, уровень преподаванія не могъ быть удовлетворительнымъ. Все ученіе сводилось обыкновенно къ зубренію уроковъ по печатнымъ руководствамъ, которое примѣнялось ко всѣмъ предметамъ, не исключая языковъ и ариѳметики; всякая запинка въ отвѣтѣ ученика или отступленіе отъ текста разсматривалась какъ незнаніе, послѣдствіемъ котораго были: наказаніе розгой, линейкой и стояніе на колѣняхъ. Для ближайшаго контроля надъ занятіями учениковъ существовали такъ наз. „аудиторы", которые, до прихода въ классъ учителя, обязаны были провѣрить, знаютъ-ли ученики урокъ. „Аудиторы" эти были изъ лучшихъ учениковъ того-же класса, въ которомъ учились сами, и каждому изъ нихъ назначались обыкновенно по четыре ученика. Для контроля надъ „аудиторами" заведены были такъ наз. „нотаты", т. е. классные журналы, въ которыхъ „аудиторы" должны были ежедневно отмѣчать знаніе или незнаніе уроковъ ввѣренными имъ учениками по каждому уроку отдѣльно. Большинство преподавателей, приходя въ классъ, начинали свою дѣятельность съ просматриванія отмѣтокъ въ „нотатѣ" и подвергали экзекуціи въ той или иной формѣ всѣхъ отмѣченныхъ „нез." (не знаетъ). Чаще всего ихъ цѣлой гурьбой ставили на колѣни. Это учрежденіе „аудиторовъ" оказывало деморализующее вліяніе на учениковъ въ особенности низшаго отдѣленія, такъ какъ вызывало подкупы „аудиторовъ" и заискиваніе однихъ учениковъ предъ другими. Больше всего подкупу были доступны казеннокоштные ученики, которые, имѣя плохой столъ, всегда рады были получить въ видѣ подарка кусокъ хлѣба. Такой подарокъ, называвшійся по мѣстному выраженію „бардой", подносился обыкновенно своекоштными учениками, жившими на частныхъ квартирахъ и имѣвшими возмож-

ность захватывать съ собой въ училище запасы хлѣба. „Барда“ эта служила, кромѣ того, мѣновой единицей, которую можно было обмѣнять на пуговицу, перо или другіе предметы скромнаго обихода казеннокоштныхъ учениковъ. Благодаря заискиваніямъ и подкупамъ, „нотаты“ не всегда выражали дѣйствительное знаніе или незнаніе уроковъ учениками. Случалось, что „аудиторы“ платились за неправильную отмѣтку ученика „знающимъ“ урокъ, если учитель находилъ его незнающимъ. Ихъ также наказывали тогда въ той или иной формѣ. Наказаніе розгами совершалось обыкновенно особо избранными для этого по каждому классу учениками, называвшимися „цензорами“, которые обязаны были всегда имѣть въ запасѣ готовыя розги или получать ихъ отъ сторожей. Въ случаяхъ, когда наказанію придавалось особо важное значеніе, его производили сторожа, что обыкновенно дѣлалось по распоряженію смотрителя.—О библіотекѣ, изъ которой ученики могли-бы получать книги для чтенія, не было и помину, и если очень рѣдко попадались между учениками другія книги, кромѣ учебниковъ, то они или доставались отъ учителей чрезъ учениковъ, жившихъ у нихъ на квартирѣ, или привозились учениками изъ дому. Послѣдняя категорія чаще всего состояла изъ лубочныхъ изданій въ родѣ „Бовы Королевича» и „Еруслана Лазаревича“. Разъ только на квартиру, въ которой я жилъ, попалась прекрасная книга: „Проповѣди священника Гречулевича“ на малороссійскомъ языкѣ, которая привлекала вниманіе всѣхъ жившихъ со мной учениковъ и даже хозяина нашей квартиры, крестьянина, и всей его семьи. Они очень охотно слушали чтеніе этихъ проповѣдей учениками и часто сами просили почитать имъ „розумну кныжку“.

Домашній бытъ учениковъ находился въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ. Въ особенности печально было положеніе казеннокоштныхъ, т. е. бурсаковъ. На полное содержаніе бурсака, т. е. на столъ, пищу, обувь, одежду и учебныя пособія, отпускалось тогда, если не ошибаюсь, 18 р. въ годъ. Такая ничтожная даже и для того времени сумма не давала возможности сколько нибудь сносно содержать учениковъ. Обуви,

напримѣръ, отпускалось настолько недостаточно, что нѣкоторые ученики, въ особенности низшихъ классовъ, не имѣвшіе собственныхъ средствъ, ходили босыми во все лѣтнее время. Правда, и между своекоштными учениками низшихъ классовъ нерѣдко попадались такіе, которые ходили лѣтомъ босые. Послѣднее дѣлалось не только по бѣдности, но и для удобства, и не порицалось начальствомъ. Въ ежедневныхъ журналахъ, которые велись по каждой квартирѣ и каждой отдѣльной комнатѣ казеннаго общежитія, очень часто встрѣчались отмѣтки, что такіе то ученики не были въ классѣ „за неимѣніемъ обуви". Наибольшей скудостью отличался столъ бурсаковъ. Обѣдъ каждый день состоялъ только изъ борща и каши въ самомъ грубомъ видѣ, а хлѣба никогда не давали въ достаточномъ количествѣ. Для устраненія постоянной голодовки казеннокоштные ученики совершали лѣтомъ тайные, а иногда и открытые набѣги на крестьянскія поля, сады и огороды. На поляхъ наиболѣе излюбленнымъ объектомъ набѣговъ былъ „горохъ", представлявшій большое лакомство. Тайные набѣги совершались съ такой виртуозностью, что хозяева полей, тщательно охранявшіе ихъ отъ „бурсаковъ", очень рѣдко изловляли хищниковъ, а если это и удавалось, то по дорогѣ въ училище, куда препровождали пойманныхъ послѣдніе часто ухитрялись уйти, а иногда освобождались открытой силой товарищей, „бурсаковъ". Но случалось иногда, что пойманнаго приводили къ смотрителю, и тогда неизбѣжно совершалась самая жестокая экзекуція. Открытыя нападенія на поля и сады совершались обыкновенно среди бѣлаго дня, большой толпой бурсаковъ, подъ предводительствомъ извѣстныхъ силачей. По училищному преданію, среди „бурсаковъ" во всѣ времена водились силачи, внушавшіе страхъ окрестнымъ крестьянамъ. Въ мое время такимъ сильнымъ былъ Павелъ Г., извѣстный подъ именемъ „Павко". Онъ отличался сравнительно огромной силой и смѣлостью, которыя пріобрѣли ему славу непобѣдимаго между крестьянами с. Приворотья. Сначала крестьяне пробовали было задержать „Павка", но послѣ неудачныхъ попытокъ, окончившихся избіеніемъ крестьянъ, онъ совершалъ свои на-

бѣги съ толпой бурсаковъ, почти открыто и безнаказанно. Къ такимъ открытымъ набѣгамъ прибѣгали только въ крайности, когда тайные оказывались неудачными и награбленные запасы истощались. Тайные набѣги совершались большей частью въ одиночку. Наиболѣе частымъ нападеніямъ подвергался садъ церковнаго старосты, извѣстнаго подъ именемъ „Казько“. Его усадьба находилась недалеко отъ училища и прилегала одной стороной къ полямъ, а другой къ церковному погосту, такъ что представляла много удобствъ для побѣга въ случаѣ опасности. „Казько» служилъ церковнымъ старостой много лѣтъ и былъ очень популяренъ между бурсаками, но это не спасало его сливоваго сада отъ хищничества голодныхъ бурсаковъ. При мнѣ еще ходило много легендъ о томъ, какъ бурсаки, застигнутые „Казькомъ“ на деревьяхъ, засыпали ему глаза пескомъ, или нюхательнымъ табакомъ и уходили, но въ мое время бурсаки, не прибѣгая къ этимъ легендарнымъ средствамъ, умудрялись однако таскать фрукты и овощи изъ его сада и огорода. Случалось иногда, что „Казько“ ловилъ хищниковъ и представлялъ ихъ своему настоятелю, инспектору училища, который всегда наказывалъ виновныхъ розгами, но это не спасало имущества Казька отъ дальнѣйшихъ хищеній. Независимо того, бурсаки прибѣгали и къ другимъ способамъ для добычи пищи. Вблизи училищнаго зданія обыкновенно крестьянки продавали разныя яства, въ родѣ хлѣба, пирожковъ, варениковъ, кнышей, „колотухи“ и т. п. Изголодавшіеся бурсаки, не имѣя денегъ для покупки, иногда обступали торговку цѣлой толпой, забирали весь ея товаръ и моментально убѣгали въ училище. Такія нападенія обыкновенно вызывали жалобы начальству и обыски въ бурсацкихъ номерахъ (комнатахъ), но обыски никогда не обнаруживалы виновныхъ, такъ какъ бурсаки, дѣйствуя сообща, всегда успѣвали во-время спрятать концы въ воду. Существовали еще и другіе способы добыванія пищи. Нерѣдко бурсаки устраивали открытыя нападенія на своекоштныхъ учениковъ въ то время, когда послѣдніе являлись въ училище на уроки, и силой отнимали „барду“, т. е. куски хлѣба или другія

яства, принесенныя своекоштными для завтрака. Пишущему эти строки не разъ приходилось испытывать на себѣ такія насилія и лишаться, казалось, хорошо спрятанной „барды" или пирога. Наконецъ, пища добывалась бурсаками также и путемъ добровольнаго обмѣна своекоштными учениками „барды" на пуговицы, перья и т. п. Этотъ обмѣнъ носилъ специальное названіе „замохать". Въ этихъ случаяхъ „барда" играла роль мѣновой единицы. На нее можно было получить не только предметы нищенскаго обихода бурсаковъ, но также книжку, „переводъ" урока съ латинскаго или греческаго языка, практическій урокъ нотнаго пѣнія, подкупить аудитора и т. п.

Внутренній бытъ бурсы также былъ безотраденъ. Въ каждой жилой комнатѣ, или такъ называемомъ номерѣ, былъ особый старшій изъ числа учениковъ высшаго отдѣленія, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся для бурсаковъ низшихъ классовъ болѣе жестокимъ начальствомъ, нежели настоящее начальство. По установившемуся порядку всѣ ученики низшихъ классовъ обязаны были говорить ученикамъ высшихъ классовъ „вы" и оказывать имъ полное повиновеніе. Это повиновеніе выражалось тѣмъ, что младшіе должны были исполнять всѣ черныя работы по уборкѣ комнатъ и чисткѣ одежи и обуви старшихъ и исполнять всѣ вообще приказанія послѣднихъ. Младшимъ приходилось, кромѣ того, таскать воду изъ бочки, стоявшей среди училищнаго двора. Прислуги въ училищѣ было мало, и ей приходилось только топить печи и изрѣдка мыть полы, вся же остальная черная работа лежала на ученикахъ низшаго отдѣленія по дежурству. Въ особенности тягостно было положеніе учениковъ низшаго отдѣленія въ отношеніи къ старшимъ. За небольшими исключеніями, старшіе эти, прошедшіе въ свою очередь низшее отдѣленіе, со всѣми его тягостями, отличались полнѣйшимъ произволомъ, самодурствомъ и требовательностью и нерѣдко били учениковъ низшаго отдѣленія, которыхъ называли не иначе какъ „тхуръ" [1]). Настоящее начальство какъ будто не замѣчало этихъ

[1]) Т. е. хорекъ.

ненормальныхъ отношеній, и жалобы „тхуровъ" на старшихъ не облегчали положенія жалобщиковъ. Правда, жалобы поступали слишкомъ рѣдко, такъ какъ обозлившійся старшій всегда имѣлъ возможность отомстить „тхуру" очень чувствительно и безнаказанно. Только тѣ ученики низшаго отдѣленія, которые имѣли братьевъ среди учениковъ высшаго отдѣленія, чувствовали гнетъ не такъ сильно, такъ какъ за нихъ было кому вступиться. Кромѣ „старшихъ", бурсакамъ такъ-же, какъ и своекоштнымъ ученикамъ, доставалось еще и отъ такъ называемыхъ „гомашей". „Гомашами" назывались болѣе сильные, смѣлые и назойливые ученики, которые попадались во всѣхъ классахъ и нерѣдко побивали болѣе слабыхъ и скромныхъ товарищей, придираясь за какой-нибудь пустякъ и вмѣшиваясь въ ссоры товарищей. Жалобы на „гомашей" также были рѣдки, такъ какъ вызывали месть. Вліяніе „гомашей" проявлялось главнымъ образомъ въ классахъ въ учебные часы.—Такія тяжелыя условія жизни иногда вызывали побѣги бурсаковъ изъ училища, обыкновенно изъ числа худшихъ учениковъ, которымъ жилось хуже другихъ. Иногда бѣглецы уже не возвращались въ училище, а иногда ихъ возвращали родители или родственники, или крестьяне, поймавшіе бѣглеца въ пути. Горе было возвращенному! Онъ обыкновенно подвергался самому жестокому и немилосердному сѣченію. На моей памяти было два случая невольнаго возвращенія въ училище. Оба бѣглеца были тяжко наказаны и по окончаніи учебнаго года исключены изъ училища.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ каникулъ громадное большинство бурсаковъ отправлялись по домамъ и возвращались въ училище пѣшкомъ, нерѣдко за 200 и за 300 верстъ. Путь изъ училища домой они совершали большей частью безъ всякихъ запасовъ и денегъ и пробавлялись въ пути то даровымъ угощеніемъ, то похищеніемъ разной снѣди. Изъ разсказовъ этихъ путешественниковъ по возвращеніи въ училище приходилось убѣждаться, что путешествія эти мало чѣмъ отличались отъ путешествій гоголевскихъ бурсаковъ, за исключеніемъ, конечно, фантастическихъ приключеній, введенныхъ Гоголемъ въ „Віѣ". Разсказы эти слу-

жили обильнымъ матеріаломъ для товарищескихъ разговоровъ и свидѣтельствовали о той-же изобрѣтательности и изворотливости бурсаковъ, какія они проявляли и въ училищѣ.

Жизнь своекоштныхъ учениковъ была нѣсколько лучше. Всѣ они жили на частныхъ квартирахъ и имѣли лучшій столъ, если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи. Гнетъ старшихъ смягчался тѣмъ, что почти всѣ работы по уборкѣ помѣщенія лежали на хозяевахъ квартиръ, которые въ то же время ограничивали власть „старшихъ“. Кромѣ того, своекоштные ученики низшаго отдѣленія имѣли родителей, которые въ крайнемъ случаѣ могли вступиться за свое дѣтище и оградить отъ произвола „старшихъ“. Но гнетъ старшихъ все таки давалъ себя чувствовать, такъ какъ и здѣсь ученики низшаго отдѣленія должны были исполнять всѣ приказанія старшихъ, также не чуждыхъ самодурства. Имъ приходилось подавать воду, ходить на другія квартиры по порученіямъ старшихъ, будить всѣхъ учениковъ къ заутрени. Мнѣ до сихъ поръ памятно, какъ тяжко и непріятно было вставать зимней ночью, задолго до разсвѣта, и караулить на морозѣ, чтобы не пропустить благовѣста къ заутренѣ, несмотря на страхъ, вызываемый ночной обстановкой въ мальчикѣ 8—11 лѣтъ. Квартировали своекоштные ученики большей частью у крестьянъ, даже въ одной комнатѣ съ семьей хозяина. Такая квартира была, въ числѣ прочихъ, у упомянутаго выше „козака“, гдѣ мнѣ приходилось жить. Благодаря такой обстановкѣ и простотѣ нравовъ, ученики низшаго отдѣленія иногда помогали семьѣ хозяина въ домашнемъ быту, напримѣръ, укачивали маленькихъ дѣтей въ люлькѣ и т. п. Только квартиры съ болѣе значительнымъ числомъ учениковъ помѣщались въ комнатѣ, отдѣльной отъ семьи хозяина. Были также квартиры, содержимыя въ видѣ промысла вдовами священниковъ, дьячковъ и т. п. Квартиры у крестьянъ больше привлекали учениковъ, чѣмъ у профессіональныхъ квартиросодержательницъ, такъ какъ отношенія хозяевъ-крестьянъ къ своимъ жильцамъ были проще и лучше и почти никогда не вызывали

жалобъ начальству на учениковъ, а напротивъ здѣсь проявлялось заступничество, тогда какъ профессіональные квартиросодержатели, желая устранить неудовольствія за плохой столъ, жаловались на поведеніе учениковъ начальству. Достоинство квартиръ оцѣнивалось по тому, сколько разъ можно было ученикамъ требовать прибавки кушанья и сала. Обязанность требовать отъ хозяевъ такую прибавку или сала лежала обыкновенно на ученикахъ низшаго отдѣленія, которые, по требованію „старшихъ" и учениковъ высшихъ классовъ, должны были отправляться съ посудой къ хозяйкѣ. Нѣкоторые хозяева и хозяйки-крестьяне сами настаивали на томъ, чтобы ученики за столомъ ѣли побольше, чтобы въ часы, не назначенные для ѣды, ихъ не безпокоили требованіями хлѣба в вообще ѣды. Иногда эти настаиванія вызывались и другими соображеніями. Напримѣръ, наканунѣ постовъ, въ такъ называемые „запусты", ученикамъ подавались скоромныя кушанья, главнымъ образомъ „вареники" въ обильномъ количествѣ, и когда ученики не успѣвали съѣсть до сна всего приготовляемаго, то хозяева будили ихъ ночью для ѣды, чтобы не выбрасывать ея, какъ скоромную, на другой день, когда начинался постъ. Жизнь въ непосредственномъ общеніи съ крестьянами оказывала на учениковъ крайне неблагопріятное вліяніе. Жизнь крестьянина, въ особенности тогдашняго времени, вся построена была на предразсудкахъ и суевѣріяхъ, которые регулировали всю его жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Благодаря ничтожному просвѣтительному вліянію школы, ученики невольно поддавались вліянію окружающей среды и усваивали ея понятія. Ученики, напримѣръ, со словъ своихъ хозяевъ глубоко вѣрили, что дождь, который необходимъ былъ по случаю засухи, задержалъ кто-то въ сосѣднемъ селѣ, что такая-то вѣдьма отняла молоко у коровы хозяина, что когда обрѣзываютъ ногти, то обрѣзки нужно обязательно прятать за пазуху, что когда ночью воютъ собаки, то будетъ моръ и т. п.

Благодаря всей этой обстановкѣ, ученики Приворотскаго училища, даже послѣ перехода ихъ въ семинарію, отличались грубостью и невоспитанностью сравнительно съ учениками, по-

ступавшими въ семинарію изъ другихъ училищъ, и кличка „Приворотскій ученикъ“ оставалась за ними и въ семинаріи. Всѣ прочія духовныя училища Подольской губерніи расположены были въ мѣстечкахъ, т. е. болѣе культурныхъ центрахъ, и оказывали менѣе вредное вліяніе на воспитаніе учениковъ. Дѣйствительно, Приворотскіе ученики отличались самыми нежелательными качествами. Здѣсь проявлялись, напримѣръ, противоестественные пороки. На одной изъ квартиръ у крестьянина въ мое время такой случай былъ ясно обнаруженъ и заявленъ инспектору, но, сверхъ ожиданія учениковъ, не вызвалъ никакихъ мѣропріятій, и обвиняемый ученикъ высшаго класса Х. былъ переведенъ въ семинарію въ числѣ другихъ учениковъ. Дальнѣйшая судьба этого ученика была печальна. Онъ попался въ кражѣ у посторонняго лица и сосланъ въ Сибирь. Жертвой этого порока былъ только что поступившій въ училище ученикъ низшаго отдѣленія изъ молдаванъ, плохо понимавшій русскій языкъ и разсказавшій товарищамъ по простотѣ непонятный ему поступокъ Х. Были и другія проявленія печальныхъ нравовъ. Ученики, жившіе на квартирахъ, также не чуждались набѣговъ на чужіе сады и огороды. На квартирѣ у крестьянина Ивана Ат. съ нами жило нѣсколько человѣкъ изъ молдаванъ и между ними Г. Однажды осенней ночью, предъ разсвѣтомъ, мнѣ пришлось проснуться отъ какого-то шума. Оказалось, что ночью Г. съ другими моими сожителями отправился за яблоками въ садъ при архіерейской дачѣ, гдѣ ихъ настигъ сторожъ сада, и хищники стали уходить чрезъ сарай, гдѣ Г. такъ сильно ударился головой о что-то твердое, что облился кровью и въ полусознательномъ состояніи доставленъ на квартиру его спутниками. Бѣдный Г. нѣсколько дней пролежалъ дома больнымъ, но начальство не обратило вниманія на причину болѣзни, и Г. благополучно прошелъ курсъ училища. Былъ еще случай такого рода. Въ церкви, во время всенощной, ученикъ высшаго отдѣленія Ф. разсердившись на товарища К., хватилъ его ножемъ въ икру такъ сильно, что К. свалился съ ногъ. Въ церкви произошелъ шумъ, и К. вынесли на рукахъ изъ церкви.

Ф. былъ жестоко наказанъ розгами, но не былъ исключенъ изъ училища.

Печальныя условія жизни учениковъ нѣсколько смягчались съ наступленіемъ теплыхъ лѣтнихъ дней, когда открывалась возможность свободно гулять по окрестнымъ полямъ, лугамъ и лѣсамъ, такъ какъ начальство не стѣсняло учениковъ. Училище находится на краю деревни, за которой расположены поля, а невдалекѣ и лѣсъ, манившіе къ себѣ дѣтей. Уроки тогда дѣлились на утренніе и послѣобѣденные. Утромъ было 2 урока, оканчивавшіеся въ 12 часовъ дня, и ученики, выйдя изъ классовъ, спѣшили скоро пообѣдать и затѣмъ въ хорошую погоду отправлялись гулять, куда кто хотѣлъ. Въ три часа начинался послѣобѣденный урокъ, на который стекались ученики изъ полей и лѣсовъ. Въ 4 часа урокъ этотъ оканчивался, и ученики опять спѣшили перекусить чѣмъ попало и снова разбѣгались на просторъ, иногда за 3—5 верстъ. Во время этихъ прогулокъ собирали землянику, клубнику, черешни, полевыя овощи и грибы. Продукты эти служили подспорьемъ для питанія, а самыя путешествія, нерѣдко сопровождавшіяся побѣгами, видимо укрѣпляли учениковъ физически и морально. Они вырабатывали силу и ловкость и вѣроятно спасали дѣтей отъ тѣхъ болѣзней и слабосилія, которыя казались неизбѣжными при томъ плохомъ питаніи и тѣхъ печальныхъ гигіеническихъ условіяхъ, какія переживали бурсаки. Кромѣ того, въ теченіе мая бывало нѣсколько прогулокъ, такъ называемыхъ „рекреацій", отбывавшихся всѣми учащими и учащимися сообща. Обыкновенно съ наступленіемъ мая въ первый ясный день ученики высшаго отдѣленія на первомъ урокѣ объявляли по всѣмъ классамъ, что нужно итти къ смотрителю и просить разрѣшенія устроить рекреацію. На этотъ кличъ толпы учениковъ всѣхъ классовъ устремлялись къ квартирѣ смотрителя и располагались на ступенькахъ, на крыльцѣ и въ корридорѣ, а пѣвчіе впереди затягивали спеціально назначенную для этого пѣсню: „Привѣтствуемъ прекраснымъ маемъ тебя, начальникъ нашъ, отецъ", оканчивающуюся самодѣльной латинской цитатой: „reverendissime

pater, rogamus recreationem". Иногда пѣніе этой пѣсни повторялось нѣсколько разъ, пока появится смотритель. Выйдя къ поющимъ, смотритель, по природѣ добрый человѣкъ, всегда напускалъ на себя строгій видъ и долго отказывалъ, но усиленныя просьбы дѣтей, сопровождавшіяся цѣлованіемъ рукъ и одеждъ, и радостныя физіономіи дѣтей, надѣявшихся на прогулку, скоро заставляли смотрителя сдаться—и рекреація разрѣшалась. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда смотритель появлялся дѣйствительно сердитымъ, пріемы просителей-дѣтей смягчали его отъ природы доброе сердце, и рекреація всегда разрѣшалась. За три года ученія въ Приворотьѣ я не помню случая отказа въ рекреаціи; такихъ рекреацій въ теченіе мая, смотря по погодѣ, бывало отъ 3 до 5. Нужно было видѣть, какой радостью сіяли дѣтскія лица, когда наконецъ смотритель соглашался на рекреацію. Крики радости долго раздавались по всему училищу. На другой день послѣ рекреаціи также не было уроковъ, и такимъ образомъ каждая рекреація давала два дня отдыха.

Бывали развлеченія и зимой. На масляницѣ обыкновенно устраивался драматическій спектакль „—Заблудшій сынъ королевичъ", приготовленіе къ которому доставляло много радостей. Въ послѣдній день масляницы, вечеромъ, всѣ актеры, въ сценическихъ самодѣльныхъ костюмахъ, съ пѣвчими, „чортомъ" и толпой зрителей, являлись въ квартиру смотрителя, и тамъ отбывался спектакль, сопровождавшійся угощеніемъ актеровъ. Роль „чорта" въ мое время исполнялъ ученикъ П,—молдаванинъ. Онъ отличался замѣчательной ловкостью движеній и любовью къ искусству. Въ теченіе всей масляницы онъ единолично выступалъ въ своей роли, бѣгалъ по всѣмъ номерамъ бурсы и тѣшилъ учениковъ. Нерѣдко случалось, что въ костюмѣ „чорта" П. выбѣгалъ на улицу, бросался на перваго прохожаго мужичка и своимъ видомъ заставлялъ его удирать безъ оглядки. Больше всего бывало потѣхъ, когда П. встрѣчалъ крестьянъ другихъ деревень, случайно проѣзжавшихъ мимо училища. Онъ вскакивалъ къ нимъ въ сани или повозку, моталъ рогами, заглядывалъ въ глаза, обнималъ ихъ и нерѣдко приводилъ крестьянъ въ трепетъ.

За исключеніемъ этихъ радостныхъ моментовъ, жизнь учениковъ протекала очень грустно. Въ селѣ Приворотьѣ не было ни базара, ни почты, ни лавокъ, ни рѣки, ни порядочнаго огорода или сада. Хотя при училищѣ былъ чахлый садъ, но онъ принадлежалъ къ квартирѣ смотрителя, а потому былъ недоступнымъ для учениковъ. При училищѣ былъ также большой прудъ, въ которомъ купались ученики, но пригодное для купанія мѣсто было такъ незначительно, что если купалось одновременно больше 20 человѣкъ, то становилось очень тѣсно. Была также при училищѣ довольно примитивная баня, но она не оказывала вліянія на гигіеническія условія жизни учениковъ, въ особенности бурсаковъ. Жилыя комнаты бурсаковъ бѣлились только на каникулахъ, но и то не каждый годъ; вентиляція была плохая, и накоплявшаяся грязь въ комнатахъ замѣтна была даже для бурсаковъ. Благодаря этому, „чесотка" въ самой разнообразной формѣ никогда не переводилась въ училищѣ. Были ученики, у которыхъ руки такъ сильно были усѣяны гнойливыми прыщами, что они не могли свободно разгибать пальцевъ. Чесотка водилась главнымъ образомъ у учениковъ низшихъ классовъ, какъ бурсаковъ такъ и своекоштныхъ, благодаря постоянному общенію, но на нее не смотрѣли, какъ на болѣзнь, и не лѣчили. Правда, доктора не полагалось при училищѣ, а только фельдшеръ, но видимо чесотку онъ не считалъ болѣзнью, а начальство не обращало на это вниманія.

Отсутствіе лавокъ и почты ставило учениковъ въ крайне затруднительное положеніе. Всѣ запасы письменныхъ принадлежностей и другихъ предметовъ домашняго обихода дѣлались дома на всю учебную треть года, и пополненіе необходимыхъ предметовъ совершалось при помощи мѣновой торговли между учениками. Интересы учебной жизни совершенно не были замѣтны у учениковъ, и жизнь протекала монотонно. Только выдающіяся наказанія волновали на нѣкоторое время умы. Въ моей памяти сохранилось воспоминаніе объ одномъ изъ такихъ выдающихся наказаній. Наканунѣ какого-то праздника четверо учениковъ высшаго отдѣленія, будучи у все-

нощной въ училищной церкви, не пошли цѣловать евангелія, какъ потомъ оказалось, вслѣдстіе неисправности заднихъ частей штановъ. Объ этомъ учитель В., по окончаніи всенощной, донесъ смотрителю, и послѣдній распорядился немедленно наказать виновныхъ. Двое изъ этихъ несчастныхъ жили въ одной квартирѣ со мной и другими учениками, и когда за ними впопыхахъ прибѣжалъ сторожъ и увелъ въ училище, всѣ мы поняли, что будетъ бѣда. Квартира наша расположена была на пригоркѣ, съ котораго видно было училище и крыльцо квартиры смотрителя. Выйдя на дворъ, мы со страхомъ стали слѣдить за уведенными въ училище товарищами. На нашихъ глазахъ они поднялись на высокое крыльцо квартиры смотрителя, гдѣ уже стояли другіе ученики. Скоро на крыльцѣ появилась хорошо знакомая намъ фигура смотрителя, а затѣмъ мы видѣли, какъ въ воздухѣ что-то стало мелькать и послышались стоны. Экзекуція тянулась около часа. Когда затѣмъ ученики стали спускаться съ крыльца, а чрезъ нѣсколько минутъ появились и на квартиру, то помню, что никто изъ насъ не рѣшился разспрашивать, и мы молча пошли въ комнату. Къ этому времени хозяйка подала намъ ужинъ, и мы сѣли за столъ вмѣстѣ съ пришедшими, но никто не прикасался къ пищѣ. Всѣмъ было не по себѣ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Вдругъ одинъ изъ наказанныхъ Г. заплакалъ навзрыдъ и привелъ всѣхъ насъ въ оцѣпенѣніе. Никто не рѣшился разспрашивать, и всѣ немедленно молча легли спать. Только на другой день послѣ обѣдни мы узнали, что ученику В. дано было 200 розгъ, Б. 180, Г. 120 и Ш. 100, причемъ удары наносились двумя сторожами со всей силой, такъ какъ смотритель, замѣтивъ, что одинъ изъ сторожей наносилъ слабые удары, выхватилъ у него розгу и сильно ударилъ его. Тогда сторожа, изъ страха побоевъ, стали сѣчь немилосердно. Послѣ этого случая между учениками стали ходить слухи, что смотритель будетъ уволенъ. Вскорѣ къ намъ на квартиру пріѣхалъ отецъ одного изъ наказанныхъ, священникъ Ш., и отъ него мы узнали, что онъ подалъ жалобу на смотрителя и надѣется, что онъ будетъ уволенъ. Вскорѣ послѣ этого въ училищѣ произошелъ пожаръ:

сгорѣло два училищныхъ зданія, изъ которыхъ въ одномъ помѣщалась больница, а въ другомъ классы и три жилыхъ комнаты. Дѣло было осенью, и бурсаковъ пришлось размѣстить въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара зданіяхъ и приспособить для жилья подвальное помѣщеніе, гдѣ раньше помѣщались птицы и разныя вещи. По случаю пожара пріѣхалъ въ училище ректоръ семинаріи, обходилъ всѣ классы и видимо не щадилъ смотрителя. Послѣ отъѣзда ректора, слухи объ увольненіи смотрителя еще болѣе усилились, но тѣмъ не менѣе прошелъ учебный годъ, и мы разъѣхались по домамъ при томъ-же смотрителѣ. Послѣ каникулъ я перешелъ въ другое училище и только здѣсь узналъ, что смотритель Приворотскаго училища В. уволенъ и назначенъ священникомъ въ сосѣдній городъ. Какъ оказалось, все дѣло двинулъ отецъ высѣченнаго Ш., который добился назначенія формальнаго слѣдствія, давшаго неблагопріятные результаты для смотрителя и рѣшившаго его судьбу.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 40 лѣтъ, и училище по прежнему остается въ томъ же селѣ Приворотьѣ. Хотя Синодъ, вслѣдствіе ревизіи одного изъ ревизоровъ учебнаго комитета, предписалъ перевести это училище въ другую мѣстность но, по представленію мѣстнаго начальства, исполненіе этого указа отмѣнено

Правда, теперь всѣ своекоштные ученики живутъ въ общежитіи и училищный строй принаровленъ къ современнымъ требованіямъ, но тѣмъ не менѣе условія глухой деревни, лишенной самыхъ примитивныхъ удобствъ, необходимыхъ для воспитательнаго учрежденія, неизбѣжно сказываются и теперь.

М. Трублаевичъ.

МАРУСЯ БОГУСЛАВКА.

Побытово-историчня драма въ пяты одминахъ.

Прологъ —„*Продавъ братъ сестру*"!
I дія—„*Зирваный рай*"
II дія—„*Потурчылась, побусурманылась*".
III дія—„*Матерынъ прысудъ*"
IV дія—„*Едына порада—смерть*"!

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Ганна зъ Богуслава—паниматка, вдова. Хочъ и литня женщына, але энергична, ще пры здоровьи.

Маруся Богуславка—ии дочка; молода, мнякои, нижнои вдачи.

Степанъ—братъ ии; завзятый, запальный козарлюга.

Охримъ Колій—осавулъ наказного; поштывый, пидтоптаный.

Сохронъ Малёваный—атаманъ куринный; Марусынъ женыхъ.

Леся Кушнирывна—подруга Маруси.

Катря—наймычка у паниматкы Ганны.

Андрій Лобань } зъ козачои старшыны, середнихъ литъ.
Иванъ Карпенко

З а п о р о ж е ц ь 1. } невольныкы.
З а п о р о ж е ц ь 2.

Г и р е й—мурза, а потимъ паша; Марусынъ чоловикъ. Красывый, палкый, поэтычный.

А х м е т ъ—старый евнухъ.

И с л а м ъ-б е й—назорця надъ невольныкамы; молодый.

Х а и м ъ—корчмаръ, жыдъ.

Ш л я х т ы ч ъ 1 и 2—богати полякы-паны.

П а н н а 1-ш а и 2-г а — вильни панянкы, мешкають пры корчми.

Д и д ъ } челядь у Ганны, вдовы.
Б а б а В а р ь к а
П а р у б о к ъ
Д и в ч ы н а

Шляхта, музыкы, дивчага, козакы, запорожци, татаре янычары, муэзины, одаліскы Гирея, арапчата, черкесы, прыслужныци, Марусыны диты.

Діется въ XVII вику.

(Мижъ першою и другымы діямы мынае шисть литъ).

ПРОЛОГЪ.

Середына великои корчмы, на граныци Буджацького степу зъ Польщою. На авансцени справа и злива по столу, пидъ стинамы лавы. Въ глыбыни въ кутку 2 бочкы здоровыхъ, пры ныхъ стильчыкъ зъ посудою, ливеръ и т. п.; въ другимъ кутку тежъ стилъ. Блыжче—характерна, высока груба зъ велыкымъ коминкомъ. По стинахъ и надъ дверыма картыны (козакъ верхы на бочци, козакъ Мамай и др.). Зправа видъ актёривъ ванкиръ. Ничъ. Свитло—стари шандалы на столахъ, а коло стойкы каганець.

Шляхтычъ 1 (*товстелезный*). Шляхтычъ 2 (*якъ бычъ*). Охримъ и други *сыдять за столомъ направо* (*видъ акт.*), *пьють и въ кости грають*; *наливо на шырокій лави*, *на кылыми сыдыть Мурза* (*красывый, молодый*), *коло ёго крутытся корчмарь—жыдъ* (*въ стародавній ярмулци, пейсахъ и лапсардакахъ*), *дивчата, прыслужныци, поубырани въ польськи, украинськи и навить турецьки уборы—розносють кубкы, пидлывають выно.— Музыка стоить коло бочокъ, блызь вхидныхъ дверей.*

Хоръ.
Нема въ свити краще втихы,
Надъ выно й дивочи сми́хы,
Зъ ными рай и день и ничъ,
Зъ ными смутокъ лыне причъ.

Гей, красуни—любкы,
Намъ сповняйте кубкы,
Щобъ по винця грало,
Щобъ насъ все кохало!

Гей, понури и оспàли,
Не цурайтесь пляшкы·й крали,
Бо безъ цыхъ прысмакъ лыбонь,
Въ серци згасне вамъ вогонь.
Гей, красуни-любкы и т. д.

Шляхтычъ 1. Гей, кохаймося! (*обнима панну*)

Шляхтычъ 2. Гуляй душа безъ кунтуша!

Вси. Гуляй! (*Пьють*).

Жыдъ. (*Одскакуе одъ Мурзы*). Ой, веселе панство! Ой, сличне панство! А вы, панянкы красни, налывайте всимъ меду, щобъ келехы не вакувалы, щобъ черезъ винця лылось... тай розважайте пышныхъ гостей... Ой, щобъ у мене антыкъ, щобъ корчму Хаима вси зналы!

Панна 1. Не турбуйсь, господаре! Не занудытся панство зъ намы!

Панна 2. Абы мы зъ нымъ не занудылысь!

Шляхтычъ 2. Ухъ, де тамъ, моя кохана? (*крутыть вуса*)

Панна 1. (*Зпирается на плече 1-го шляхтыча*). А ну, мій ясный пане, на мое щастя!

Шляхтычъ 1. На сыни оченята? Гайда шисть дукативъ!

Голосы. Панъ мае! Выгравъ!!

Панна 1. Половына жъ моя, бо мое щастя? (*обнима ёго*)

Шляхтычь 1. Все твое, моя цяцяна... (*оддае гроши*) и серце и все... Эй, ажъ горыть... треба залыть... сыпъ меду!!

Панны. Кому, пышне панство, меду, кому венгжыны?

Паны. Просымо краще цилункивъ! (*смихъ*)

Други. Гей, панове, ставте, часу не гайте—золото сличне кышеню тысне! (*Почынають граты; панны обсидають*).

Дивчына (*въ турецькимъ убори пидносыть Мурзи пытво*). Найпышнишому проминю сонця! (*кланяется*).

Мурза. Спасыби, квитко зъ Ай-Петри!! И ранишній схидный витрець бувъ бы щастлывый обняты тебе.

Голосы. Два пецы! Пьять!

Охримъ. Десять талярывъ бытыхъ! Ставте! Щаслыви! якъ потягъ жыда за паса, такъ и душа побигла до ляса! (*смихъ*).

Мурза (*до жыда*). Маешъ троянду зъ очыма и въ розумомъ.

Жыдъ. Ой, вей! Слово свитозорого пана мене дурманыть... У насъ выборни красуни...

Мурза. Красунь мое око не бачыть писля тіеи зори, що проминемъ своихъ чаръ осяяла мое серце и отруила... Такои красы не бачыло сонце, хиба-но велыкый пророкъ може вбачаты іи пидъ наметомъ эдемськихъ садкивъ.

Жыдъ. Ой, ой, ой.!! А дежъ пробувае те чудо?

Мурза. Въ Богуслави... дочка ихнёго муэзина... (*прыкладa руку до чола и грудей*). Клянусь бородою Пророка, нема такои перлыны въ сынёму мори, нема такои на неби зори!

Жыдъ. Цц-цц-цц!! (*чуха за пейсомъ*). То свитлый панъ для того и коней тамъ хоче куповаты... ай вей, вей!! хе хе!! Але я сонцю красному раджу подывытысь и у нашого панства кони... Ой, кони, ой слични кони!! Вогонь... Пекло!

(*Прыслужныци потроху розходятся; за ными оддали два шляхтычи*).

Мурза. Можна подывытысь и тутъ, колы твій языкъ бувъ хочъ на часъ у прыязни зъ правдою?

Жыдъ. Ой вей, не то, що въ прыязни, а у шлюби!

Мурза. Слова твои долитаютъ до мого вуха...

Выхидъ 2-й.

(*Два шляхтычи, змовляючысь, выходятъ*).

Голосы. Гей, жыде!

Жыдъ. Заразъ, до послугы! (*бижыть*).

Мурза. О, Аллахъ!.. О, Магометъ! Видберы у мене десять гурій на неби, та дай мени цю джаурку!!

Шляхт. 2. А що-жъ ты, шельмо, не бавышъ насъ?

Жыдъ. Служу, панству! чымъ можу...

Охримъ. То спивай и танцюй!!

Жыдъ. Якый у мене, вельможный пане, спивъ? Мій тателе мавъ голосъ товстый, а моя мамеле тандытный, а якъ зложылы до купы, то выйшло таке, що не вартъ ёго й слухаты... (*смихъ*)

таке, що нехай ему абы-що, тай уже! А танцюваты моя мамеле разъ зпробувала, такъ патынкамы такъ ударыла тателе, що винъ, жвыняйте, прысивъ и довго не мигъ встаты.

(*Вси реготутся*).

Охримъ. Тай мудра жъ твоя мама!

Жыдъ. А чымъ я выненъ? Хай краще панны заспиваютъ и потанцюють...

Шляхт. 2. Ни, ни! Ты, жыде! Не-то канчукамы!

(*Встае видъ столу*).

Жыдъ (*скорчывся*). Заразъ, заразъ! Не турбуйтесь, пануню! (*Спива и прытанцёвуе, музыка прыграе*).

Я жыдочокъ зеръ хорошый,
Тилькы-бъ треба бильше грошей:
До послугы я панамъ...
За дукаты все виддамъ!

Ой вей! Лапсердомъ!!
Скачы, враже, якъ панъ каже
И задкомъ, и передкомъ
Передъ паномъ Федиркомъ!
Ой, гепъ, гопъ!! (*Танцюе*).

Маю Хайку балабусту
И перынъ до лыха.
Охъ и вей, на шабашъ зъ нею
Що за мыла втиха!
Ой, вей! Лапсердомъ и т. д.

Маю диты слични, дывни,
Чесни, якъ у Лота:
Дамъ котрому въ руку грывню
Вышахруе злота,
Ой, вей! Лапсердомъ и т. д.

Паны. Ха, ха, ха! Виватъ Хаиму! За его кошты венгжыны!

Жыдъ. Охъ, сповняйте кубкы!
Паны (*чокаются*). Кохаймося!!

Вси (*спиваютъ*). Покы кровъ не прохолола,
Кохаймося, пыймо згола,
Щобъ позбутысь всякихъ хмаръ,
Засыпаймо, середъ чаръ.

Гей красуни любкы,
Намъ сповняйте кубкы,
Щобъ по винця грало,
Щобъ насъ все кохало!
Виватъ!!

Други (*пидспивуютъ*). Гей, панове, ставте,
Часу-но не гайте,
Золото пресличне
Ажъ кышени тысне...
Виватъ!!

Жыдъ. Уфъ! Уфъ! Ледве ходыть духъ! Трохы не вскочывъ у лыхо, ажъ по никуды... по самый гугель... (*до Мурзы*). Отой товстый панъ, програвся... а мае слични кони... ой! зміи! Ходы, мій ясный свите, до тіеи кимнаты, а я туды запроважу пана...

Мурза (*встае*). Ходимъ.

Жыдъ (*проводючы*). Ой, ой, ой!! (*Зитха и до пана*) Вельможный пане, ясный Мурза чекае...

Шляхт. 1. А? Заразъ! (*Пишовъ*).

Выхидъ 3.

Тижъ и Сохронъ зъ Степаномъ.

Степанъ. Ну, ну весна!.. Отъ спирищывъ дощъ... Якъ хлюща! (*отрушуе кобенякъ*).
Сохронъ. А ты й розкысъ? (*жыдъ вертается*)
Степанъ. Не бійсь, не медяныкъ.
А все жъ охлявъ и дрыжакивъ найився,
Бо въ жывоти сухисенько. (*До жыда*) Гершъ ду!

Мерщій усыпъ скаженои два кухли,
Та доброи!

Жыдъ (*пидбига*) Вельможный пане, вмыть! (*маха на дивчатъ и опоряжа стилъ, де сыдивъ Мурза*).

Сохронъ. Найпершъ бижы, та конямъ дай оброку,
Опоряды й поставъ пидъ накryття!

Жыдъ. Вмыть, пане!.. Гей! (*до прыслужныка*) ясновельможнымъ корецъ
Горилкы дать изъ бочкы, що въ кутку
И прывитать! (*выбига въ сины*)

Панна 1. (*Гостро усмихнулась и побигла*).
Гостей мы пышныхъ ради
Вдовольныть.

Степанъ (*росправляется и весело оглядаючись*),
Ну Богови хвала,
Що зъ степу насъ накерувавъ до корчмы.
И тепло тутъ и весело,—люблю! (*сида*).

Сохронъ. Та що й сказать! де гра, пытво й жонота,
Ты бъ и днювавъ...

Степанъ. И ночувавъ-бы навить,
Якъ ось и тутъ!

Сохронъ. Ну: брате, не звыкай:
Пробудемо малу-мы тутъ годыну,
Покы оброкъ...

Степанъ (*збентежено*). То-що ты? Схаменысь!
У глупу ничъ... у хлющу въ степъ рушаты?
У-день надбаемо мы нашъ прогай!

Сохронъ. Та зроду ни! Й хвылыны не прогаю
И въ корчму сю не завернувъ-бы я,
Колы-бъ, на грихъ, не пидупалы кони...

Степанъ. Та не шалій! чы-жъ Богуславъ за моремъ?
Достанемось безъ похапу на шлюбъ:
За день и Бугъ, за нымъ Ятранъ, Сынюха,
А тамъ и Рось и славный Богуславъ,
Де мешкае сестра моя Маруся.

Сохронъ. Де сяе мій едыный въ свити рай!

Жыдъ (*до себе*). Ага! Воны!! На руку, мовъ ковинька. (*пидходыть до Мурзы*).

Степанъ. Якый тамъ рай дивоча красота?
Ударывъ дощъ, обвіявъ гострый витеръ—
И по краси, по втиси.

Панна 1 Панству ось
Горилкы жбанъ... (*лукаво*) Ще може чого треба?

Степанъ. Надумаюсь и шепитну...

Панна 1. Я вмыть
До панськои послугы. (*Выходыть кокетуючи*)

Степанъ (*налыва оковыту*). Отъ де рай,
Такъ на души видъ ёго проминь грае,
И проминь той не зрадыть...

Сохронъ. Годи, цыть!
Ты пидсушысь... лыбонь намокъ занадто? (*одпыва трохы*).
А про сестру недбало не верзы.
Іи душа прозора, якъ крышталь,
А серденько добротъ высокыхъ повне,
Воно весь свитъ скрасыты може...

Степанъ (*сміючись*) Ой,
Та не смишы, а то ажъ страхъ ..

Сохронъ (*гостро*) Степане!
Вона мени жоною мае буть.

Степанъ. Этъ, байдуже! Уси воны красуни,
Изъ одніи, мовлявъ, зійшлы дижи,
И серце въ ныхъ минлыве, якъ весна ця,—
То сонечко, то слёта, то крупа:

(*Панна 1, зновъ проходячы повузъ, наблызылась*)

Сохронъ. Ха! Ты лыбонь зъ такымъ товаромъ знався,
Що на торгахъ купуется всима (*Панна худко видходыть*)
То й чесныхъ всихъ заводышъ въ одну миру,
Але сестру...

Степанъ. Та слухай, не гнивысь,
Хиба тебе образыты я хочу?
Сестра моя видъ тебе не втече...
Тилькы чого-жъ хапатысь такъ до бабы?

Сохронъ (*сердыто*). Ухъ, ричъ яка! Колы до бруду звыкъ (*пье*).
То не каляй нымъ мѐння найяснише...

(*Степанъ усмихается*).

Чы-жъ знать тоби хвылыны неземни,
Що душу намъ до неба порывають
И пахощивъ ій надають райськыхъ?
Чы-жъ зрозумить тоби те свитле щастя,
Яке скраша веселкою жыття
И проминемъ жывыть задубле серце?

Степанъ. Ха, ха, ха, ха! Неначе Ювеналъ
Виршуешъ ты жиночи теревени...
А я забувъ ти дурощи давно
И потопывъ зитхання у горилци,
Та лыцарю й не до лыця воны!

Сохронъ. Не до лыця? Свята любовъ, кохання?
Хиба-жъ воно прыныжуе нашъ духъ?
Хиба зныща завзяття и одвагу?

Степанъ. Фу, пышно якъ!... Змагатыся дасть-би...
Але чого твій порожнюе кухоль?
(*Налыва*). Ну-жъ хыльнемо за твій щаслывый шлюбъ
И за сестру, на втиху й на здоровье!

Сохронъ. За неи радъ! (*Пье до дна*).

Степанъ. Отъ це хыльнувъ гараздъ...
Ну, я пиду на коней ще погляну.

Выхид4 ъ.

Ти-жъ безъ Степана.

Шляхтычъ 2. А дежъ сусидъ?

Охримъ. Кышени спорожнывъ,
То певно вже шука порады въ жыда.

Шляхтычъ 2. Порады? Этъ! За пейсы стрипонувъ,
Той знайдутся, посыплются дукаты.
Голосы. Ну, кыдай кость! Сто-злотыхъ! Двисти!
Охримъ. Ой,
Панъ певно тежъ до жыда мае вдатысь?

(*Смихъ, а дали тыха гра*).

Софронъ. (*Встае и по паузи*). Моя красо, мій кроне золотый!
О, якъ тебе незмирно я кохаю,
Немовъ злылысь вси почуття мои
У це одно величне, свитле слово;
Воно яскрыть у серци крышталемъ,
Воно мене до тебе порыва,
Зозулечко, моя щаслыва доле...
О, якъ я рвусь душею въ Богуславъ!
Стрилою-бъ я черезъ степы полынувъ,
Щобъ взять тебе за рученьку мерщій
Та й на рушныкъ поставыть передъ Богомъ,
Але лежыть мижъ намы далыня
И побороть іи одразу годи;
То жъ кожна мыть, що барыть зустричъ намъ,
Е ворогъ мій запеклый, ненавысный,
А ворогу не ражу я теперъ
Стать на шляху, спыныть мене въ дорози!

(*Выходыть у сины*).

Выхидъ. 5.

Ти-жъ и Степанъ зъ двома шляхтычамы, безъ Сохрона (Степанъ стривея зъ Сохрономъ, щось ёму сказавъ, той одійшовъ; шляхтычи, непевно зырнувшы на ныхъ, пишлы до столу).

Жыдъ. (*пидходе до Степана*). Панъ-лыцаръ мій прямуе въ Богуславъ?
Степанъ. Такъ, жыде, такъ... въ свое кубельце ридне.
Жыдъ. Ой вей, яке-жъ те мисце, знаю й я!

Степанъ. Бувавъ?

Жыдъ. Авже-жъ не разъ... и въ панській хати...
Ридъ знаю...

Степанъ. Якъ?

Жыдъ. Хлибъ купувавъ...

Степанъ. Ага!

Жыдъ. Адже вашъ димъ у мисти...

Степанъ. Пальцемъ въ небо!
На хутори, за мистомъ...

Жыдъ. Ой! Такъ, такъ!
За ричкою, бикъ шляху що у Лукы...

Степанъ. Ха, ха! Брехня! Ну й жыдюга!..

Жыдъ. Вей миръ!

Степанъ. Пидъ дубнякомъ, по другый бикъ одъ ричкы.

Жыдъ. Ай, копфъ якый порожній въ мене... шлехтъ!
Сестра була у пана?

Степанъ. Эге-жъ, едына...

Жыдъ (*радо*). Те-те-те-те! Ой слична, ой краса!
Маненькою ще бачывъ... Отъ такою (*показуе*).
И сяла вже, якъ сонечко ясне́...
Вси клыкалы Марусею здается?

Степанъ. Такъ, такъ!

Жыдъ. Браты, здается, тежъ булы?

Степанъ. Ни жодного причъ мене...

Жыдъ. Батько й маты?

Степанъ. Вмеръ панъ-отець... сама соби вдова...

Жыдъ. Охъ, охъ, вей миръ!... (*Пауза*). А сивъ-бы панъ
до столу!

Выхидъ 6-й.

Ти-жъ и Мурза та шляхтычъ 1-й.

Мурза (*до шляхтыча 1-го*) Такъ завтра я оглежу весь табунъ
И решту дамъ... (*сида знов на свое мисце*)

Шляхт. 1-й. Преслично, свитлый Мурзо!

(*Весело до жыда*). Що-жъ тыхо въ насъ? Гуляй! Спивай! Танцюй!
Музыкъ сюды! мазура!!

Вси. (*Коло столу*). Гей, мазура!!

Жыдъ. (*У синѣ*). Гершъ-ду, музыкъ! И вси панны сюды.

Панны. (*Зибравшысь*) До панськои услугы!

Шляхт. 1. Пыйте, грайте,
Спивайте! (*заграе*)

Шляхт. 2. О, якъ панъ нашъ затына!!

Хоръ жиночый. Уланы, уланы,
Малёвани диты,
Кожна панна рада
За вамы летиты;
Не одна паньенка,
Не одна и вдова,
За вамы, уланы,
Полетить готова!

Хоръ спильный. Не одна паньенка,
Не одна и вдова,
За намы, панове,
Полетить готова!

Хоръ хлопьячый. Ой кобиты пышни,
Малёвани пани!
Не одынъ зъ насъ гришныхъ,
Лыхомъ васъ спомьяне,
Не одынъ піяка, не одынъ гульвиса,
Васъ, красуни пышни,
Помьяне у биса!

Вси, Не одынъ піяка, не одынъ и т. д.

а жонота. Не одынъ піака, не одынъ гульвиса
Одъ барылъ и пляшокъ
Пиде геть до биса!!

Хоръ спильн. Гынь нудота й смутокъ,
Лый венгжыну въ кубокъ;

Веселысь-но душа,
Гуляй безъ кунтуша!
Кохаймося, браття,
Цилуймось, кобиты...
Покы кровъ въ насъ грае,
Покы й втихы въ свити!

(Пидъ цей хоръ и музыку танцюють мазура де-яки пары, а решта пидгукують, прыспивують, прытупують).

Степанъ. *(або хто другый; не вытерпивъ).* Гей, шкварь козака!

(Закинчуются танци або козакомъ, або краковякомъ, колы це можлыво).

Шляхт. 1. Ну, досыть! Гей!! До столу зновъ, панове!
До бою я всихъ клычу!!

Шляхт. 2. Ой, бида!!

Выходъ. 7.

Ти-жъ, безъ музыкъ и панянокъ; на кону зостаются тилькы дви, и зъ ихъ одна въ украинськимъ убори. (Жыдъ пидходыть до Мурзы, той показуе на одну танцюрыстку; прыклыкають, Мурза гладыть по шоци, а потимъ розмовля тыхо зъ жыдомъ).

Охримъ *(зуздрившы Панаса).* Хи, зновъ землякъ! Степанъ лыбонь... Попенко?

Степанъ. Степанъ, Степанъ... якъ панъ добродій зна?

Охримъ. Ще зъ пупьянку... Я самъ зъ Велыкихъ Лукивъ
И панъ-отця, покійнаго зазнавъ...
То зъ сыномъ вже й чоломкатыся можно?

Степанъ. Авже-жъ! *(обнима)* Авже-жъ! Не то, що можно слидъ!

Охримъ. А що, мовлявъ,—до гурту може хочешъ?
Зъ фортуною погратыся?

Степанъ. Чомъ ни?
Вже-жъ не така вона велыка пани,
Щобъ сичовыкъ не змигъ іи чипать!

Охримъ. Повія, бра! (*До гурту*). Вельможне добродійство,
Ось земляка до столу вамъ прывивъ,
Бидкуется, що у кышеняхъ мулыть.

Шляхт. 1. Такъ мы ёму ихъ вмыть спорожнымо...

Степанъ. Тамъ хто кому?

Шляхт. 1. Ого, завзятый въ ката!

Шляхт. 2. Держить теперъ мицнише чересы!

Шляхт. 1. Такъ бій на смерть! Пьять сотень злотыхъ ставлю.
Хто кыда кость?

Голосы. Занадто дуже!

Степанъ. Я!

Шляхт. 1. Хвалю! Люблю!... Дванадцять!

Степанъ. Двадцять двое!

Шляхт. 1. Панъ мае, ось...

Голосы. Ну й ловко! И не зблидъ...
Мовъ тры шагы поставывъ...

Шляхт. 2. Двисти злотыхъ...
Хто йде?

Охримъ. Я!

Голосъ 1. Я!

Степанъ. На ныхъ ще ставлю сто!

Шляхт. 1. А я на все, додавшы зверху двисти!

Панна 1. (*до Степана*) Охъ, пане мій! Якый огонь въ очахъ,
Яка краса въ завзятти необоримъ!
На мене панъ хай ставыть...

Степанъ. Що-жъ за те?

Панна 1. Подяка... що-жъ?

Степанъ. И тилькы? Мало, мало!

Шляхт. 1. Взяла слипа... Берунъ іи забый!
А ну ще разъ...

Голосы. Зновъ выгравъ панъ, отъ штука!!

Выхидъ 8.

Ти-жъ и Сохронъ.

(*Мурза встае и бье въ долони. Вбига два татарчаты. Мурза показуе очыма, одынъ бере подушку, другый кальянъ*).

Жыдъ (*Мурзи*). Тутъ братъ іи, пресвитлый володарю,
И запалывсь, якъ порохъ у тій гри...
Ой, вей, ферфалъ! Впаде напевно въ пастку
Все намъ спрія.

Мурза. (*Идучы до кимнаты*). Ля илляга Аллахъ,
У-могомедъ расуль Аллахъ... Алейкумъ!!
Я золота не пошкодую...

Жыдъ. (*маха на прыслужныць*) Гитъ.

(*Прыслужныци несуть за нымъ кумысъ*).

Сохронъ. Гей, слухай-но... не знаю, якъ дражныты (*Жыдъ пидбига*).
Чы можна-бъ тутъ мени купыть коня?
Щобъ взять пидъ верхъ, а зтомленыхъ на повидъ...
Товарышъ мій другого визьме ще...

Жыдъ. Ой лыцарю вельможпый, якъ не можна?
И румака, и огыря зъ Карпатъ,
И турського гонывитра Арапа,
Я панови всихъ ранкомъ покажу
И выбраты напевно буде зъ чого...

Сохронъ. До ранку? Ни! рушаю заразъ я!..

Жыдъ. У глупу ничъ?

Сохронъ. У глупу, такъ... Отъ заразъ
Бахметыкивъ мени ты покажы.
Я й пбмацькы коня пизнаю...

Жыдъ. Добре...
А лишше-бъ тутъ пидночувать...

Сохронъ (*нетерпляче*). Отъ, жыдъ!

Кажу-жъ що ни, що не зостанусь зроду,
А винъ свое...

Жыдъ. Я падаю до нигъ...
Вмыть до послугъ... (*Повернувся йты*).

Софронъ (*за нымъ*). Клады-жъ цину помирну...

Выхидъ 9.

Ти-жъ безъ жыда й Сохрона.

Степанъ. Моя черга... шисть сотень злотыхъ кипъ!
Шляхт. 1. Накрывъ горбомъ... а ну, скачы пся матиръ!
Голосъ 1. Ну й гра, якъ чортъ...
Голосъ 2. А програе, якъ хлопъ.
Шляхт. 2. Паленый грачъ!
Охримъ. Процвындрывъ сылу пецивъ!
Голосы. Дванадцять! Симъ!!
Шляхт. А въ мене двадцять!
Голосы. Взявъ!
Степанъ. (*блидный, тремтыть, бье кулакомъ*).
А! пекло! гынь!!
Панна 1. (*Заграе*). На мене ставъ, но, пане!
Степанъ. Эй, къ бису! Геть! (*одпыха*).
Панна 1. (*на бикъ одходячы*). У, быдло!
Охримъ. Ставъ ривнишъ!
Дивч. (*въ укр. убори*) Хай панъ не гра... тутъ выграты не можна...
Степанъ. (*дыко сміется*) Ага! Метци?
Дивч. Не знаю... я мовчу...
Тилькы не грай, онъ прыслухають...
Степанъ. Пизно!..
Остатни ось дукаты... тилько тры!
Голосы. Чы-жъ панъ умеръ?... Чы ставыть що до кону?
Степанъ. Ось тутъ въ руци! (*кыда кости*).
Голосы. Ажъ двадцять тры!
Шляхт. 1. Панъ ма!
Шляхт. 2. Ха, ха, ха, ха! На це чысло й тры пеца!

Охримъ. Э, брате, зле! Якъ разъ наставъ твій пасъ,
А ты спустывъ...

Степанъ На посьмихъ! Глумъ тай годи!

(*до себе*) Що тутъ чыныть? Фортуна надійшла,
Немае чымъ за хвистъ іи вхопыты...
Ни шеляга... кримъ жовтякивъ шосты...
Въ Сохрона-бъ то позычыты? Такъ зроду
На гру не дасть... тай мало зъ нымъ... А жыдъ?
Кый бисъ!

Голосы Що-жъ панъ? здоровый кинъ на столи!!

Степанъ. А! пропадай! До пецивъ ще й коня!

Шляхт. 2. Чы добрый кинь?

Шляхт. 1. (*регоче*). Зъ горы бижыть за витромъ?

Степанъ. Та, пане, тутъ такого скризь нема...
Взявъ зпидъ паши...—дукативъ зъ сотню вартъ!

Охримъ. Степану я повирю...

Шляхт. 2. Ну, то йде!

Голосы. Симнадцять! О!?

Степанъ (*несамовыто*). У мене двадцять двое!!

Шляхт. 1. Ось двадцять тры!

Охримъ. Пропавъ турецькый кинь!

Степанъ. Шельмовство! (*схоплюется*).

Шляхт. 1. Що-о?

Охримъ. Та то проклинъ до лыха...

Степанъ (*чуло*). Охъ, коню мій! товарышъ дорогый!
Не выручывъ... а выручавъ повсюды,
И я тебе незрадного продавъ
За мыть одну пекельного завзяття!
А, сатано! На хвылоньку едыну
Ихъ одурыть... И може все верну?
Щось серце рве и бье въ выскы.. Панове!
Позвольте ще поставыть ставокъ зъ пьять.
Мое добро зашыто въ саквахъ...
Не хочется перерывать...

Ш л я х т. 1. А хто
Поручытся за пана?
С т е п а н ъ (*запальчыво*). Честь и гоноръ!
О х р и м ъ. Та ще и я!
Степанъ. Ой, доле выручай! (*Грають тыхо*).

В ы х и д ъ 10.

Ти-жъ и Сохронъ зъ жыдомъ.

С о х р о н ъ. Такъ, колы хочъ—пьять сотень польскихъ злотыхъ.
За другого-жъ не бильшъ, якъ сотень тры...
Ж ы д ъ. Вельможный панъ... ласкавый, дуже мало.
Той кинь гнидый—пидъ гетмана... антыкъ,
Цины нема! Ой, вей, якъ лыцарь сяде,
То закрасыть Украину цилкомъ!
С о х р о н ъ. Ты языкомъ не ляпай тутъ багато
И не бары часу мени... не дамъ;
И шелега тоби я бильше... Хочешъ
Беры мерщій... Ось золото! (*Высыпа на руку*).
Ж ы д ъ. Ой, ой!
Хочъ дешево... а пану маю скынуть,
Бо лыцаря такого скризь нема!
С о х р о н ъ. Ну, ну, не гай! Ось маешъ всеньки гроши
За два коня...
Ж ы д ъ (*личыть*) Такъ вирно!
С о х р о н ъ. А теперъ
Скажы мерщій, сидлаты ихъ, бо йиду...
Ж ы д ъ. Та можебъ панъ спочывъ...
С о ф р о н ъ (*гризно*). Убью, якъ пса!
Ж ы д ъ. Бижу! (*на бикъ*). Нехай ёго мудруе маму!
С о х р о н ъ. Отакъ гараздъ! Теперъ безпешно намъ.
И дощъ ущухъ—за тры дни будемъ дома!
Колы-бъ воны перелетилы сномъ,
Чы маревомъ розвіялысь по степу...

Якъ занудывсь я, зирочко моя,
Жду й не дождусь хвылыны раювання...
Ну, та теперъ не зъимъ и не досплю
А буду знай летить до Богуслава...
Де жъ мій Степанъ? Чы-ба! Такы устрявъ!!
Э, годи жартъ! (*пидходыть*) Степане, гей, Степане!
Покынь, вставай! Вже кони пидъ сидломъ!

Шляхт. 2. Ни, перше панъ насъ поквитуе...

Шляхт. 1. Правда!

Степанъ (*злостно*). Я не встаю... Панове... Килька сливъ....
(*до Сохрона*). Не можу я рушаты звидсиль заразъ...
Ты постривай...

Сохронъ. Я? тутъ, тривать? шкода!
На чорзна-що, щобъ я хвылыну тратывъ!
Та завалысь земля!..

Степанъ. Що-жъ... бачышъ,,. такъ
Ніяково...

Сохронъ. Этъ, лыхо? Кынь дукаты,
Що тамъ програвъ, що вынenъ имъ—и квитъ!
Рушаты часъ! Купывъ я двое коней!

Степанъ (*зъ жаромъ*). Истратывъ все?

Сохронъ. Ни, злотыхъ зъ двисти е!
А що?

Степанъ. Та такъ (*на бикъ*). Я въ десятеро вынenъ.
Годыны зъ дви пожды... найбильше тры...

Сохронъ. Прогайнувать на тры годыны щастя?
Я не здуривъ... та и для чого це?
Щобъ затягтысь въ запали до нестяму...
Розсатаныть себе въ пекельній гри.

Степанъ. Прошу найбильшъ, що на годыны дви...

Сохронъ. Не можу...

Степанъ. А! Уважъ хочъ на годыну!

Сохронъ. Не можу, ни!

Степанъ. Бабій!

Сохронъ. А ты пакъ хто?
Сестра чека въ слезахъ, въ тривози, въ тузи,
А братъ затявсь зъ паскудствомъ у корчми...
Степанъ. Сестра, сестра! Що зъ нею статысь може?
Пряде, спива спокiйно и безъ слизъ...
Сохронъ. Ты по соби, розбещенный...
Степанъ. Э, брате,
Опекы я не потрибую... й самъ
Повчыты-бъ змигъ...
Сохронъ. Кого? мене? Ну, спробуй!
Жыдъ (*входытъ*). Готово все!
Шляхт. 1. Щожъ панъ?
Степанъ. Я вмыть (*до Сохрона*).
Пождьі...
Сохронъ. Ни хвыли!
Степанъ. Звирь!!
Сохронъ. А ты-жъ то хто, друзяка?
Для капосты...
Степанъ. Та не для бабы, ни!
Сохронъ (*за шаблю*). Колыбъ не братъ ты бувъ Маруси.
Степанъ. Къ бису
Изъ нею йды!...

(*Жыдъ полохлыво пидходытъ до мурзы и щось горяче ему розсказуе.*

Сохронъ (*выхопывъ до половыны шаблю*).
Эй, слово ще! (*опомятовавшысь*).
Шляхт. 2. Що-жъ панъ?
Степанъ (*до шляхтыча*) Я зостаюсь!
Сохронъ. Такъ я безъ тебе йиду...
Степанъ. Пидъ тры чорты!..
Сохронъ. А, гынь ты у багни! (*выбига*).

Выхидъ 11.

Ти-жъ безъ Сохрона.

Шляхт. 1. Панъ забарывсь... ждемо... остатня ставка. .
Шляхт. 2. А потимъ вже панъ прынесе саквы...

Голосъ. Колы важки, мы лыцарю пидсобымъ...
Степанъ. У мене е, панове, сылы вкрай...
Безъ жартивъ—но! Я ставлю трыдцять пецивъ.
Шляхт. 1. Ого, махнувъ!
Шляхт. 2. Зъ одчаю!
Охримъ. Що-жъ иде!
Голосы. Програвъ козакъ!..
Степанъ (*осатанило*) Будь проклятъ я и вси вы!
Шляхт. 1. Ха, ха! Пече!
Шляхт. 2. Пора й саквы!
Вси. Пора!
Степанъ (*до жыда*). Гей слухай-но... на хвылю.. тыжъ пакъ знаешъ.
И хутиръ нашъ... и коней косякы...
И пасикы... Спытай у Богуслави—
Заможни мы... та й въ Сичи въ мене есть
И золото, и многоцинна зброя...
Позычъ мени на коротенькый часъ...
Хочъ сотни тры дукативъ... слово, клятьбу
Тоби даю... верну зъ лыхвою все.
Зъ якою хочъ—тилькы рятуй у скрути!
Жыдъ. Охъ, лыцарю... я вирю... певенъ я...
Та тилькы, де таки у мене гроши?
Щобъ я дитей не бачывъ... вей-зе миръ!
Ой, ой!
Степанъ. Нема?
Жыдъ. А щобъ я пейсы стратывъ!
Степанъ. Ну, такъ и край! (*выйма пистоль*).
Шляхт. 1. Ждемо на пана мы!
Шляхт. 2. Цикави намъ дукаты гонерови!

Выхидъ 12.

Ти-жъ и мурза, йде тыхо, зупыняется серêдъ кону.

Жыдъ. (*удержуе Степана що хотивъ кынутысь*)
На Бога!.. Ой, якый палкый... ще есть

Рятунокъ намъ... у Мурзы сыла грошей...
(*Степана мало не тягне*).
Пресвитлый панъ такее серце ма,
Якого вже на цилимъ свити годи...
Ось лыцарь мій до ласкы поклыка:
Ему на часъ потрибни, вей миръ, гроши...
На малый часъ: зъ бакшышомъ верне... Я
Ручаюся, на балабусту й диты!

Мурза. У позыку? Аллахъ! Я не лыхварь!
Але я радъ запомогты въ прыгоди,
Колы юнакъ споможе и мени...

Степанъ. Не все гараздъ я розумію...

Мурза. Пане,
Я закохавсь въ твою сестру, и отъ
Колы мени сп645

 споможешъ іи маты,
То заплачу ажъ двадцять сотень лиръ.

Жыдъ. Ой, скарбъ!

Степанъ (*зъ жаху*). Що? Якъ? Сестру продать въ неволю?

Мурза. О, твій языкъ не ти слова вжыва...
Твоя сестра—моя неволя й згуба,
Для неи дамъ чудово-пышный рай....
Вона моимъ подружжамъ первымъ буде,
Владыкою незличенныхъ скарбивъ;
Скризь панувать—іи це буде воля.

Жыдъ. И панъ мовчыть?.. И про сестру не дба?

Степанъ. Сестра, сестра! Охъ и яка-жъ спокуса!
Але продать?.. Невири дать въ ясыръ?
Пекельный грихъ, безче́стіе довичне!

Голосы (*промижъ себе*). Що-жъ це за жартъ? На гоноръ гравъ!
Отъ зухъ!

Шляхт. 2. Провчыть ёго!

Шляхт. 1. Мени Охримъ заплатыть!

Мурза. Зъ горы я дамъ... отъ заразъ десять сотъ,
А решту вже, колы до рукъ визьму я
Мою зорю...

Жыдъ. Ой, що-жъ то за гешефтъ!
Царыцею сестра... и стильки грошей...
Ажъ крутыть копфъ...

Степанъ. Туманъ стоить въ очахъ...
А тутъ пече... Товарыша израдыть...
Сестра... тамъ—рай... а тутъ—публика, смерть...
А винъ пыха... чернець...

Вси. Що-жъ панъ заплатыть?
Чы, якъ шахрай...

Степанъ. А! Кляти!.. Згоденъ я!
(*Перебыва Мурзи руку*)
На гоноръ мій!!

Мурза. Я вирю... Маешъ гроши (*дае*).
Умовымось.

Жыдъ. Ой, дали-бугъ гешефтъ!

Степанъ (*кыда на стилъ частыну*).
Давиться! Ось! Але теперъ хто пысне,
Такъ гоноръ я на шкури покажу! (*Выйма шаблю*)
(*Вси накынулысь мовчкы на дукаты*).

Мурза (*зюрта рукы*). О, раю мій! Ля-илляга Алейкумъ!

Зависа.

ДІЯ I.

Зправа видъ актёривъ, на першимъ пляни, фасадъ будынка старолавнёго, зъ рундукомъ, ганкомъ. Пидъ рундукомъ на передкони стоить шырока лава. За будынкомъ выдко други будування: клуню, амбаръ то-що. Злива левада. Въ глыбыни килька проризныхъ деревъ: черезъ прогалыны выдко осяяный сонцемъ Богуславъ. Надъ вечиръ.

Выхидъ 1.

Ганна, Маруся, Сохронъ и Леся.

(*Настя сыдыть на лави зъ Лесею, шось передывляются, шыють, готують. Леся часто черезъ рундукъ бига въ будынокъ и выно-*

сыть нови убрання. Сохронъ зъ Марусею выходять изъ-за будынку, прямуючы на передкинъ).

Сохронъ. Якъ пышно скризь, якый чудовый день!
Така-жъ весна теперъ въ моёму серци:
И соловей щебече чаривно,
И цилый мыръ красуе закоханнямъ...
Охъ, зиронько, мій раю неземный!
Твоя краса уси дыва створыла:
И перса ци, гартовани въ бояхъ,
Застужени у сичовыхъ негодахъ,
Твій взиръ палкый, яскравый розтопывъ
Для радощивъ, для втихъ, для раювання!

Маруся. Твои слова, мій соколе ясный,
Спаляють выдъ... Не знаюсь я у чарахъ!
Росла я тутъ у скрытій гущыни,
Пидъ ласкавымъ дозоромъ батька й неньки,
Въ захованнимъ кубельци й розцвила,
Не знаючы ни чаривныхъ роскошивъ,
Ни бенькетивъ, ни ласощивъ чадныхъ,
Ни жодной спьянилои прынады;
Про чудеса на свити чула я,
Хиба въ казкахъ, видъ нашои бабуси,
И скарбъ отой въ моій души будывъ
Хымерный стрій и злотосяйни мріи;
А серденько у мене розцвило
Пидъ дзвономъ кобзъ, пидъ плачемъ думъ журлывыхъ;
Прокынулась у-перве и любовъ...

Сохронъ. Любовъ? Кому-жъ дисталося те щастя
У чысти сны пидкынуты вогонь?

Маруся. И кобзарямъ, и неньци моій ридній,
И дидови,—що надыхнулы палъ
До ридного, до доли Украины...

Сохронъ. О, квите мій зъ ясныхъ райськыхъ садкивъ!
Въ твоій краси, въ твоій души прозорій,

Въ твоимъ чутти и серци неземнимъ
Така буя необорыма сыла,
Що ій усе схыляется до нигъ—
И сталь, и мидь, и жала стрилъ, и лёза,
И пôгукы непереможныхъ бурь.

Маруся. Слипуешъ ты, мій орле сызокрылый,
И наддаешъ мени таку вагу,
Якои я, нескрыляна, не маю.
Зневырышся—и выкохаешъ жаль,
А потимъ жаль проймé морозомъ душу...

Сохронъ. Зневирюсь я? Та швыдче небо це
Свою ясну завису розпанаха
И жмутомъ внызъ на землю упаде;
Скоришъ земля, ця нездвыжна твердыня,
Розійдется на скрепахъ и впаде
У прорвыща пекельнои безодни,
Нижъ вкрадется зневирря у мій рай
И холодомъ обвіе мою душу!

Маруся. Не вмію я, мій любый, розсказать,
Якъ серденько веселкою трипоче,
Голубкою до тебе прыпада...
Одно тоби лышъ шепитну, що чую
У серци я щаслывый, дывный спивъ,
Якый дзвеныть и зàхватомъ, и ладомъ,
И въ тыхый рай всю душу порыва.

Сохронъ. Моя, моя! На викы и за викы! (*Обнима*).

Маруся. Клянусь тоби подружжамъ вирнымъ буть!

(*Прыпада тыхо, по паузи заходють вливо*).

(*Чуты ледве-ледве здаля веснянку. Спивъ разъ-у-разъ то стыха, то знову выныка*).

Выхидъ 2.

Ти-жъ безъ Сохрона и Маруси.

Леся (*ныже намысто и мовъ-бы пидъ прыспивъ хора и соби пидтяга*).

„А-вже-жъ весна, а-вже-жъ красна—изъ стрихъ вода капле“...
Скинчыла вже остатни намыстà:
Ось зъ янтарю, ось зъ перливъ, ось зъ коралнвъ;
И дукачи добрала золоти...
Погляньте-бо, якъ сяють, пани-матко!

Ганна. Гараздъ, гараздъ... ты маешъ доню смакъ...
У тры разкы?... и дукачи?... чудесно!
Серпанкы ще прыстроить треба...

Леся. Ось
Я прынесла изъ били и шовкови,
Прычепурю кораблыкъ.

Ганна. А ну, ну;
Я-жъ ще оци спидныци поскладаю.
Здается вже, усе въ насъ до ладу,
Не голою выдаемò Марусю.

Леся. Не голою? Та ахне Богуславъ
Видъ заздросты! Ажъ тры здорови скрыни
Набыто вже добра того зъ верхомъ,
А це ище й четверта буде повна,
Кримъ кылымивъ...

Ганна. А зъ усёго добра
Братъ сплатыть ій не менше, якъ третыну.

Леся. Э, що й казать! Та наша молода
Забье усихъ заможнистью й красою...
За подругу пышатыму и я!
Ну, ось убиръ... прыкыну я до чола (*встае*).
Чы до лыця?

Ганна. Чудово!

Леся. Люстра-бъ! Ой,
Якъ хочется поглянуты на себе...
Я побижу...

Ганна. Стій, козо! Онъ вода:
Въ видро й дывысь!

Леся. Ага, ага! (*Дывытся*). Ой чудо!

(*Чуты, якъ оддаля спивають веснянку*).

Ой матинко, якъ гарно, далеби!
Колы-бъ мерщій мени до шлюбу статы...
Я побижу до подружокъ—генъ, генъ!
Хай глянуть, якъ въ малжонскимъ мени строи!
Ажъ завыдкы ихъ вхоплють... Ха, ха, ха!!
(*Побигла*).

Ганна. Та стій! Куды? Отъ дзыга ще, тай годи!
По хутору собакъ дражныть, чы що?
Щобъ обнеслы серпанокъ и спидныцю?
Зъ веснянкою дійдутъ воны й сюды,
А покы-що тутъ поможы прыбраты...
(*Озырается*). Де-жъ наши це, обручени диткы?

Леся. Туды пишлы... генъ ходять по левади...
Поклыкаты?

Ганна. Нехай соби гудуть,
Якъ голубкы... Колы-жъ и буркотаты,
Якъ не теперъ!.. За сыротою Богъ:
Малжонка давъ хорошого Маруси,
Поштывую дытыну давъ мени:
Не піяка, не лодаря-гульвису,
А лыцаря вже славного.

Леся. Охъ, охъ!
А спивака́ якого на бандури!!

Ганна. Тоби одно!

Леся. А такъ, колы козакъ,
Та хорошунъ, та на бандури грае,
Та ще й спива... то Боже, Спасе мій,
Не встояты ни за́що, а ни-за́що!

Ганна (*сміется*). Охъ, дивко, охъ! Яка-жъ бо ты слаба!
Невильный винъ, обрученный...

Леся. Дарма!
Хиба отбыть ёго на думци маю?
Мени абы послухаты писень...
Ато-бъ такы у подругы, посестры,
Колы й сама...

Ганна (*обнима и голубыть*). Та знаю, знаю я
И таину твого серденька..
Леся. Мамо!
Ганна... Такъ, мамою и буду...
Леся (*змишалась зчервонила*). Боже мій!
Не знаю й якъ! (*Цилуе рукы*). Такъ я увесь цей мотлохъ
Перенесу въ середню... и видро
Геть прыберу и ночвы... а намысто
И дукачи у скрыньку положу...
А може ще що пани-матци треба?
Вертаются генъ наши молоди... (*побигла въ будынокъ*).

Выхидъ 3.

Ганна сама.

Не дочекавсь мій панъ-отецъ до втихы,
Побачыты зъ дружыною дочку,
Укохану едыную Марусю...
То-бъ радувавсь небижчыкъ дорогый!..
Теперъ тоби, моя сыритко люба,
Благословення дасть чужа рука,
А ридная лежыть въ глыбокій ями
Пидъ тяжою чавунnoи плыты... (*утера слёзы*)
Але вона за щастя твое, доню,
Пиднимется на тимъ свити въ мольби
Передъ яснымъ винцемъ Святои Дивы...
О, Господы! Ты—мылосердя скарбъ,
Твоихъ щедротъ не пересохне море...
Поглянься-же зъ райськи́хъ Своихъ осель
На доленьку рабивъ твоихъ сумырныхъ,
Сохрона та Маріи, и пошлы
Имъ лагоду, та тыхе, довге щастя! (*Пишла*).

Выхидъ 4.

Леся зъ Степаномъ.

Леся (*зновъ выходыть на рундукъ и, глянувшы за мистокъ, зупынылась, прыложывшы до очей руку*).
Здается винъ, мій сокилъ, мій орелъ...
Не даромъ же затёхкало серденько...
Такъ, винъ и есть...

Степанъ (*зъ-за мистка наблыжается*).
Вже Мурза тутъ... провивъ
Яругамы цю татарву въ диброву...

Леся (*пидбига*). Мій голубе!.. На мене й не зырне,
Встромывъ чогось у землю свои очи
Чы-жъ сердышся?

Степанъ. Ни, не того...

Леся (*заграе*). А що-жъ?
Може знайшовъ соби дивчи́ну другу?
Ну, прызнавайсь! (*Крутыть ёго*)

Степанъ. Ото-ще!

Леся. Э, щось е...
Непевне щось, непевне... Не оманышъ...
Мовъ вареный... и голосу не чуть...
Щось на души нечысте... Щось зрадлыве...

Степанъ (*дрижыть*). Та що ты? Цыть!

Леся. Зъ лыця ты навить зблидъ...
Ховаешся одъ мыру, наче злодій...
И глянуты у вичи...

Степанъ. Лесе, цыть!
Охъ, не вражай!..

Леся. Колы гриха не маешъ,
То усмихнысь и прыголубъ мене,
Якъ першъ було, хочъ тыхымы словамы...
Чы може я тоби обрыдла вже
И хочешъ ты видкынутысь?

Степанъ (*на бикъ*). Не можу...
Горыть, пече...
Леся. Та що ты! Схаменысь!
Скажы мени... прызнайся... що тамъ сталось?
Чы зновъ бида... чы втрата... чы походъ?..
Що жъ ты мовчышъ? Я далеби заплачу...
Степанъ. Не сыла... этъ!
Леся. Та що за таина?
Промовъ мени, безъ жартивъ—це обра́за...
Не хочешъ, ни?
Степанъ. Охъ!
Леся (*розсердылась*). То бувай здоровъ...
Козаче мій!.. (*Пишла на рундукъ*).
Степанъ. Будь проклятый, скорище!

Выхидъ 5.

Степанъ одынъ.

Степанъ. Прокляття! А! Ударь хочъ зъ неба гримъ,
Убый мене, зрадлывого Іуду!
Іуду... такъ! Я ридную сестру
Продавъ въ ясыръ, въ неволю бузувиру...
За золото зневажывъ свою кровъ,
Зламавъ кильце, якымъ Богъ ридъ еднае,
Втоптавъ въ багно зъ викивъ святый законъ
И на загынъ давъ хрыстіянську душу!
Іуда! Гиршъ! Той хочъ одвагу мавъ
Порваты вмыть свое жыття гыдлыве...
А я?... Я—тхиръ! Тремтыть оця рука,
Не зводытся до лыцарського вчынку...
Не вже-жъ то ни? (*Хапается за кинджалъ*)
Э, пизно! часъ мынувъ:
Тепера смерть ще бильшъ накоить лыха...
Ихъ тутъ загинъ... Зборонцивъ въ насъ нема...
Все выпалють и вырижуть невиры,

Колы зламать имъ слово... О, я звирь,
Я вы́брудокъ всесвитнёи гыдоты! (*Забига*).

Выхидъ 6.

Ганна, Маруся, Сохронъ, а потимъ и Леся.
(*Впродовжъ ціи сцены чуты оддаля хоръ*).

Сохронъ. Тры дни—и рай... Але якъ тыхо часъ
Сей точытся... Неначе дидъ зъ похмилля...

Маруся. Зъеднала нас святи вже молытвы́:
Я и теперъ твоя, мій орле сызый,
И прысяглась цымъ серцемъ не зражать,—
Чого-жъ тоби бентежытысь?

Сохронъ. Не знаю,
Але тоди тривога одлетыть,
Колы нашъ шлюбъ жаданый завершытся,
И я его, якъ сонця-правды, жду.

Маруся. И диждемось, колы въ тимъ Божа воля;
Але чого намъ прыспишаты часъ,
Колы дае и радисть винъ, и щастя,
И втихою намъ душу напува...
Хиба, тоби, мій орле, мало раю?
Хиба тебе и винъ не вдовольня?
Чого-жъ жадать прыйдешнёи хвылыны,
Колы оця сучасна чаривна?
Колы-бъ моя була надъ часомъ воля,—
Я-бъ крыкнула цій мыти: „зупынысь
Въ своимъ прудкимъ полёти; ты прекрасна,
Ты радистью мени сповняешъ свитъ"!

Сохронъ. Твій голосокъ бреныть чудовымъ спивомъ,
Въ твоихъ очахъ и любощи, и рай...
Въ твоій краси небесна перемога:
То-жъ и боюсь, щобъ скарбъ мій неземный
Прыгода зла не вырвала! Ще тры дни!

Маруся. Твои страхы бентежуть и мій духъ,
Щось за тяжкѐ прокралось въ мое серце...
Глянь—сонце гра, ни хмароньки, ни млы
На бани цій блакитній та прозорій,
Чого-жъ намъ ждать тыхъ лыховистныхъ бурь?
Вже й день ясный скинчытся незабаромъ,
И тилькы два зостанется намъ дни...

Сохронъ. А все жъ то два. (*Цилуе іи*).

Маруся. Охъ, не смуты серденька,
Воно й само щось ные и тремтыть...

Сохронъ. Нема чого полохатысь зи мною:
Хоть-бы вся тьма нечыстыхъ вражыхъ сылъ
Изъ-пидъ земли, изъ прорвыщъ злосмердючыхъ
Повстала вразъ, то перса ци й рука
Тебе, зорю, одъ неи заборонють;
Край нигъ твоихъ кисткамы ляжу я,
И навить ихъ не переступыть ворогъ!

Маруся. Такъ, вирю я! Ты лыцаремъ, орломъ
Мени запавъ найперше въ серце... Дужыхъ,
Побидныкивъ, звытяжцивъ запальныхъ
Воно любыть, кохаты тилькы й може...
И марытся, що по Вкраини ты
Скризь досягнешъ и славы, и почоту,
И схылытся до нигъ твоихъ чоломъ
Уся пыха, мизеріею вкрыта...

Сохронъ (*Усмихается*).
Дытячи сны. Насъ пани-матка жде...

Маруся. Матусенька? Ходимъ, тамъ поручъ сядемъ...
Про славу ты розскажешъ, про бои—
Матуся тежъ послуха...

Сохронъ (*обнима*). О, мій раю!! (*Пишлы до рундука*).

(*Ганна ще ранишъ выйшла и зъ рундука выгляда ихъ*).

Выхидъ 7.

Ганна, Сохронъ, Маруся, а потимъ и челядь.

Ганна. А я усе васъ вызыраю тутъ,
Бо чую вже самотыну старечу,
То й нудъ бере...

Маруся. Ой, мамо, не тужить:
Я васъ самыхъ не кыну... такъ, Сохроне?

Сохронъ. Конешне, такъ... Побудемъ вкупи часъ,
А то—до насъ...

Ганна. Э, теща, любый зятю,
Залышня ричъ въ кубельци молодыхъ...

Сохронъ. Крый Боже!

Ганна. И! То такъ воно здается,
А потимъ зять щось ынше заспива...

Маруся. Ой, зроду ни! Та то була-бъ образа
Мени така, що и не знаю...

Ганна. Бачъ,
Уже й пишла за мене суперека...
Якъ Богъ судывъ, то такъ и буде! Ну,
Сидайте-жъ тутъ, бикъ мене, голубъята!
Дывылась-бы, не зводючы очей,
Та слухала-бъ все ваши буркотання...

Маруся. Ось, ненечко, Сохронъ розскаже намъ
Про сичови прыгоды...

Сохронъ. Щожъ-бы саме?
А, отъ хиба про гемонськый походъ,
Що насъ завивъ за Тендеръ на погыбель.
Зладналы мы чаёкъ десяткивъ зъ пьять,
Щобъ понестысь по морю до Сынопа,
Та погулять на славу у невиръ,—
Добра добуть и вызволыть зъ кайданивъ
Невольныкивъ,—товарышивъ, братывъ,
Що гынуть тамъ по тюрмахъ та галерахъ...

Маруся. Ой, лелечко! Спивають кобзари,
Яка тяжка робота имъ и мука!

Ганна. Такъ, доню...

Сохронъ. Ну, прокралысь мы Днипромъ,
Тай выплылы до свита въ Чорне море...
Отъ вырнуло и сонечко изъ млы—
Осяяло хыстке й ясне роздолля:
Воно кругомъ яскрыло, якъ сафыръ,
За край небесъ розкынувшыся лономъ;
Здавалося, що баня незмирнà
Зъ хмарынами хытается пидъ намы,
А мы немовъ въ блакити несемось
Надъ прорвою, безоднею страшною:
То здiймутся вси весла, то пирнуть,
Блыснувшы вразъ—срибломъ чы адамантомъ,
А хвыля гра пидъ проминемъ яснымъ,
Гойдае насъ, пестуючысь, ласкаво:
Чайкы летять поломанымъ ключемъ,
По сынёму витрыламы билiють...
А на чайкахъ, неначе макъ, шапкы,
Ажъ мрiють скризь червонымы рядкамы,
А серденько-жъ и млiе, и тремтыть!..

Маруся. Ой, гарно-жъ якъ, ой пышно! Боже мылый,
Колы-бъ мени побачыть дыво те!..
Здается, я пташыною-бъ отъ заразъ
Полынула... Та де узять крылецъ?

Ганна. Хто видае: жыття, що довга ныва,—
На iй якъ разъ спиткаты можно все!

Сохронъ. Наврядъ тилькы, щобъ моря досягнула;
Та ничого й нудытыся за нымъ—
Ему не вирь,—воно знадне́ й зрадлыве...

(*Леся выходыть зъ бандурою и зупыняется*)

Отъ плывемо, спиваемъ и люлькы
На вильному мы, вильни, запалылы...

Про лыхо въ насъ а-ни гадокъ нема,
А вже воно чатуе за плечыма!
Старезный дидъ на чайци въ насъ сыдивъ,
Що зъ моремъ знавсь, якъ зъ шаблею своею;
Отъ, глянувъ винъ у далыню й прорикъ,
Що зъ билои хмарынкы встане туча.
Не вирылось... а хмаронька проте
Росла й росла, темрявылася млою
И морокомъ все небо поняла...
Насупылось, ажъ почорнило море,
Зшкарубылось, мовъ груба та рилля,
И зайкомъ скризь заплыгавъ билый гребинь...
Дыхнувъ Борунъ, витрыламы шарпнувъ
И знову стыхъ. А наказный гукае:
„На дно чаёкъ покласты щоглы вмыть,
За весла вси! Пыльнуй, стерничый, гостро!
Насупроты бурхлывыхъ хвыль керуй!“

Маруся. Ухъ, страшно якъ!

Ганна. Ховай ихъ Маты Божа!

Леся. А я-бъ отамъ хотила буты, страхъ,
Посмакувать, яка то смерть на очи!

Сохронъ. Розпатлана, скажена й нависна!
Завыла вразъ, немовъ видёмъ тыхъ зграя,
И заревла, немовъ страшенный звирь...
Запинылось и застогнало море;
Хыстка гора на гору пиднялась,
Помежы ныхъ розкрылысь чорни прорвы,
И темрява зловисна налягла...
Мовъ трисочка злитала чайка вгору
И падала въ роззявлену глыбинь...
А навкругы рослы тремтячи скели,
Схылялыся розтрипанымъ чоломъ
И поглынуть ярылысь шкарлупыну...
У неладн розсатапилыхъ сылъ

Вбачалося вже свита преставлення
И грызный часъ остатнёго Суда.

Маруся. Охъ, матинко! Погынуть запорожци...
Якъ жалко ихъ, ажъ серце замира! (*Тремтыть*)

Ганна. То-жъ, донечко, борци святи за виру,
За воленьку и за пытымый край...

Маруся. О, Боже, дай, щобъ лыцарство буяло!
Щобъ славою вкрывало намъ жыття!

Леся. Ну що-жъ, якъ тамъ?

Сохронъ. Погыбель навысала,
И сталы вси чытаты молытвы́...
Пиднявсь тоди старезный дидъ на лави,
У билому и билый самъ, якъ лунь,
Ажъ мыготивъ сриблом на витри волосъ,
И голосно промовывъ до братывъ:
„Розжеврилось напастью Чорне море
И лютистью на всихъ насъ зазиха,
Жадаючы видъ братчыкивъ охвиры...
Вси гришни мы предъ Господомъ Святымъ;
Та юнакамъ ще довга въ свити ныва,—
Имъ треба ще покутувать грихы
Та послужыть и Богови й роды́ни;
А я, лыбонь, другый вже викъ жыву,
И потрудывсь для мыру й для покуты,
То й слидъ мени ще браттямъ спомогты
И вызволыть зъ тяжкыхъ обіймыщъ смерти.
Простить мени, колы я вырненъ чымъ
И словомъ злымъ мене не спомьяните“!
Промовывъ те и, першъ нижъ стямывсь гуртъ,
Мелькнувъ унызъ и счезъ у чорній прорви...

Маруся. Ой, Боженьку!! (*Упала до матери зъ рыданнямъ*).

Ганна (*упада*). Марусю! Годи!! Цыть!

Сохронъ. И на що я розсказувавъ? Просыла-жъ,
А отъ теперъ серденько надрыва!
Зозулечко риднесенька! (*Пестыть іи*)

Ганна. Вгамуйся!

Леся. Напыйся ось водыци... (*подае*) хочъ ковтокъ!
И чымъ іи-бъ розважыты? Сохроне,
Бандура ось... заграй и заспивай! (*Подае*)

Сохронъ. Раднишій я, абы просохлы слезы! (*Прыграе*)
(*Спива*) Вылиталы орлы,
Зъ-за крутои горы,
Вылиталы, буркоталы—
Роскоши шукалы... и т. д.

(*Потимъ переходыть въ танцюрысту*)

Колыбъ мени хочъ запаска
Й понередныця,
То побигла-бъ до млына я,
Покы мелется;
Ой чукъ, чы не чукъ
Мій мырошнычокъ:
Назбираемо въ долыни
Та волошечокъ!
Ой волошкы сынесеньки,
Жыто съ колосомъ,
Утомывся мылесенькый,
Лежыть покотомъ...
Ой любъ, чы не любъ—
Годи вже казытысь,
Треба статы на шлюбъ,
Нема де подитысь... и т. д.

—

И шумыть, и гуде,
Дрибенъ дощыкъ иде,
А хто-жъ мене, молодую,
Тай до дому проведе?
Обизвався козакъ
На солодкимъ меду:
Гуляй, гуляй, дивчынонько—
Я до дому проведу!

Ой дивчына горлыця
До козака горнется,
А козакъ, якъ орелъ,
Якъ побачывъ, тай умеръ!

Выхидъ 8.

Тижъ и килька зъ челяди: бабуся, дивчына, парубокъ и дидъ. (Выйшлы воны, хто зъ ганку, хто зъ-за будынку, ранише на спивъ и зупынылысь на ходу).

Дидъ (*писля першои писни Сохрона, покы той прыграе на бандури*)
Ну, тай спива!

Баба. Чудово, якъ и ты
Колысь спивавъ...

Дидъ (*хыта головою*) Згадала!

Дивчына (*до парубка*). Охъ, якъ гарно!
(*Писля першого куплета 2-ои писни*)
Ой, ця така, що ажъ дрижать жыжкы...
И пидкивкы ажъ цокають!...

Парубокъ (*локтемъ пидъ бикъ*). А спробуй!

Леся. (*Почала за першымъ куплетомъ прытанцёвувать и тягты у танецъ Марусю, а та упирается*)
Марусенько, та ну-бо, усмихнысь,
Та окрутнысь зи мною...

Маруся Охъ, не сылуй!
Не те теперъ у мене на души...

Леся. Та слухай-бо, якъ грае и спивае,
Я-бъ кынулась на шыю... (*Все прытанцёвуе*).

Маруся (*усмихнулась*). Хто-жъ миша?

Дидъ (*парубку*). Отъ ще глухый! Бандура гра, ажъ дзвоныть,
А винъ стоить та тилькы мне ханькы;
Та я бъ майнувъ зъ дивчы́ною, якъ буря,
Щобъ ажъ земля здвыгнулась... Этъ, сопій!
Та йды-жъ, иды!

Парубокъ (*опынается*). У будень?
Дивчина (*зграе до ёго*). Ну-бо, Грыцю!
Дидъ. Покынь его! Аговъ, стара, хочъ мы
Покажемо, (*окручуе бабу*) якъ вовну треба мьяты!
Баба. Чы не сказывсь? Ой лыхо!
Сохронъ (*зрыва остатній аккордъ*). Ну, кинець!
Не подолавъ Марусыного жалю!
Маруся. Ни, рада я... спасыби!
Ганна (*цилуе его въ голову*). Зятю мій,
Задовольнывъ стару ты, ажъ слёзою
Умылася, а отъ уже й сміюсь...
Ходимъ въ покой, я покажу ще посагъ,
Якый даю...
Сохронъ. Та на що, мамо, винъ?
И безъ ёго Маруся скарбъ...
Ганна. Ни, зятю,
Ходимъ, поглянь!... Кримъ того маю я
Зъ тобою ще перебалакать...
Сохронъ. Заразъ:
Послухаты мою матусю радъ...
(*Выходють; челядь тежъ розійшлась*).

Выхидъ 9-й.

Маруся и Леся.

Леся. „Такъ хто-жъ миша?" И ты-бъ не ревнувала?
Маруся. Я? Байдуже!
Леся. Колыбъ отъ на очахъ
Я кынулась Сохронови на шыю?
Маруся. Ни гадоньки!
Леся. Ты рыба, а чы що?
Та я бъ за те повыдерала очы!
Маруся. Ой, лышенько! Та ты якась чудна,
Тебе гараздъ и зрозумить не можу:
То хочется тоби всихъ цилувать...

Леся. Не всихъ, не всихъ... а мылого...

Маруся. Не знаю,
Мени таке и въ думку не спада:
Я-бъ слухала чудови розповидкы
И день, и ничъ—про славу козакивъ,
Втишалась-бы лыцарськымы писнямы,
Не зводячы зъ коханого очей,
Колы воны горять святымъ завзяттямъ...
А лащытысь мене и не кортыть...

Леся. То ты така холодна, наче крыга?
Не видаешъ, якый у серци палъ,
Колы ёго огорне закохання?
Прытыснутысь до мылого-бъ щильнишъ,
Въ обіймыщахъ солодкыхъ занимиты,
Въ цилункахъ злыть, стопыть свои вуста
И вчадиты одъ любощивъ: то-жъ щастя,
То-жъ втихонька, то невымовный рай!!
Для ёго все—себе и мыръ забудешъ!

Маруся. Цыть, ясочко! Та ты таке верзешъ,
Що ажъ морозъ по шкури йде и пломинь
Видъ сорому у выдъ мени пашыть...
Кохаю-жъ я, але того...

Леся (*палко*). Ты крыга!

Маруся. Вже й лается...

Леся. Не вирю я... брехня!
Щобъ ни жагы, ни палу? Ты не любышъ!

Маруся. Ба ни, люблю...

Леся. Якъ песъ хорошый кій!

Маруся. Не ображай!

Леся (*обнима*). Пробачъ мени, лебидко...
А серденько твое ще мицно спыть.
Та цуръ ёму!.. Зъ горы идуть дивчата
Зъ веснянкою... А ну, на чоли стань,
Та звелычай и вѐсну, й любе щастя,

Яке вона несе тоби й мени! (*Поспишають обыдви до гурту*).

Выхидъ 10-й.

Тижъ и дивчата въ винкахъ.

Дивчата. Зъ весною васъ, бувайте-но здорови,
Марусенько и Лесе!
Леся и Маруся. Дяка вамъ!
Бувайте й вы!
Леся. А ну, Марусю, въ коло,
Чы на чоли!
Дивчата (*беруть за рукы іи*). Голубко, почынай!!
Маруся (*спива и за нею й хоръ*).
А вже-жъ весна, а вже-жъ красна,
2) Изъ стрихъ вода капле;
Козаченьку молодому
2) Мандривочка пахне! и т. д.

Водють кола зъ розмаитымы фигурамы.

Выхидъ 11.

Ти-жъ и Мурза зъ татарамы.

Мурза (*выскакуе*). Аллахъ керымъ!! Моя, моя!!
Дивчата (*шарахнулы*). Татаре!
Мурза (*хапа Марусю*). Моя ханымъ! (*до татаръ*)
Хапай и вмыть назадъ!
Дивчата. Рятуйте! Ой! (*татаре похопылы де-кого й счезлы*).
Степанъ (*выскакуе*). Справдывъ козаче слово...
Але теперъ ты ворогъ, и сестру
Одибье братъ! (*Добува шаблю*).

Выхидъ 12.

Ти-жъ и Сохронъ та Ганна и челядь.

Сохронъ (*несамовыто*). Розбій! Пекельни сылы
Пограбылы и щастя, и мій рай!

Де ворогы? На кони! (*Выйма шаблю*).

Ганна (*лама руки*). Маты Божа!

Поглянсь, закрый!

Сохронъ До зброи!

Дидъ. Въ мисто дать

Тра звистку!

Ганна. Ой, рятуйте мою доню!

Сохронъ. За мною хто?

Степанъ. Я—на жывитъ и смерть!

Сохронъ. Въ погоню-жъ гей!

Вси. Хай гыне ворогъ лютый!!

З а в и с а.

М. Старицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывокъ изъ дневника Г. П. Галагана за 1845 г.

Въ № 9-мъ 1898 года были напечатаны „Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана“ за 1836—41 годы. Характеристика этому дневнику была дана слѣдующая: „Отличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій; такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее найти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ“. Ту же самую характеристику придется повторить и по отношенію къ печатаемому теперь новому отрывку изъ его дневника за 1845-й годъ, когда Г. П. Галаганъ записывалъ разные факты, а главное—свои настроенія и впечатлѣнія, будучи уже не юношей, а совершенно зрѣлымъ по лѣтамъ человѣкомъ, т. к. ему тогда было уже 26 лѣтъ. Тутъ мы встрѣчаемся уже съ размышленіями его на болѣе глубокія темы, какъ напримѣръ—вопросы о народной нравственности, которую ему хочется исправлять, и вопросы объ экономическомъ положеніи своихъ крестьянъ, которое ему хочется улучшить. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ постоянно колеблется, такъ какъ власть помѣщика, распоряжающагося судьбами своихъ рабовъ, на каждомъ шагу сталкивается у него съ общимъ философскимъ міросозерцаніемъ, и онъ въ одномъ мѣстѣ дневника записалъ слѣдующія характерныя строки,

говоря о томъ, что онъ *велѣлъ дать хлосту писарю*: „надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ,—высѣчь легче". Или—въ другомъ мѣстѣ, говоря о видѣнной имъ бѣдности крестьянъ въ Ичнѣ,—онъ замѣчаетъ: „Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда-нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ".

Книга для разныхъ замѣтокъ, въ томъ числѣ и о получаемыхъ и посылаемыхъ мною письмахъ 1845 года.

Генварь. 10. Выѣхалъ въ этотъ день изъ Сокиринецъ съ матушкой въ Яготинъ, гдѣ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ скончался 9-го числа, оплакиваемый многими своими крестьянами и посторонними. 11-го мы пріѣхали въ Яготинъ, а 12-го я пріѣхалъ въ Мосѣевку къ Татьянѣ Евстафьевнѣ Вальковской (Волховской), гдѣ засталъ много гостей, но не такъ много, какъ обыкновенно. Много танцовалъ и пріятно провелъ время. 14-го поѣхалъ съ Лаврентіемъ Николаевичемъ въ Милютинцы на обѣдъ (къ Селецкимъ?) и тамъ мнѣ было пріятно. Ночевалъ въ Яблоновкѣ.

15.—Пріѣхалъ въ Сокиринцы, благодаря милосердаго Бога, благополучно и у воротъ встрѣтилъ всѣхъ нашихъ, которые поѣхали къ Михайлѣ Петровичу (Милорадовичу?) въ Калюжинцы. Онъ привезъ молодую жену къ цѣлой кучѣ дѣтей.

16.—Утромъ приходилъ крестьянинъ Игнатъ Гаевый съ своимъ зятемъ Гайдаемъ, и я далъ послѣднему на покупку вола 30 руб. асс. въ позыку; обѣщался отдать черезъ годъ и можетъ быть и раньше; впрочемъ онъ прибавилъ, что можетъ быть и „вы пане пидождете, якъ не розгадаю съ гришмы". На это я ничего не отвѣчалъ, а они ушли съ благодареніями.

Приходилъ каретникъ просить позволенія жениться на дочери Демьяна Гнатка. Но его просьба не будетъ удовлетворена, потому что у Гнатка одна дочь и онъ мастеровой и притомъ графскій. Справедливо это или нѣтъ? Для этого надобно-бы потрудиться узнать, есть ли точно между молодыми людьми любовь, что при теперешнемъ развратѣ, который вкоренился въ селѣ, трудно предположить.

Приходилъ слѣпой солдатъ изъ Прилуки, изъ Кустовецъ, по прозванію Краснощека, просить помощи.

18.—Хотѣли сегодня ѣхать съ маменькою въ Прилуку и Густыню на похороны князя Репнина, но сдѣлалась страшная метель, и мы должны были остаться. Я хотѣлъ изъ Прилуки ѣхать прямо въ Гнилицу, а оттуда въ Мостище и въ Кіевъ.

Вчера я призывалъ Демьяна Гнатка и объявилъ ему, что каретникъ принадлежитъ графинѣ (Комаровской, сестрѣ Галагана), потому дочь его отойдетъ въ Пѣски. Онъ отвѣчалъ, что если такъ, то нехай останется дочка, може и другій найдется, а вона ще молода. Онъ хотѣлъ ее отдать замужъ съ тѣмъ, чтобы имѣть помощника. Приходилъ еще Ильченко просить позволенія женить сына; ему позволено. Приходилъ Матвѣй Карпець, что живетъ въ Свинячемъ яру возлѣ Матюшенка; хочетъ женить сына на дочери Федора Сенчука; позволено.

Вечеромъ приходилъ Кутовій изъ Ични просить позволенія выдать дочь за козака. Ему отказано отъ маменьки; тогда онъ пошелъ ко мнѣ, кланялся въ ноги, увѣрялъ, что его дочь полюбила козака; я ему отвѣчалъ, нисколько нетронутый его просьбами: что мы теперь ни за что не будемъ выдавать дѣвокъ въ Ичнѣ за козаковъ, потому что лучшія выходятъ, а наши парубки остаются безъ невѣстъ; и притомъ, что это переводня; что я знаю давно, что дѣлается въ Ичнѣ, что тамъ богатые всѣмъ пользуются, а бѣдные нищи, что я примусь за Ичню и тогда все переверну тамъ. Сколько ни просилъ Кутовій, но ему отказано. Сегодня утромъ пріѣхали изъ Ични: Михайло десятникъ и тотъ козакъ, котораго сынъ хочетъ жениться на Кутовой дочери; пришли ко мнѣ, просили о томъ же и имъ съ

тою же жестокостью отказалъ, и говорилъ еще о злоупотребленіяхъ, которыя происходятъ отъ этого; они начали меня увѣрять, что тутъ любовь. Михайло, которому я уже давно далъ право быть фамильярнымъ, прибавилъ, что „подумайте! они за васъ будутъ Бога молить, и вы можете быть въ ихъ положеніи". Признаюсь, что я колебался съ минуту, думалъ, что если въ самомъ дѣлѣ тутъ любовь, она такъ рѣдко случается между мужиками, неужели и тутъ уничтожить ее? Но какъ подумалъ объ Ичнѣ и теперешнемъ ея положеніи, отвѣчалъ рѣшительно: *нѣтъ!* Какъ легко тамъ показать твердость воли, гдѣ неограниченная власть! Но благородно ли—вотъ вопросъ. Вообще Ичня теперь (кстати о ней) очень меня занимаетъ и огорчаетъ. Вслѣдствіе нерадѣнія управляющихъ и насъ самихъ, эта Ичня такъ запущена, что дошла до крайности. Монополія богатыхъ въ сильнѣйшей степени, бѣдность въ шестидесяти четырехъ семействахъ, неимущихъ земли, ужасна. Притомъ у остальныхъ земля вся заложена у разныхъ людей, у нашихъ и дядинькиныхъ, и у козаковъ. Народъ избалованъ въ сильной степени, доходитъ даже до непослушанія. Я полагаю, что тамъ дворяне и козаки всему причиною: они научаютъ нашъ народъ дурному и сами же надъ нами смѣются. Я думаю, что тамъ надобно повернуть крутыми мѣрами: 1) Отобрать даромъ всѣ заложенныя земли и отдать ихъ владѣльцамъ,—это лучшій урокъ, чтобы они не закладывали впередъ; Войцеховскій совѣтуетъ, чтобы отобрать съ посѣяннымъ житомъ, и я съ нимъ согласенъ по жестокосердію моему. 2) Отобрать у козаковъ всѣхъ наймитовъ и наймичекъ и подать на нихъ бумагу, какъ на передержателей бѣглыхъ, потому что они не имѣли никакого позволенія отъ экономіи. Не знаю почему, но всѣхъ козаковъ, особенно Сокиринскихъ, мнѣ жалко, но Иченскихъ, хотя и жалко, но они такъ богаты и такое зло дѣлаютъ нашимъ крестьянамъ, что ихъ надобно поучить и попугать добре. Разумѣется, что мы сами виноваты гораздо больше, нежели козаки, но чтобы прекратить весь этотъ ералашъ, надобно повернуть круто; это послужитъ нашимъ же людямъ въ пользу. Что! Вотъ тебѣ благодарное поприще показать

деспотическую власть, заставить себя бояться слабѣйшихъ тебя людей, быть жестокимъ, неумолимымъ. До сихъ поръ я былъ ничто; начну же съ того, что буду притѣснять слабѣйшихъ! Какое начало! Впрочемъ извиню себя тѣмъ, что все это я бы могъ по прежнему возложить на другого, а самому послѣ явиться милостивцемъ; и то достойно только слабаго, и въ томъ нѣтъ благородства. Не скрою, что въ этихъ предполагаемыхъ реформахъ въ Ичнѣ играетъ (роль?) мое самолюбіе; хочется, чтобы обо мнѣ говорили, чтобы меня боялись тѣ, которые было даже забыли, что они мои рабы,—теперь они будутъ трепетать: какой признакъ ничтожества! Это должно прибавить новый укоръ моей почти замершей совѣсти.—

24. *Мостище.*—21-го числа я выѣхалъ изъ Сокиринецъ въ Кіевъ съ грустью въ сердцѣ; и не одна разлука съ матушкой и съ другими и наконецъ съ Сокиринцами были причиною грусти; нѣтъ! убѣжденіе, что я ѣду безъ цѣли, безъ желанія,— это и много кое чего было причиною грусти. Пріѣхавши въ Прилуку, я почелъ нужнымъ сдѣлать расправу въ экономіи за безпорядки писаря. Для того я призвалъ ихъ обоихъ, разругалъ и велѣлъ писарю бить приказчика по щекамъ, послѣ чего велѣлъ приказчику, который плакалъ и извинялся, дать *хлосту* писарю; тотъ прибѣжалъ, говорилъ, что онъ не перенесетъ этого, но я его прогналъ, и ему дали тридцать розогъ. Онъ точно пьетъ и не исполняетъ своей обязанности, а приказчикъ вовсе не смотрѣлъ за нимъ. Надобно напоминать этимъ людямъ для примѣру, но неужели нѣтъ другихъ средствъ? Можетъ быть и есть, но я довольно эгоистъ, чтобы потрудиться поискать ихъ: высѣчь легче. Въ Гнилицѣ я провелъ сутки, и все время была метель, но не смотря на то я все объѣздилъ; здоровы слава Богу, переносимъ все. Въ Гнилицѣ безпорядокъ страшный, который если описывать, то надобно наполнить всю книгу; скажу одно, что ко мнѣ приходила свадьба и бояре, изъ которыхъ одинъ, Могила, такіе молодцы (sic), что у меня сердце развеселилось. Въ конномъ заводѣ все въ порядкѣ; тамъ нѣмецъ Гофманъ, славный нѣмецъ. Въ Мостищѣ также все въ безпорядкѣ. Чтобы узнавать,

есть ли у крестьянъ хлѣбъ, я ходилъ по хатамъ; нашелъ, что нищеты слава Богу нѣтъ. Во многихъ хатахъ меня не узнавали и принимали за какого-нибудь должностного. Характеръ мужиковъ здѣсь какъ то разнится отъ сокиринскихъ и гнилицкихъ; кажется, что здѣсь народъ не такъ хитеръ. Женщины очень красивы; выговоръ разнится во многомъ отъ степного. Многіе изъ мужиковъ имѣютъ очень хорошенькія хаты и весьма живописныя.— Если маменька рѣшится отказать Николаю Фомичу, то пока найдемъ другого, я самъ хочу заняться управленіемъ Гнилицы, Прилуки и Мостища. Боюсь за успѣхъ: оно съ виду кажется гораздо легче, нежели на самомъ дѣлѣ; я боюсь за себя во 1-хъ, потому что я вовсе не пріучилъ свою голову къ постоянному серьезному думанію и къ разсчету, и потому меня очень легко обмануть въ вѣдомостяхъ, а во 2-хъ, что я слишкомъ занимаюсь мелочами, которыя хороши въ созерцательной жизни, которую я теперь веду, а не въ положительной жизни хозяина; меня занимаетъ физіономія мужика, его костюмъ, манера говорить и т. п. и потому я очень могу легко пропустить вещи серьозныя за мелочами. Впрочемъ что будетъ—то будетъ, и во всякомъ случаѣ я съ большою жадностью ожидаю этихъ занятій, которыя послужатъ лучшимъ мѣриломъ моихъ силъ. Сначала надобно будетъ употребить строгость, которую я даже теперь начинаю уже показывать, строгость...... *Засимъ въ тетради вырѣзано нѣсколько листковъ.*

. . . у козака волъ, да еще у двухъ или трехъ мужиковъ по мелкой штукѣ, но впрочемъ по большей части скотъ болѣетъ и выздоравливаетъ; такъ у Ященка заболѣло 6 штукъ и выздоровѣли, у Василія Чарныша 3 штуки и также выздоровѣли. Не знаю, какъ продолжится, но до сихъ поръ остается только благодарить Бога, если сравнить съ опустошеніемъ произведеннымъ въ другихъ селахъ; овцы также падутъ (падаютъ?) отъ *метелицы*. Кромѣ того отъ необыкновенно долговременной зимы, которая началась съ первыхъ чиселъ ноября, и не дальше какъ вчера было еще 12 градусовъ морозу, у крестьянъ истощился запасъ паши для скота, и многіе уже закладывали платье, чтобы ку-

пить соломы. Видя это, я предложилъ маменькѣ подарить имъ скирду или двѣ Лебединскаго сѣна, съ тѣмъ, чтобы прежде осмотрѣть запасы каждаго и потомъ каждому выдать по запискѣ, кому на сани, а кому на грынджолы; мое предложеніе было принято съ радостью, и вышло по справкѣ приказчика и моей до 35 хозяевъ нуждающихся. Первые поѣхали *горяне*, а на другую недѣлю *бочане*; они остались очень довольны этимъ распоряженіемъ, и многіе благодарили, какъ за благодѣяніе. Слѣдовательно этому горю мы помогли. Но другое несчастье вмѣстѣ съ падежомъ посѣтило Сокиринцы: сильная оспа на дѣтей отняла отъ 30 до 40 ихъ у несчастныхъ родителей; это горе все равно для меня, что ножъ въ сердце, потому что мы виною этого. Экономія не обращала на оспу вниманія и она въ послѣдніе 4 года не была привита. Это вѣчно останется на моей совѣсти, потому что я долженъ былъ на это обратить вниманіе; но это ошибка неисправимая. Особенно жалко людей такихъ, какъ Ѳома Митрошенко и Михайло Павловъ Горбачъ, которые имѣли каждый по двое дѣтей и всѣхъ лишились; такихъ примѣровъ нѣсколько. Кромѣ того здоровье людей не хорошо, вѣроятно отъ продолжительныхъ холодовъ: около 8-го числа сего мѣсяца умерли скоропостижно Могилка, оставивши въ нищетѣ свое семейство, и вдова Горбачева, которая оставила двухъ сыновей, очень молодыхъ; вслѣдъ за ними умеръ Волкъ послѣ недолговременной болѣзни и, не знаю почему, онъ не былъ отправленъ въ больницу. Потомъ умерла почти скоропостижно Деріева, молодая женщина, жена садовника Аникѣя. Наконецъ, на дняхъ, мы лишились одного изъ лучшихъ нашихъ крестьянъ—Лукьяна Горбача, который умеръ въ нѣсколько часовъ отъ застуженной рожи. Это былъ человѣкъ, котораго я ставилъ въ примѣръ другимъ; онъ оставилъ жену, сына Совонтія, котораго недавно женилъ на одной дегтяревской, молодецъ собою, сына Якова еще малого и четырехъ дочерей, изъ коихъ старшей 15 лѣтъ. Но за нихъ можно быть покойну, по крайней мѣрѣ пока жива ихъ мать. Вотъ главные факты довольно несчастливые, которые случились за это время. Теперь вотъ факты особенные: кажется, что

крестьяне остались нами довольны за помощь, оказанную имъ въ пашѣ; кромѣ того, что больше 35 человѣкъ ѣздило по реестру приказчика въ Лебединцы за сѣномъ, еще многіе, т. е. человѣкъ 10, приходили ко мнѣ за записками, которыя я имъ выдавалъ; это загладило маленькое неудовольствіе происшедшее отъ нововведеній Войцеховскаго. Онъ жалуется, что сокиринчане худо работаютъ и, разумѣется, что на эти его жалобы je fais la sourde oreille; для успѣшнѣйшей работы онъ заставляетъ работать по урокамъ, которые иногда довольно сильны. Кромѣ того, онъ нашелъ у здѣшняго приказчика маленькія плутовства, которыя однако не мѣшаютъ ему быть отличнымъ приказчикомъ; онъ его погонялъ, а лебединскаго приказчика также погонялъ за что-то и, не знавши хорошо человѣка, велѣлъ ему при людяхъ, чтобы онъ ихъ билъ за неисправныя работы. Оба брата взбѣленились на народъ, первый изъ досады, а второй получивъ на это позволеніе, будучи сердитъ на лебединскій народъ. О первомъ, т. е. о Михайлѣ, я тотчасъ узналъ отъ сокиринчанъ и изъ наивныхъ разсказовъ П. О второмъ же я узналъ непріятнымъ образомъ. Онъ написалъ рапортъ управляющему, въ которомъ доноситъ, что лебединскіе мужики, въ числѣ 6 человѣкъ, на него бросились и пр., и скоро послѣ того явились ко мнѣ 4 изъ лебединскихъ мужиковъ: Куликъ, Хоменко, Тихенко и Килонширенко, бросились въ ноги и начали на приказчика жаловаться самыми убѣдительными рѣчами, говорили, что они всѣ пропадутъ, если я не заступлюсь за нихъ и т. п. Будучи въ Лебединцѣ на возвратномъ пути изъ Пѣсокъ, я бранилъ очень приказчика и, кажется, что онъ меня понялъ. Лебединскіе крестьяне, точно, разбалованы и жестокіе воры по большей части, но мнѣ жаль сокиринчанъ. Въ Лебединцѣ есть гнѣздо, изъ котораго выходитъ все зло,—это Андрусенко и Колонширенко: первый—человѣкъ, который только по непростительной ошибкѣ Николая Фокича не сосланъ въ Сибирь за насиліе дѣвокъ, а второй по своему обрусѣвшему виду не понравился мнѣ съ перваго взгляда, да и вышелъ бездѣльникъ. Нужно будетъ рѣшиться на строгую мѣру, а именно: пересе-

лить ихъ обоихъ изъ Лебединца; такихъ людей и не жалко. Я ѣздилъ въ Пѣски, гдѣ, кажется, народъ доволенъ и нами, и Лизогубомъ; тамъ мужики: Бликъ, Жвинка, Свяченскій—молодцы, стоющіе добрыхъ козаковъ. Въ хуторѣ Литви молотило 40 человѣкъ; я имъ, по ихъ просьбѣ, позволилъ молотить за пашу, и велѣлъ дать въ позыку сѣмянъ на посѣвъ неимущимъ. Въ Сокиринцахъ, ходивши спрашивать о пашѣ, я прошелъ всю Сакаливку и былъ у Сакаловъ, которые мнѣ сказали, что не нуждаются; они порядочно живутъ; былъ у Данилы сапожника, который нуждается, и потомъ, проминувши многихъ, пошелъ къ Степаненкамъ, у которыхъ я ни разу не былъ: они живутъ очень уютно и съ большими удобствами; у Биленковастика я былъ у того, который имѣетъ двухъ женатыхъ сыновъ; онъ, кажется, очень порядочный человѣкъ и сыновья также. Былъ я также у Остапа Жилы, котораго приказчикъ было обидѣлъ панщиною. Его жена хочетъ сдѣлать завѣщаніе, въ которомъ отпишетъ все свое имѣніе сынамъ, чтобы послѣ ея смерти не безпокоили бы зяти ея любимаго Іосифа. Я еще былъ у многихъ крестьянъ, но теперь не припомню, и мое записываніе будетъ безполезно или я не буду записывать каждый день, что я видѣлъ или слышалъ по этой части; но вотъ что припомню. Былъ у Андріяна Фесенка; какъ я люблю это семейство! Когда я вошелъ къ нимъ, то дома были только одни дѣти: Катерина, Иванъ и Ларіонъ; они сидѣли и выбирали пшеницу; Андріяна не было дома, а Александръ пошелъ за теткою. Между тѣмъ, какъ я ожидалъ ихъ прихода, дѣти говорили мнѣ на мой вопросъ разныя молитвы, прекрасно ими выученныя. Потомъ пришли Андріянъ и его тетка. Я завелъ разговоръ о томъ, что надобно бы Андріяну жениться. Онъ очень покраснѣлъ и сказалъ, что уже сватался, и назвалъ на комъ, но не знаетъ позволятъ ли: я обѣщалъ ему похлопотать за него; разумѣется, въ этомъ дѣлѣ между нами не чистая (sic) вещь, но что же дѣлать,—теперь такъ часто выходятъ дѣвки замужъ не честны, что въ этомъ случаѣ можно его въ томъ отношеніи извинить, что онъ можетъ быть увѣренъ, что эта дѣвка не отъявленная потаскушка, и такъ какъ не по своей волѣ по-

теряла невинность, то можно даже сказать, что хорошаго поведенія. Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось устроить судьбу ихъ обоихъ! Былъ еще нѣсколько разъ у Савуленковой или Евусевой, которая очень больна чахоткой. Ея дочь Анна прехорошенькая, и такъ какъ еще молода, то я надѣюсь, что она сохранится честно. Я имѣю теперь на примѣтѣ четырехъ дѣвочекъ 14 лѣтъ, о которыхъ буду стараться, сколько позволяетъ приличіе, чтобы они сохранились въ хорошей нравственности и вышли бы замужъ честными, это: 1) Савуленкова, о которой будетъ стараться мать, 2) Марта Фесенкова, на которой нравственность я надѣюсь, но все-таки надобно, чтобы за нею смотрѣли и защищали бы ее тетка, Андріянъ и будущая жена его, 3) меньшая дочь Жилы Остапа, хорошенькая дѣвка, за которою по моему требованію строго смотрятъ отецъ и мать и 4) дочь Демьяна Гнашки, за которой хотя и ухаживалъ каретникъ, но увѣряетъ отецъ и другіе, что дурного ничего не было, и какъ единственную дочь онъ ее сохранитъ, я надѣюсь. Вотъ пока четыре дѣвки, надъ которыми я буду наблюдать и увижу результатъ, который скажется послѣ ихъ замужества. Недавно я зазвалъ къ себѣ Степаниду, нашу добрую хозяйку, на которой рѣшительно опирается весь порядокъ въ домѣ, и мы долго проговорили съ нею о нравственности женщинъ на селѣ. Много интересныхъ фактовъ слышалъ я отъ нея, интересныхъ, но вмѣстѣ очень неутѣшительныхъ,—напротивъ, приводящихъ въ отчаяніе; не хочу, да и слишкомъ много ихъ, всѣхъ пересказывать; скажу только, что въ ея словахъ даже я нашелъ слабый лучъ надежды, способы поправить несчастье; надобно надѣяться на Бога, на его помощь и покровительство въ этомъ случаѣ и работать неусыпно и не смотря на кучу препятствій. Степанида женщина опытная, съ которою можно посовѣтоваться.

На первый случай я взялъ вотъ какія мѣры: строгій приказъ родителямъ смотрѣть за дочерьми и обѣщанія награжденія дѣвки, напр.—телицу и т. п. Я объ этомъ говорилъ маменькѣ. Разумѣется, что это дѣло приличнѣе для нея, нежели для меня: надобно такъ, чтобы наблюденія дѣлалъ я, а награды будутъ отъ маменьки. Въ

это время также я разсудилъ предлинный и безтолковый процессъ между Павломъ поваромъ и его зятемъ Игнатомъ Горбачемъ. 15 числа и 16 я былъ въ Ичнѣ и ходилъ съ Войцеховскимъ и приказчикомъ по мѣстечку, по правой сторонѣ рѣки; насъ водилъ войтъ Дорошенко и указывалъ хаты. Сердце сжимается при мысли, какую я видѣлъ тамъ нищету, и надобно быть закоснѣлымъ такимъ, какъ я, чтобы послѣ этого спокойно ѣсть и пить и быть веселу, довольствовавшись только приказомъ о перестройкѣ хатъ. О, когда нибудь воздастся мнѣ за это отъ Бога, отъ брата бѣдныхъ, ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ.

28 марта. Отъ 23 по сіе число опять не записывалъ, трудно мнѣ привыкнуть разомъ къ постоянному порядку. Съ сегодняшняго дня началась рѣшительная весна.

31 марта. Погода чудная, сегодня 12 град. тепла въ тѣни, и снѣгъ быстро таетъ, вездѣ потоки, но черезъ ледъ еще ѣздятъ. Какія были особенности въ это время, не знаю, не могу припомнить;—что то въ родѣ тоски, напитанной досадою тяготитъ у меня на груди. Какъ всегда, моя мысль не оставляетъ меня и къ счастью теперь довольно часто приходитъ меня мучить. Но впрочемъ я такъ созданъ, что если все около меня очень пріятно, то я почти забываю то, что должно помнить лучше всего для спасенія души; но за то малѣйшее непріятное обстоятельство достаточно, чтобы я опять обратился внутрь себя и чтобы вся моя грусть и тяжесть воротились. Сегодня утромъ я былъ на Пашковкѣ у Антона Коваленка, котораго засталъ одного съ женою и въ гостяхъ у нихъ козака. Онъ бѣденъ и живетъ въ землянкѣ, т. е. въ хатѣ, которая по окна устроена въ землѣ. Онъ очень обрадовался, увидя меня и нѣсколько разъ цѣловалъ; я спрашивалъ, отчего у него такая хата, онъ отвѣчалъ что никакъ не разстарается, но что, хотя у него и нѣтъ земли, онъ завелся скотиною, имѣетъ корову и быка. Жена его ослѣпла на одинъ глазъ вслѣдствіе долговременной болѣзни; я спросилъ у него, зачѣмъ его сынъ былъ приведенъ въ больницу весь оборванный до ужаснѣйшей степени, на что онъ отвѣчалъ, что его взяли неожиданно, но у него есть лучшее платье. У этого му-

жика еще двѣ дочери, обѣ взрослыя, одна ходила по наймамъ, но теперь взята домой для помощи матери, часто больной. Объ Антонѣ Коваленкѣ ничего дурного не слышно, надобно будетъ ему помочь. Теперь почти на половинѣ нашихъ хатъ прибиты досточки желтыя, съ надписью имени, прозванія и номера; по крайней мѣрѣ видно своихъ.

1 апрѣля. Сильная вода хлынула съ поля и со всѣхъ мѣстъ и по недосмотрительности приказчика нашу большую греблю вырвало подъ лотоками. Я почти весь день провелъ тамъ и, не смотря на воскресенье, люди проработали день и ночь, и почти тщетно. Работники въ числѣ отъ 40 до 50 были всѣ *бочане* [1]). Я сжалившись, видя ихъ стоящихъ въ водѣ выше колѣнъ, велѣлъ имъ всѣмъ дать по чаркѣ горѣлки, исключая двухъ или трехъ отъявленныхъ пьяницъ, въ числѣ ихъ Грыцько Яковенко (братъ Павла повара) и Павло Ширникъ.

2 апрѣля. Опять былъ на плотинѣ, которая мало подаетъ надежды; три четверти воды изъ пруда вытекло, и собаки начинаютъ таскать мертвую рыбу. Сегодня работаютъ *горяне*. Въ нихъ, точно, есть больше украинскаго въ физіономіяхъ,—отчего не знаю, можетъ быть близость къ дворовымъ изгладило физіономію у бочанъ. О нѣкоторыхъ крестьянахъ, которыхъ я еще не зналъ, я разспрашивалъ у приказчика. Былъ также и на Магеровщинѣ, гдѣ вода шла всю ночь черезъ плотину и прорыла себѣ путь подъ грунтомъ козака Полковниченка. Артемъ Чорнышъ мельникъ и Михайло Горбачъ, старикъ, показывали мнѣ опустошенія, произведенныя водою.

3 апрѣля. Около половины марта я, будучи у Антона Ивченка, узналъ, что жена его брата Петра, который очень меня интересуетъ по своей благородной наружности, *на тыжни* [2]) у Петра Никитича; мнѣ пришла мысль, испугавшая меня, я подумалъ: и вотъ мы требуемъ доброй нравственности отъ людей, когда мы посылаемъ отъ молодого мужа жену, которая вышла

---

[1]) Вѣроятно жители той или другой части с. Сокиринецъ.

[2]) Т. е. на недѣльной работѣ.

за него шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на тыждень въ такое мѣсто, гдѣ множество холостой молодежи. Какихъ послѣдствій можно ожидать отъ этого? Мое сердце облилось кровью и взбунтовалось противъ самого себя; почему я объ этомъ не подумалъ прежде? Возвратившись домой, я тотчасъ передалъ маменькѣ мою мысль, и вслѣдствіе этого въ тотъ же вечеръ былъ строгій данъ приказъ: отнюдь не брать на тыжни не только дѣвокъ, о чемъ былъ еще и прежде приказъ, но и молодыхъ женщинъ и вообще хозяекъ, а брать: бездомныхъ вдовъ, накритокъ и старыхъ дѣвокъ.

4 апрѣля. Приходилъ ко мнѣ утромъ Иванъ Тудень, мужъ красильщицы Авдотьи, просить въ позыки грошей на вола. Я ему далъ отвѣтъ тотъ же, что и Степаненку и Спиридону, т. е., что у меня нѣтъ денегъ, а когда будутъ, то я дамъ. Теперь время подумать о той мысли, которая еще осенью родилась во мнѣ: т. е. объ оборотной помощи людямъ. У насъ многіе мужики брали въ позыку деньги на воловъ, но весьма немногіе отдали деньги. Иные въ самомъ дѣлѣ не могутъ, по причинѣ дешевизны всего того, что онъ продаетъ, и дороговизны того, что покупаетъ, но все-таки отдаютъ по частямъ; другіе же, отчасти по безпечности, а отчасти надѣясь на милость, и не думаютъ отдавать; между тѣмъ необходимо съ нихъ взыскивать, потому что, даривши эту сумму одному, отымаешь ее отъ другого. А такъ какъ деньгами съ нихъ взыскивать въ теперешніе годы очень затруднительно и для нихъ, и для насъ, то нельзя ли взыскивать съ нихъ работою, обращая ихъ трудъ въ пользу другимъ крестьянамъ. Подумавши, вотъ какое я нашелъ средство: у насъ много такихъ крестьянъ, которые нуждаются въ починкѣ старыхъ хатъ, а иные въ постройкѣ новыхъ. Купивши для нихъ лѣсъ, можно его вывезти и даже построить хату, виплести и т. п.—трудами должниковъ-крестьянъ, оцѣнивши трудъ на деньги, и столько выключать изъ должной суммы.

12 апрѣля. Въ это время я очень много обращался съ народомъ, безпрестанно будучи на дворѣ, много ѣздивши верхомъ по селу и видя много крестьянъ на работахъ; между тѣмъ, что

нужнѣе всего записать,—это, что у меня еще три человѣка просили грошей въ позыку на вола: старикъ Афанасій Коваленко, Петро Грышко, сынъ вдовы, молодой человѣкъ, и сегодня Федоръ Горбачъ, братъ покойнаго Лукіяна; какъ я съ ними раздѣлаюсь,—не знаю. Сему послѣднему можно дать деньги въ руки; что же касается до тѣхъ, то лучше поручить Чернышу, когда онъ поѣдетъ въ Прилуку на ярмарку покупать воловъ, чтобы онъ и имъ купилъ, продавши тотъ скотъ, который они хотятъ продавать. Я говорилъ съ приказчикомъ о моей мысли на счетъ способа получать съ крестьянъ обратно занятыя ими деньги посредствомъ взаимной помощи крестьянъ; онъ говоритъ, что это можно будетъ сдѣлать. Старикъ Иванъ Сенчукъ взялъ у маменьки въ позыку 10 рублей на покупку лѣса для хаты. Ѣздивши на моемъ Жарондѣ на жита, которые слава Богу подаютъ надежду, я останавливался у его хаты и говорилъ съ нимъ. Этотъ человѣкъ похоронилъ 16 душъ въ свою жизнь, изъ коихъ 4 души были его дѣти, по большей части взрослыя; двѣ дочери взрослыя, а сынъ женатый, который умеръ вслѣдствіе побоевъ Коваленка во время его приказчицтва. Вотъ уже 5 дней, какъ люди сѣютъ. Я былъ вчера въ хуторѣ и отпустилъ иченцевъ домой; они пошли съ большой радостью, потому что Пасха приближается. Теперь метутъ у насъ садъ дѣти, хлопци и дивчата, и имъ даютъ обѣдъ; поколѣніе это довольно порядочное, только что мальчики обѣщаютъ изъ себя мелкихъ людей; что касается до теперешнихъ мужчинъ, то во время работъ не плошаютъ; я имѣлъ время разсмотрѣть ихъ: это славный народъ, большей частью здоровый и притомъ имѣющій отпечатокъ патріархальной доброты на лицѣ; во время работъ на плотинахъ они вообще были веселы, часто слышны были между ними шутки, смѣхъ, и они работали отъ души. Не знаю только, почему они такъ мало усердны къ церкви, что и теперь на плащаницѣ было ихъ очень мало и вчера на Страстяхъ также. Сегодня хотѣли мыть полъ въ домѣ, внизу, въ корридорахъ, дѣвками, пригнанными изъ села, я увидѣлъ въ окно, какъ онѣ входили, пошелъ на нихъ посмотрѣть, вообразилъ себѣ, что ихъ родителямъ очень должно быть горько посылать свою

дытыну во дворъ мыть полы; это унизительно; это противъ моей совѣсти, противъ моего желанія поставить крестьянина-земледѣльца какъ можно на благороднѣйшую ногу, и особенно его женъ и дочерей. Я пошелъ къ матушкѣ и сказалъ ей объ этомъ, представивши ей, что это даже непристойно, заставить дѣвокъ мыть тамъ, гдѣ таскаются безпрестанно мужчины; она сейчасъ велѣла ихъ отпустить и дать мыть полъ мальчикамъ, не смотря на всю досаду Ивана Кузьменки. Сторожа вытерли полъ, который остался почти такимъ же грязнымъ, но за то въ другой разъ не позовутъ дѣвокъ изъ села. (*На этихъ словахъ запись 1845 г. кончается*).

ПАМЯТИ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

(Къ 10-лѣтію со дня его кончины).

Десять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ дня смерти Александра Степановича Лашкевича, а десять лѣтъ это промежутокъ времени, въ который, съ одной стороны, сглаживается чувство горечи, вызванное недавней утратой и часто заставляющее насъ рисовать отошедшаго отъ насъ человѣка въ идеальномъ видѣ, съ другой—сглаживаются тѣ мелкіе недостатки и слабости покойнаго, которые играютъ такую важную роль въ нашихъ житейскихъ отношеніяхъ. Черезъ десять лѣтъ можно уже отнестись къ человѣку объективно, можно дать болѣе или менѣе безпристрастную оцѣнку его дѣятельности.

Пишущій эти строки познакомился съ А. С. всего за полтора года до его кончины, но эти послѣдніе полтора года жизни покойнаго были временемъ его дѣятельности, какъ редактора-издателя „Кіевской Старины", дѣятельности, которая дала ему право на благодарное воспоминаніе со стороны всѣхъ тѣхъ, кто любитъ прошлое своей родины и дорожитъ имъ. Притомъ положеніе секретаря редакціи сразу поставило автора этой замѣтки въ близкія отношенія къ покойному и дало ему возможность узнать многія интимныя стороны въ прошломъ нашего журнала и оцѣнить, какъ матеріальныя жертвы, такъ и тотъ незамѣтный для посторонняго глаза трудъ, которые были вложены покойнымъ А. С. въ дѣло изданія „Кіевской Старины".

Прежде всего я позволю себѣ остановиться нѣсколько надъ выясненіемъ вопроса, что побудило А. С., не историка по профессіи и даже человѣка мало писавшаго, отдаться съ такимъ жаромъ дѣлу изданія историческаго журнала. Воспоминанія товарищей покойнаго по гимназіи и университету даютъ картину обстановки, среди которой учился А. С., подъ вліяніемъ которой складывались его симпатіи и антипатіи, его міровоззрѣніе. Я отмѣчу только нѣсколько фактовъ. А. С. родился и выросъ въ культурной семьѣ. Его отецъ—С. И. Лашкевичъ интересовался и литературой, и исторіей вообще, и исторіей Малороссіи въ частности. Памятникомъ этого интереса остались его библіотека, значительно пополненная потомъ А. С-мъ, и собраніе документовъ, а также рукописный трудъ его по исторіи раскольничьихъ слободъ Черниговской губ., не имѣющій теперь научнаго значенія, но свидѣтельствующій о вкусахъ автора. Годы ученья А. С. совпадаютъ съ знаменательной эпохой русской жизни—эпохой подготовленія и осуществленія величайшей реформы Императора Александра II; для юго-западной Руси эти годы были еще и временемъ пробужденія національнаго самосознанія, усиленнаго борьбой съ господствовавшей въ краѣ, если не въ политическомъ, то въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, чуждой національностью, дѣлавшей послѣднія попытки удержать за собою свое господствующее положеніе. Университетская молодежь того времени не оставалась безучастною къ совершавшимся событіямъ. Студенческіе кружки, въ которыхъ вращался А. С. и которые вмѣщали въ себѣ все, что было даровитаго и честнаго среди студенчества, живо интересовались происходившимъ вокругъ нихъ, и члены этихъ кружковъ уже со школьной скамьи готовились къ работѣ на пользу народа. Быть можетъ, никогда Кіевскій университетъ не далъ столько полезныхъ родинѣ людей, какъ въ тѣ годы. Захваченный общимъ теченіемъ, А. С. по окончаніи университета отдаетъ свои силы крестьянскому дѣлу. Но медовый мѣсяцъ крестьянской реформы, длившійся въ юго-западномъ краѣ, въ силу особыхъ условій, дольше, чѣмъ въ остальной Россіи, миновалъ, измѣнились и

условія личной жизни А. С. Онъ поселяется въ своемъ имѣніи въ Новозыбковскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. И здѣсь онъ находитъ для себя подходящую сферу дѣятельности — онъ посвящаетъ свое время земству и судебно-мировымъ учрежденіямъ.

Въ серединѣ 80-хъ годовъ А. С. переѣхалъ на постоянное житье въ Кіевъ. Возобновились старыя товарищескія связи, завязались новыя отношенія, но дѣла, опредѣленнаго, живого дѣла, не было. Въ это время А. С. начинаетъ принимать участіе въ издававшейся уже Ѳ. Г. Лебединцевымъ „Кіевской Старинѣ", помѣстивъ въ ней нѣсколько статей и замѣтокъ и сообщая время отъ времени документы изъ своего собранія. 1887 годъ былъ критическимъ годомъ для нашего журнала. Непосильный трудъ и матеріальные убытки вынудили Ѳ. Г. Лебединцева заявить о прекращеніи изданія. Какъ ни прискорбно было это обстоятельство и для успѣвшаго уже сформироваться кружка сотрудниковъ, и для хотя немногочисленныхъ, но сердечно расположенныхъ къ журналу читателей, но выхода не было,—никто не хотѣлъ, да и не могъ взяться за продолженіе такого хлопотливаго и явно убыточнаго дѣла. У одного только А. С. явилась мысль взять на себя эту тяготу. Не берусь сказать, явилась ли эта мысль у А. С. совершенно самостоятельно, или была ему кѣмъ-нибудь подсказана, во всякомъ случаѣ онъ горячо ухватился за нее, хотя ему и былъ представленъ рядъ возраженій противъ его плана. Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей А. С. настойчиво указывалъ на тѣ матеріальныя жертвы и душевныя безпокойства, которыя ожидали его на тернистомъ пути редактора-издателя не ходкаго журнала. Рѣшеніе А. С. было принято безповоротно. Въ началѣ 1888 г. заключена была сдѣлка съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ, по которой за 2000 рублей къ А. С. переходило право на изданіе и оставшіеся неразошедшимися экземпляры „Кіевской Старины". Это было началомъ цѣлаго ряда хлопотъ и огорченій. Положеніе изданія было самое плачевное. Уже въ 1887 г. подписка сильно упала, а теперь, къ тому же, прошло время подписки на новый годъ и даже неизвѣстно было, когда можно будетъ открыть пріемъ ея. Надо было одновре-

менно и хлопотать объ утвержденіи А. С. редакторомъ, и подготовлять матеріалъ для изданія, и начинать печатаніе первой книжки. Случайныя мелочныя обстоятельства задерживали утвержденіе; портфель рекакціи былъ пустъ, а въ довершеніе всего и самъ А. С., и всѣ близкіе къ новой редакціи люди были совершенными профанами къ техникѣ журнальнаго дѣла. Утвержденіе было получено только въ февралѣ, и рѣшено было въ мартѣ выпустить тройную книжку. Пустой портфель быстро наполнился благодаря двумъ обстоятельствамъ: во 1-хъ, А. С. привлекъ къ участію въ редакціонной работѣ широкій кругъ лицъ, предоставивъ редакціонному собранію рѣшающій голосъ въ вопросахъ литературныхъ, во 2-хъ, онъ установилъ опредѣленный гонораръ за статьи и рецензіи въ размѣрѣ 25—40 р. за печатный (сравнительно небольшой) листъ, что привлекло въ сотрудники людей, лишенныхъ возможности безвозмездно затрачивать свой трудъ. Въ редакціи закипѣла оживленная работа. Труднѣе было справиться съ вопросами хозяйственными. На первыхъ порахъ сдѣлано было много промаховъ, много ненужныхъ затратъ. Наконецъ, вышла первая книжка, очень сочувственно встрѣченная критикой. Казалось, самое трудное было сдѣлано—начало положено. Но на дѣлѣ вышло, что затрудненія нисколько не уменьшились. Приходилось улаживать недоразумѣнія между сотрудниками, считаться съ цензурными условіями, заботиться о запасѣ матеріала на глухіе лѣтніе мѣсяцы; а между тѣмъ оживленіе нѣсколько улеглось, дѣло входило въ обычную колею, тѣ, кто посвятилъ не мало времени и труда журналу въ началѣ не могли уже принимать такого дѣятельнаго участія въ черной, подготовительной работѣ. Такъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, взявшій на себя работу по приведенію въ порядокъ первыхъ двухъ книжекъ, не могъ продолжать этой хлопотливой работы въ слѣдующіе мѣсяцы. Всю черную работу пришлось взвалить на себя редактору, отчасти только пользовавшемуся помощью немногихъ близкихъ лицъ. Тому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ журнальной работой, понятно, что при ограниченномъ составѣ редакціи редактору приходится просто разрываться на части: и

выправка предназначаемыхъ для печатей статей, и корректуры, и улаживаніе цензурныхъ недоразумѣній, и сношенія съ сотрудниками, и возня съ типографіей—буквально не даютъ редактору возможности вздохнуть свободно: каждый день приноситъ свои новыя, неожиданныя хлопоты. А тутъ еще расходы, расходы изъ своего кармана, безъ надежды на ихъ пополненіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Нужно сознаться, что А. С. былъ плохой хозяинъ. Дѣла его по имѣніямъ были далеко не въ блестящемъ состояніи. А между тѣмъ соблюдать экономію въ расходахъ по журналу онъ не хотѣлъ, да и не могъ. Его мягкость, податливость приносили изданію большой ущербъ. Бывало, нельзя было уговорить его отложить до слѣдующаго мѣсяца статью, которую онъ пообѣщалъ автору помѣстить въ данной книжкѣ, и книжки выходили въ 18—20 листовъ вмѣсто предположенныхъ 15—16. Легко, особенно въ первые мѣсяцы, выдавалъ А. С. и авансы, которые не разъ такъ и оставались авансами навсегда. Впрочемъ, иногда покойный принимался соблюдать экономію въ мелочахъ, но эта экономія въ большинствѣ случаевъ вела только къ новымъ затратамъ. Прошелъ 1888 годъ. Журналъ увеличился по объему и улучшился по содержанію. Подписка стала увеличиваться, но медленно, и новый 1889 г. грозилъ новыми убытками. А имущественныя дѣла А. С. очень запутались. Хлопоты по устраненію денежныхъ затрудненій пошатнули уже и безъ того разстроенное здоровье А. С. Къ веснѣ 1889 г. онъ сталъ прихварывать. Лѣто, проведенное въ деревнѣ, не возстановило его здоровья, и онъ вернулся въ Кіевъ серьезно больнымъ, а 30 октября его не стало.

Казалось, предпринятое А. С. въ послѣдніе его годы дѣло завершилось неудачей. Но вокругъ „Кіевской Старины“ уже сплотился кругъ людей, привыкшихъ считать дѣло А. С.—своимъ дѣломъ. И въ этомъ сказалось вліяніе основной черты характера А. С.—его мягкости, его толерантности. Благодаря этимъ чертамъ, онъ могъ сгруппировать вокругъ журнала людей, не сходящихся, быть можетъ, въ частностяхъ, но равно дорожащихъ и печатнымъ словомъ, и научной истиной, и судь-

бами своей родины. Эти же черты сказались и на направленіи журнала. Чуждый національной и религіозной нетерпимости, А. С. умѣлъ устранить изъ журнала все, что оскорбляло чье бы то ни было національное и религіозное чувство, и это было отмѣчено въ свое время и въ русской, и въ польской, и въ еврейской печати. Заканчивая нашу замѣтку, не можемъ еще разъ не сказать, что покойный, несмотря на всю мягкость и податливость своей натуры, остался на всемъ продолженіи своего жизненнаго пути вѣренъ всѣмъ завѣтамъ, которые вынесъ изъ своей молодости, и до гробовой доски сохранилъ тѣ стремленія, которыя одушевляли его и его товарищей по школѣ.

Е. Кивлицкій.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ А. С. ЛАШКЕВИЧА.

Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и я былъ въ 5 классѣ Кіевской 1-й гимназіи, когда впервые увидѣлъ и вскорѣ потомъ и познакомился съ двѣнадцатилѣтнимъ Сашей Лашкевичемъ. Онъ поступилъ въ это время во 2-й классъ нашей гимназіи, помѣщавшейся въ то время въ Липкахъ, въ такъ называемомъ Кловскомъ дворцѣ, построенномъ въ царствованіе Елисаветы, въ зданіи, гдѣ теперь женское духовное училище. Въ то время 1-ая гимназія была закрытымъ и вполнѣ сословнымъ учебнымъ заведеніемъ; въ двухъ интернатахъ, 1-мъ и 2-мъ „благородныхъ пансіонахъ", помѣщавшихся въ отдѣльныхъ отъ гимназіи зданіяхъ и даже усадьбахъ, воспитывались исключительно дѣти дворянъ; въ мое время во всей гимназіи было всего лишь 4 ученика изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи. Кромѣ значительнаго числа казеннокоштныхъ во 2-мъ пансіонѣ, остальные пансіонеры въ обоихъ интернатахъ принадлежали къ зажиточнымъ семьямъ; преобладали сыновья помѣщиковъ—польскихъ изъ Юго-Западнаго края и малорусскихъ изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Приходящихъ учениковъ было такъ мало (около 15-ти во всей гимназіи), что они совсѣмъ исчезали бы среди громаднаго большинства остальныхъ учениковъ, если бы исключительность ихъ положенія и даже самая эта малочисленность не выдѣляли

ихъ изъ остальной массы учащихся. Жили они исключительно при родителяхъ и только на время уроковъ приходили, точнѣе—пріѣзжали на собственныхъ лошадяхъ въ гимназію. Рѣзко отличались они отъ грубоватыхъ, въ поношенныхъ курткахъ, пансіонеровъ болѣе мягкими манерами, выхоленной внѣшностью, изящными, чистенькими и новыми мундирчиками. Пансіонеры относились къ нимъ нѣсколько свысока и покровительственно, такъ какъ они обыкновенно оказывались слабѣйшими въ школьныхъ дракахъ, не принимали участія въ шалостяхъ и продѣлкахъ противъ начальства, учителей и надзирателей, стояли въ сторонѣ отъ тѣсной товарищеской среды, созданной совмѣстной жизнію въ интернатѣ. Многіе товарищи по классу были съ ними на „вы", въ то время, какъ среди пансіонеровъ одного возраста нераздѣльно господствовало братское „ты". Впрочемъ, отношенія пансіонеровъ къ приходящимъ не чужды были нѣкоторой доли заискиванія: приходящіе привозили своимъ товарищамъ „сысники", т. е. съѣстное, часто „фундовали", т. е. покупали лакомства, брали ихъ къ себѣ въ отпускъ, водили на свой счетъ въ театръ, но главное—они исполняли въ городѣ разныя порученія пансіонеровъ, которыхъ въ будни не выпускали: сообщали роднымъ или знакомымъ извѣстія отъ пансіонеровъ и обратно, передавали письма, доставали книги для чтенія, дѣлали покупки. Послѣднее было особенно важно; пансіонеры лишь тайно могли хранить у себя свои деньги, поэтому и покупать безъ вѣдома начальства могли только тайно; къ тому же чаще всего самыя пріобрѣтаемыя вещи были запретныя: игральныя карты, табакъ, спиртные напитки. Все это выдѣляло приходящихъ: всякаго изъ нихъ знали всѣ пансіонеры, съ нимъ знакомились и вѣжливо раскланивались.

При такихъ условіяхъ въ число приходящихъ учениковъ, по примѣру своего старшаго брата, моего товарища по классу, поступилъ и А. С. Лашкевичъ. Съ тѣхъ поръ прошло около 45 лѣтъ, но я и теперь живо представляю его себѣ: это былъ худенькій, плохо развитый физически, слабенькій и изнѣженный мальчикъ; уже въ то время онъ былъ сильно близорукъ—отсюда

неувѣренность въ движеніяхъ и робость, замѣтная во внѣшнихъ манерахъ; онъ былъ очень застѣнчивъ, казался боязливымъ, хоть и не былъ таковымъ въ дѣйствительности.

Ежедневно вмѣстѣ со старшимъ братомъ, рослымъ и красивымъ юношей, пріѣзжалъ онъ въ гимназію на парѣ хорошихъ лошадей въ собственномъ некрытомъ экипажѣ, повидимому произведеніи сельскаго, вѣроятно крѣпостного, каретника; изрѣдка братья пріѣзжали въ большой коляскѣ, запряженной четверкой лошадей съ форейторомъ; эти же экипажи являлись къ концу уроковъ и увозили Лашкевичей домой; на козлахъ всегда возсѣдалъ лакей, снимавшій со своихъ панычей верхнюю одежду или же одѣвавшій ихъ. Въ одномъ классѣ съ Александромъ Степановичемъ учился мой младшій братъ—пансіонеръ. Это сблизило меня съ этимъ классомъ, и потому я помню нѣкоторыя черты, отличавшія Сашу. Онъ видимо желалъ сблизиться съ товарищами, и это ему удалось, несмотря на то, что онъ не участвовалъ въ физическихъ играхъ, никогда не вступалъ въ драку, не игралъ въ мячъ, въ городки, паланты, мету; за то онъ дѣятельно участвовалъ въ продѣлкахъ, гдѣ требовались остроуміе и рискъ; въ шалостяхъ, направленныхъ всего чаще противъ надзирателей и учителей-иностранцевъ, онъ не разъ попадался; противъ нашихъ учителей французскаго языка онъ не разъ выступалъ вмѣстѣ съ товарищами, сопровождая ихъ появленіе криками „Трубочистъ“ и „Чижикъ“, ихъ общеизвѣстною кличкою. Когда надо было, по мнѣнію класса, устроить этимъ учителямъ какую-нибудь каверзу, обмануть ихъ, пользуясь тѣмъ, что они по-русски читать не умѣли, или же въ полномъ составѣ класса объявить, что заданный урокъ не выученъ, Лашкевичъ никогда не отставалъ отъ товарищей. Тутъ онъ выказывалъ желаніе жить съ товарищами душа въ душу и поступалъ онъ такъ вовсе не вслѣдствіе лѣности или незнанія: онъ и въ дѣтствѣ, а потомъ и въ зрѣломъ возрастѣ отличался трудолюбіемъ, за всякое дѣло брался горячо и настойчиво, если оно было ему по душѣ. Добросовѣстно готовилъ онъ и уроки, не знаю, по привычкѣ-ли, или же ради полученія хорошихъ от-

мѣтокъ,—во всякомъ случаѣ любознательности тутъ слѣдуетъ отводить самое малое мѣсто: ни учебники, установленные программой, ни тогдашніе преподаватели не могли пробудить въ мальчикѣ этого стремленія,—удовлетворялось оно больше всего чтеніемъ. Лашкевичъ еще и въ то время очень любилъ читать книги, конечно, дѣтскія, уже и въ то время очень дорожилъ ими; можно было замѣтить у него уже и первые признаки позднѣе развившагося библіофильства.

Совсѣмъ иначе сталъ относиться къ своимъ занятіямъ Александръ Степановичъ съ переходомъ въ высшіе классы. Послѣ Крымской войны и въ нашей гимназіи повѣяло новымъ духомъ: многіе великовозрастные, окончательно залѣнившіеся и огрубѣвшіе ученики, остававшіеся въ классахъ по 4 года, иногда совсѣмъ прекратившіе всякія занятія, поступили юнкерами въ войска, отправлявшіяся въ Севастополь; составъ учащихся въ классахъ сталъ болѣе однороднымъ по возрасту; нѣкоторые ученики стали выдѣляться своей любознательностью, охотой къ чтенію; такіе юноши сближались между собой и привлекали къ занятіямъ и другихъ товарищей. Измѣнился и духъ преподавателей: и на нихъ слегка отражался подъёмъ духа, наплывъ новыхъ идей, такъ сильно охватившихъ русское общество послѣ перемѣны царствованія и заключенія Парижскаго мира. Нѣкоторые преподаватели замѣнили суровое, грубое, иногда даже жестокое обращеніе съ учащимися болѣе мягкимъ, гуманнымъ; учителя стали ближе къ ученикамъ, больше стали вникать въ ихъ интересы. Къ тому-же нѣкоторые старики, наиболѣе заплесневѣвшіе въ рутинѣ и злоупотребленіяхъ, удалились, явились новые учителя, молодые, энергичные, совсѣмъ иначе относившіеся къ своему служебному и гражданскому долгу. Среди нихъ былъ и незабвенный для всѣхъ тогдашнихъ учениковъ 1-й гимназіи П. Е. Рощинъ, преподаватель математики. Въ высшей степени просто и изящно излагалъ онъ свой предметъ. Онъ главнымъ образомъ старался на урокахъ вызывать самодѣятельность учениковъ: при помощи своего талантливаго учителя они легко рѣшали трудныя задачи, сами выводили послѣдующія те-

оремы или алгебраическія формулы изъ предъидущихъ. Отмѣтки отступили на задній планъ. Рощинъ неудовлетворительныхъ не ставилъ, но онъ до такой степени съумѣлъ сдѣлать свой предметъ интереснымъ для учащихся, что они горячо принялись за его изученіе, а нѣкоторые не ограничивались гимназическимъ курсомъ и стали изучать нѣкоторые отдѣлы высшей математики. Ученики добросовѣстно готовили уроки не ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, а потому, что совѣстно было огорчить любимаго преподавателя, да и товарищи часто плохой отвѣтъ объясняли тупостью отвѣчающаго. Къ своему предмету Р—нъ успѣлъ внушить такую любовь, что большинство оканчивающихъ курсъ въ гимназіи стали поступать на математическій факультетъ. Добросовѣстно и не ради отмѣтокъ готовясь по математикѣ, ученики понемногу начинали относиться такъ-же и къ другимъ предметамъ гимназическаго курса. Дѣятельность и вліяніе Рощина не ограничивались предѣлами класса: онъ нанималъ себѣ квартиру въ гимназическомъ дворѣ и здѣсь во всякую пору дня принималъ учениковъ просто и любезно, но безъ всякой слащавости; онъ откровенно указывалъ имъ ихъ недостатки и заблужденія и всегда охотно и терпѣливо объяснялъ встрѣтившіяся имъ трудности. Тутъ онъ выходилъ за предѣлы курса, указаннаго программой, задавалъ интересныя математическія задачи, знакомилъ съ вопросами физики, предмета въ то время совсѣмъ заброшеннаго въ нашей гимназіи, сообщалъ свѣдѣнія по математической географіи и астрономіи; въ ясные вечера, даже зимой, на гимнастическомъ дворѣ знакомилъ со звѣзднымъ небомъ, показывалъ свѣтила въ телескопъ. Но одними своими факультетскими предметами не ограничивался Р—нъ; не было вопроса, отъ посильнаго разъясненія котораго онъ бы уклонился. Снисходительный къ внѣшнимъ и мелкимъ проступкамъ, къ нарушеніямъ общепринятыхъ, но формальныхъ условностей, объясняя ихъ лишь относильное значеніе, Р—нъ всегда откровенно указывалъ ученикамъ ихъ нравственные недостатки. Сурово отрицая крѣпостное право и барскія привычки, прирожденныя привиллегіи и всяческія общественныя неправды, онъ всегда старался внушить

окружающимъ глубокое уваженіе и любовь къ наукѣ вообще, а не только къ математикѣ. Особенно охотно останавливался онъ на гражданскихъ обязанностяхъ своихъ юныхъ собесѣдниковъ, на необходимости правды, справедливости и стремленія къ лучшимъ общечеловѣческимъ идеаламъ. Если прибавить, что зоркій, наблюдательный глазъ учениковъ не могъ уловить ни малѣйшаго противорѣчія между словомъ и жизнію учителя, то легко представить силу его вліянія.

Сильное вліяніе оказалъ Р—нъ и на Александра Степановича, не смотря на то, что не болѣе 1 года, да и то въ 4-мъ классѣ, былъ его учителемъ. Р—нъ скоро принужденъ былъ оставить нашу гимназію, переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ сталъ выдающимся профессоромъ въ спеціальныхъ военныхъ академіяхъ. Но Лашкевичъ часто встрѣчался съ Р—мъ въ последніе годы его здѣсь пребыванія, такъ какъ старшій его братъ часто бывалъ у любимаго учителя и познакомилъ съ нимъ ближе и Сашу. Послѣдній не любилъ математики; въ это время уже стало сказываться его влеченіе къ историческимъ и словеснымъ наукамъ; но знакомство съ Р—мъ ярко отразилось на общемъ развитіи юноши, на его общественныхъ идеалахъ и симпатіяхъ.

Переходъ Александра Степановича въ высшіе классы совпадалъ съ цвѣтущей эпохой въ жизни кіевскихъ учебныхъ заведеній, когда Попечителемъ учебнаго округа сталъ Н. И. Пироговъ. Вліяніе его особенно замѣтно отразилось на гимназіяхъ—въ нихъ повѣяло новымъ духомъ. Возвысилось значеніе преподавателей: они стали болѣе самостоятельными; усилилась дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ, къ которымъ теперь съ правомъ равнаго голоса привлечены были и „младшіе“ учителя, между тѣмъ какъ раньше въ немъ участвовали полноправно, конечно очень относительно, одни лишь „старшіе“ учителя; въ совѣтахъ то и дѣло разсматривались вопросы о лучшей организаціи школы, о болѣе правильныхъ отношеніяхъ къ ученикамъ, болѣе образовательномъ и нравственномъ воздѣйствіи на нихъ, о болѣе правильной постановкѣ курса и наиболѣе цѣле-

сообразныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Освѣжился педагогическій персоналъ, оживилось преподаваніе, отношеніе къ ученикамъ стало вѣжливымъ и гуманнымъ, а грубое обращеніе, произволъ и разнообразныя жестокія наказанія, продолжительныя заключенія въ карцерѣ, пресловутые субботники и вообще частыя тѣлесныя наказанія во время пребыванія Н. И. Пирогова попечителемъ почти исчезли. Въ высшей степени благотворно отразились всѣ эти реформы на настроеніи и поведеніи кіевскихъ гимназистовъ. Къ этому времени Кіевская 1-я гимназія помѣщалась уже въ своемъ нынѣшнемъ зданіи; оба пансіона были соединены въ одинъ, а пріемъ приходящихъ учениковъ очень усиленъ, такъ что учебное заведеніе перестало быть вполнѣ замкнутымъ и сословнымъ. Большее общеніе съ внѣшнимъ міромъ и реформы Пирогова усилили умственную дѣятельность учащихся, вызвали въ нихъ стремленіе къ знанію, къ развитію, и взамѣнъ прежней грубости, тайныхъ попоекъ, карточной игры и разврата теперь стало замѣтно стремленіе къ самообразованію посредствомъ сознательнаго усвоенія гимназическаго курса и внѣкласснаго ученія. Это умственное движеніе сильно отразилось и на Александрѣ Степановичѣ: онъ сталъ теперь замѣтно увлекаться филологическими науками, особенно предавался чтенію журналовъ, которые раньше вовсе не проникали въ нашу гимназію, такъ что, оканчивая курсъ, мы даже не знали о ихъ существованіи. Первое наше знакомство съ ними явилось благодаря покойнымъ профессорамъ университета Павлову и Бунге. Постоянно убѣждаясь въ плохой подготовкѣ поступающихъ въ университетъ молодыхъ людей, П. В. Павловъ сталъ самъ преподавать исторію въ 7-мъ классѣ нашей гимназіи, а Н. Х. Бунге черезъ нашего инспектора, своего школьнаго товарища, познакомившись съ нѣкоторыми изъ насъ, сталъ снабжать насъ книгами и журналами—Отечественными Записками, Современникомъ, Русскимъ Вѣстникомъ. Большое умственное возбужденіе Александра Степановича особенно сильно сказалось въ его отношеніи къ литературнымъ вечерамъ, устроеннымъ Н. И. Пироговымъ. Періодически въ залѣ одной изъ

двухъ гимназій Кіева собирались ученики двухъ высшихъ классовъ. Здѣсь въ присутствіи попечителя и всего педагогическаго персонала обѣихъ гимназій, одинъ изъ учениковъ читалъ рефератъ на тему, имъ выбранную; присутствующіе дѣлали свои замѣчанія и возраженія; въ заключеніе Н. И. Пироговъ дѣлалъ сводъ и оцѣнку всего прослушаннаго. Не смотря на отсутствіе какой-либо предварительной цензуры для темъ и рефератовъ, всѣ литературныя работы и пренія не выходили за предѣлы дозволеннаго; одинъ лишь разъ представленъ былъ рефератъ на тему „О запрещеніи куренія въ гимназіяхъ“, но и тутъ ученики оставались въ границахъ спокойнаго обсужденія и почтительныхъ возраженій старшимъ, а Пироговъ, воспользовавшись этимъ щекотливымъ случаемъ, высказалъ свое основанное на терпимости къ чужимъ, даже незрѣлымъ мыслямъ, мнѣніе. Вѣскія, вооруженныя глубокимъ знаніемъ, уваженіемъ и любовью къ подростающей молодежи, соображенія его о вредѣ куренія и необходимости ограниченій въ школѣ, произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ учениковъ, глубоко запали въ ихъ сердца и понятія.

Лашкевичъ очень горячо относился къ этимъ вечерамъ; къ каждому изъ нихъ онъ готовился, тщательно знакомился съ вопросами, подлежавшими разсмотрѣнію въ ближайшій литературный вечеръ; самъ онъ дважды выступалъ въ качествѣ референта; не вспомню теперь, какія онъ выбралъ темы, но и теперь мнѣ живо рисуется, какъ горячо относился онъ къ этой работѣ, какъ тщательно собиралъ и изучалъ пособія и источники для ихъ разработки; доклады его прошли съ большимъ успѣхомъ и вызвали похвалу попечителя округа. Самъ я въ это время былъ уже студентомъ, поэтому мои свѣдѣнія о литературныхъ вечерахъ и ихъ вліяніи на гимназическую среду я получалъ только отъ младшихъ товарищей по гимназіи и между прочимъ отъ А. С. Лашкевича, съ которымъ постоянно встрѣчался въ послѣдніе годы его пребыванія въ гимназіи, такъ какъ я, познакомившись съ его отцомъ, сталъ часто бывать у него въ домѣ. Въ это время я сблизился съ Александромъ Степано-

вичемъ, узналъ домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ и сложился,—къ ней я и перейду теперь.

Степанъ Ивановичъ Лашкевичъ, отецъ Александра, былъ богатый помѣщикъ Новозыбковскаго и Сосницкаго уѣздовъ Черниговской губерніи; ему принадлежало по тогдашнему обозначенію около 3000 „душъ“ въ трехъ имѣніяхъ. Онъ окончилъ со степенью кандидата филологическій факультетъ московскаго университета, былъ слушателемъ пр. Мерзлякова, память котораго глубоко чтилъ. На государственную службу Степанъ Ивановичъ, кажется, никогда не поступалъ, если не считать службой дѣятельность почетнаго попечителя Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Извѣстно, что должность эта вполнѣ оправдывала эпитетъ „почетный“. Выбранный на эту должность дворянствомъ обыкновенно никакой служебной дѣятельности не проявлялъ; обязанности его сводились къ ежегоднымъ пожертвованіямъ въ пользу учебно-образовательныхъ учрежденій гимназіи или на развлеченія учениковъ (на маёвки, угощенія, балы, спектакли), или же на помощь бѣднымъ учащимся; взамѣнъ получались чины и ордена.

Когда я впервые увидѣлъ Степана Ивановича, онъ по наружности былъ уже старикомъ. Высокаго роста, худощавый и стройный, съ красивымъ, очень блѣднымъ лицемъ, съ сѣдыми волосами и бакенбардами, всегда тщательно одѣтый, всегда спокойный, важный и медлительный въ движеніяхъ и рѣчи, онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго образованнаго „барина“. Держался онъ всегда прямо, но голова его почти всегда была опущена, выраженіе лица чаще грустное; смѣялся онъ рѣдко и мало, даже улыбался не часто и какъ-то грустно; казалось, что его неотступно гнететъ какая-то печальная дума: говорили, что онъ не можетъ утѣшиться послѣ смерти любимой жены. Жизнь его отличалась необыкновеннымъ однообразіемъ и правильностью. Большую часть года онъ проживалъ въ Кіевѣ, а на время лѣтнихъ каникулъ въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ учились его сыновья, переѣзжалъ въ имѣніе.

Въ Кіевѣ Лашкевичи проживали въ собственномъ домѣ на Печерскѣ на Милліонной улицѣ. Старшіе сыновья жили въ отдѣльномъ флигелѣ во дворѣ, отецъ съ малолѣтней дочерью и сыномъ занимали большой одноэтажный деревянный домъ; тутъ же находился и крайне запущенный, заросшій садъ.

Ежедневно въ опредѣленный часъ къ семьѣ выходилъ изъ своей комнаты вполнѣ одѣтый отецъ; послѣ утренняго чая онъ садился на диванъ, всегда на одно и то же мѣсто, читалъ новые журналы или книги; крайне рѣдко, да и то лишь при отличной погодѣ, онъ выѣзжалъ на прогулку съ малыми дѣтьми и ихъ гувернанткой въ большомъ экипажѣ четверикомъ съ форейторомъ и лакеемъ. Къ обѣду собирались всѣ члены семьи, потомъ вечеромъ опять сходились для чая и ранняго ужина, послѣ котораго отецъ садился на всегдашнее свое мѣсто на диванѣ; часа черезъ два, послѣ довольно вялой бесѣды съ дѣтьми и гостями, въ разъ навсегда опредѣленный часъ старикъ молча вставалъ; всѣ присутствующіе также вставали, хозяинъ прощался съ гостями, благословлялъ дѣтей, цѣловался съ ними и удалялся въ свои апартаменты. По воскресеньямъ и праздникамъ Степанъ Ивановичъ ѣздилъ къ обѣднѣ всегда въ одну и ту же церковь Спаса на Берестовѣ, въ которой состоялъ старостой и о благоговѣніи которой очень заботился; въ ней его стараніями были возобновлены старинныя фрески.

Въ управленіе домомъ и многочисленной дворней, даже въ воспитаніе дѣтей Степанъ Ивановичъ повидимому почти не вмѣшивался. Эти заботы всецѣло лежали на проживавшемъ въ теченіе многихъ лѣтъ у него въ домѣ, у него же и умершемъ Николаѣ Егоровичѣ. Фамиліи его даже очень близкіе къ Лашкевичамъ люди не знали; всѣмъ извѣстно было, что онъ, уроженецъ одной изъ великорусскихъ губерній, былъ товарищемъ Степана Ивановича по Московскому университету, хотя съ виду казался гораздо старѣе его. На какихъ условіяхъ онъ проживалъ у Лашкевича, мы не знали, но видѣли, что на немъ лежали домашнее хозяйство и заботы о старшихъ сыновьяхъ, съ товарищами которыхъ онъ очень сближался. Молодежь очень лю-

била его за чрезвычайное добродушіе, веселый нравъ и невинныя шутки юношей. Будучи фактотумомъ въ домѣ—и управляющимъ, и экономомъ, и ключникомъ, и дядькой при дѣтяхъ, онъ до глубокой старости отличался большой живостью, интересовался литературой, любилъ толковать о ней съ молодежью, изрѣдка бесѣдовалъ о ней же и съ Степаномъ Ивановичемъ; послѣдняго онъ очень уважалъ, всегда свято исполнялъ, и старался предугадывать его волю и желанія, даже замѣтно побаивался его. Снисходительно относился Николай Егорычъ къ молодежи, къ ея не всегда достаточно почтительному подшучиванію. Молодыхъ Лашкевичей онъ очень баловалъ, старался исполнять всѣ ихъ желанія, даже капризы и прихоти, снабжалъ ихъ втихомолку деньгами, прикрывалъ ихъ проступки—въ этомъ отношеніи онъ шелъ даже наперекоръ желаніямъ своего патрона.

Жили въ семьѣ Лашкевича еще и приживалки, бѣдныя пожилыя дворянки, одна изъ нихъ съ дочерью-подросткомъ; онѣ жили въ отдѣльномъ помѣщеніи, никогда не показывались гостямъ, о существованіи ихъ посторонніе узнавали лишь отъ дѣтей или Николая Егорыча, очень ихъ не любившаго, или, наконецъ, по поводу какого-нибудь особеннаго происшествія съ ними. Дворня была чрезвычайно многочисленна: были тутъ поваръ и его помощники, много лакеевъ, нѣсколько кучеровъ, форейторовъ, судомойки, горничныя, прачки, дворники, портные, сапожники, швеи, обойщики, столяры и др. Меня, истиннаго горожанина изъ буржуазной семьи, очень поражала эта масса прислуги; особенно удивлялся я, когда впервые ночевалъ у Лашкевичей. У каждаго изъ сыновей былъ особый лакей, умывавшій и одѣвавшій панича, надѣвавшій носки, завязывавшій галстухъ; у каждаго гостя опять таки былъ свой спеціальный прислужникъ. Надо думать, что эта многочисленная прислуга мало работала: домъ, въ которомъ жили Лашкевичъ и его семья, былъ крайне запущенъ; побѣлка стѣнъ почти исчезла, штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, крыша протекала; внутри—стѣны, потолки и полы выказывали такіе же слѣды за-

пущенности, и это особенно бросалось въ глаза, такъ какъ тутъ же, въ обстановкѣ комнатъ, обращали на себя вниманіе многіе изящные и дорогіе предметы. Я долго думалъ, что за ветхостью—ремонтировать этотъ домъ уже невозможно, но когда онъ сдѣлался наконецъ совсѣмъ неудобнымъ для жизни, Степанъ Ивановичъ продалъ его; при новомъ владѣльцѣ оказалось, что домъ построенъ изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, которые отлично сохранились, а ветхость по внѣшнему виду явилась отъ отсутствія въ теченіе многихъ лѣтъ какого-либо ремонта. Теперь С. И. Лашкевичъ купилъ двухъэтажный домъ въ Липкахъ на Виноградной улицѣ; внутренняя обстановка сдѣлалась еще болѣе барскою, но и этотъ домъ никогда не ремонтировался.

По своему происхожденію, связямъ и богатству Лашкевичъ легко могъ бы примкнуть къ тогдашнему кіевскому бомонду, „Липкамъ“, сдѣлаться замѣтнымъ его членомъ, но онъ сторонился отъ свѣтскаго общества, бывалъ лишь у немногихъ родственниковъ, только ихъ и товарищей своихъ сыновей и принималъ у себя. Къ этой молодежи онъ относился съ замѣчательнымъ дружелюбіемъ, терпимостью и гостепріимствомъ. Въ тихихъ и чинныхъ, прежде пустынныхъ барскихъ хоромахъ, со вступленіемъ въ университетъ сыновей, особенно Александра Степановича, теперь стали бывать молодые студенты, происходившіе изъ различныхъ слоевъ общества, въ своей дешевенькой, часто изрядно изношенной одеждѣ, нѣкоторые въ очень распространившихся въ то время украинскихъ національныхъ костюмахъ и вышитыхъ, не блестѣвшихъ особенной чистотой рубахахъ. Здѣсь юноши не чувствовали того стѣсненія, которое обычно испытывали, когда случалось побывать въ томъ или другомъ пышномъ салонѣ или даже въ болѣе скромныхъ буржуазныхъ гостинныхъ. Хозяинъ ко всѣмъ, безъ различія происхожденія, средствъ, костюма, относился равно спокойно, привѣтливо, но сдержанно и немногословно. Въ иные вечера здѣсь раздавались громкіе, оживленные споры по вопросамъ общественнымъ, научнымъ и литературнымъ. Хозяинъ со вниманіемъ и итересомъ слѣдилъ за этими спорами, изрѣдка тихо и спо-

койно выражалъ свое мнѣніе, съ полной терпимосью предоставляя всѣмъ высказаться. Онъ никогда не пользовался своею властью хозяина и старика, чтобы устранить то или другое рѣзкое или крайнее, не нравившееся ему мнѣніе. Слегка выражая сочувствіе свое къ освобожденію крестьянъ, онъ повидимому мало интересовался современностью; его гораздо больше занимали вопросы литературные и историческіе, особенно относившіеся къ родной Малороссіи; онъ очень гордился своимъ происхожденіемъ отъ Полуботка. Постоянно и много читалъ, выписывая журналы, пріобрѣтая новыя книги по исторіи и словесности, Лашкевичъ поражалъ насъ, молодыхъ птенцовъ, своими знаніями. Среди этой шумной, веселящейся молодежи, старикъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на диванѣ съ обычнымъ грустнымъ выраженіемъ лица, по временамъ слегка улыбаясь по поводу той или другой шутки, остроты или выходки; въ обычный часъ онъ вставаньемъ давалъ сигналъ къ прощанію; онъ удалялся въ свои комнаты, а молодежь переселялась къ Александру Степановичу и тутъ долго еще, до глубокой ночи или до разсвѣта, раздавалась оживленная бесѣда, продолжались споры, шумъ, веселіе. Въ позднѣйшее время изрѣдка бывали танцовальные вечера, которые продолжались до поздней ночи; хозяинъ и тутъ все время присутствовалъ на своемъ обычномъ мѣстѣ; оригинально было здѣсь сочетаніе родовитыхъ, чинныхъ и элегантныхъ родичей хозяина съ плохо одѣтыми (студенческая форма было уже отмѣнена), но умственно возбужденными, самоувѣренными и мало стѣсняющимися молодыми товарищами сына.

Къ началу каникулъ вся семья, на долгихъ, въ нѣсколькихъ экипажахъ съ приживалками и дворней переселялась въ главное имѣніе, с. Брахловъ, Новозыбковскаго уѣзда. Однажды я гостилъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Семья обитала въ роскошномъ и просторномъ домѣ; тутъ же большой цвѣтникъ, садъ, рѣка и деревня. Образъ жизни Степана Ивановича и тутъ оставался неизмѣнно такимъ же, какъ и въ городѣ: порядокъ дня, занятія, интересы были тѣ же, недоставало лишь мужской моло-

дежи. И здѣсь хозяинъ крайне рѣдко оставлялъ комнаты для посѣщенія сада или поѣздки въ экипажѣ, и здѣсь онъ не входилъ въ хозяйственныя дѣла, которыми всецѣло и безотчетно распоряжался наемный управляющій; дворня здѣсь была еще многочисленнѣе. Только съ немногими сосѣдями, частью родичами, поддерживалось знакомство. Проходили годы; все кругомъ измѣнялось; прежняя молодежь возмужала; сыновья выросли, стали самостоятельными; Александръ Степановичъ поступилъ на службу, самъ Степанъ Ивановичъ дряхлѣлъ, но домашній порядокъ не измѣнялся, не измѣнялись его привычки и образъ жизни. По прежнему дорожилъ онъ независимостью, сторонился отъ хозяйственныхъ заботъ и всякой дѣятельности, по прежнему много читалъ, продолжая относиться съ интересомъ къ вопросамъ литературы и исторіи, преимущественно мѣстной.

Я, можетъ быть, слишкомъ долго остановился на домашней обстановкѣ А. С. Лашкевича, но мнѣ думается, что личность его отца сама по себѣ представляетъ интересъ—это очень оригинальный представитель интеллигентнаго, но вполнѣ пассивнаго лѣвобережнаго малорусскаго панства въ эпоху освобожденія крестьянъ, того самаго панства, изъ среды котораго въ это самое время выдѣлялись столь же оригинальные и пассивные, но менѣе симпатичные „мочеморды“. Привлекательно было гостепріимство и любовное отношеніе этого *барина* къ университетской, и притомъ по преимуществу нуждающейся, иногда почти бездомной, демократически настроенной молодежи. И теперь, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, эта успѣвшая уже сама состариться молодежь съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ объ этомъ гостепріимномъ домѣ и его привѣтливомъ хозяинѣ. Остановился я подробно на родной обстановкѣ Александра Степановича еще и потому, что она должна была сильно на немъ отразиться. Полная обезпеченность, даже болѣе того—богатство, родовитыя связи и та бездѣятельность и пассивность, которыя съ дѣтства окружали его, должны были, казалось, при поступленіи въ университетъ въ 1860-мъ году, направить молодого Лашкевича въ студенческіе кружки, предавав-

шіеся веселью и сладкому ничего-недѣланію, тѣмъ болѣе, что въ двухъ такихъ кружкахъ вращались близкіе ему люди. Таковъ былъ кружокъ родовитыхъ молодыхъ людей изъ кіевской чиновничьей знати и лѣвобережнаго панства, которые всецѣло отдавались свѣтской жизни съ ея щегольствомъ, ухаживаніями, развлеченіями, кутежами и отсутствіемъ какихъ либо серьезныхъ интересовъ. Таковъ былъ и другой кружокъ, такъ называемый Дерптскій, съ болѣе буржуазнымъ составомъ, группировавшійся вокругъ нѣсколькихъ студентовъ, перешедшихъ къ намъ изъ Дерптскаго университета; тутъ выпивка, особенно пива, возводилась въ какой-то культъ, причемъ широко практиковались и разные другіе виды кутежа; многіе юноши не устояли и погибли и нравственно, и физически подъ напоромъ растлѣвающаго безъидейнаго прожиганія жизни и пьянства. Къ университетскимъ занятіямъ и лекціямъ, къ идеямъ, которыя одушевляли молодежь того времени, дѣлили ее на кружки и партіи, призывали ее къ дѣятельности во имя убѣжденій и къ борьбѣ за нихъ, представители этихъ двухъ кружковъ относились безучастно: лишь изрѣдка появлялись они въ университетскихъ корридорахъ, и того рѣже посѣщали они лекціи, видимо не интересуясь ими и скучая на нихъ: одинъ изъ принадлежавшихъ къ 1-му упомянутому мною кружку забрелъ какъ то, быть можетъ послѣ бурно проведенной ночи, на лекцію по славяновѣдѣнію, заснулъ тутъ и громко захрапѣлъ; студенты тутъ же выгнали его изъ аудиторіи. Чаще всего однокурсники впервые встрѣчали нѣкоторыхъ изъ принадлежавшихъ къ этимъ кружкамъ студентовъ въ экзаменную пору: тутъ они знакомились съ товарищами ради полученія программъ, записокъ и другихъ пособій или указаній.

Отъ сближенія съ этими и другими подобными кружками Александра Степановича оградило умственное возбужденіе, вызванное вліяніемъ П. Е. Рощина и мѣрами Н. И. Пирогова въ средѣ учениковъ высшихъ классовъ Кіевской 1-й гимназіи. Съ другой стороны, благодаря живости и настойчивости, отличавшимъ Лашкевича, на немъ не сильно отразилась бездѣятельность въ до-

машней обстановкѣ. Онъ искалъ занятій, дѣла, а отъ отца могъ унаслѣдовать любознательность и интересъ къ литературѣ. И вотъ, поступивши на историко-филологическій факультетъ, онъ увлекся славяновѣдѣніемъ; онъ аккуратно посѣщалъ лекціи по этой отрасли знанія, не смотря на то, что онѣ отличались въ то время крайней вялостью и сухостью; посѣщалъ онъ постоянно также лекціи по Исторіи Русской Словесности, увлекался лекціями В. Я. Шульгина по новой исторіи и П. В. Павлова по русской исторіи, физіологіи общества и исторіи пластическихъ искусствъ. Занятія славяновѣдѣніемъ сблизили его съ кружкомъ студентовъ славянофиловъ. Въ этомъ кружкѣ особенно выдавались и пользовались большимъ вліяніемъ нѣкоторые студенты изъ духовнаго званія, большей частью великороссы, перешедшіе къ намъ изъ Кіевской духовной академіи, изъ которой ихъ исключили за нелады съ начальствомъ. Эти молодые люди отличались большей зрѣлостью, стремленіемъ къ знаніямъ, серьезностью занятій. Скоро кружокъ этотъ, при участіи Лашкевича, устроилъ *Печерскую* воскресную школу, которая отличалась отъ двухъ раньше открытыхъ студентами школъ, Подольской и Новостроенской, славянофильскимъ направленіемъ своихъ участниковъ; напротивъ того, въ Подольской, особенно же Новостроенской, преобладало направленіе мѣстное—украинское. Не долго оставался Лашкевичъ въ славянофильскомъ кружкѣ, хотя дружескія отношенія къ нѣкоторымъ изъ его членовъ сохранилъ навсегда. Теперь онъ возмужалъ, характеръ его сталъ складываться окончательно. Это былъ уже высокаго роста, красивый и вполнѣ здоровый юноша; отличаясь, какъ я уже замѣтилъ, живостью и настойчивостью, онъ былъ въ то же время добръ, всегда почти веселъ, остроуменъ и добродушно-насмѣшливъ. Дѣтская застѣнчивость исчезла и замѣнилась общительностью, и потому у него было множество знакомыхъ между студентами. Дѣятельность въ воскресной школѣ и общія собранія учителей всѣхъ такихъ школъ постоянно наталкивали мысли на вопросы о значеніи мѣстнаго языка, этнографіи и исторіи; еще болѣе возбуждались эти интересы начинавшейся въ то время въ стѣнахъ университета

борьбой между польской молодежью и мѣстною русскою по вопросу о томъ, какой національности должны принадлежать край и университетъ. Борьба велась съ большой страстностью, увлекала всѣхъ живыхъ людей, увлекла она и Александра Степановича. Онъ посѣщалъ всѣ сходки молодежи, принималъ горячее участіе въ страстныхъ спорахъ по поводу національныхъ и другихъ вопросовъ, дѣятельно участвовалъ въ кассѣ взаимопомощи и въ студенческой библіотекѣ съ лекторіей, устроенными студентами по почину попечителя учебнаго округа Н. И. Пирогова. Теперь Лашкевичъ всецѣло присоединился къ малорусскому или украинскому кружку, горячо отдался изученію Украины въ ея прошломъ и настоящемъ, сталъ преподавателемъ въ *Ежедневной* школѣ, для которой помѣщеніе отведено было въ самомъ зданіи университета и которую устроили учителя Новостроенской воскресной школы. Участвовалъ Лашкевичъ и въ другой школѣ, которую студенты украинцы устроили на свой счетъ въ частномъ домѣ: здѣсь на полное содержаніе принимались крестьянскіе мальчики, по большей части лакеи-козачки, сопровождавшіе въ Кіевъ своихъ паничей, студентовъ; въ школѣ ихъ готовили къ дѣятельности сельскихъ учителей. Въ этой школѣ воспитывались, между прочимъ, и два родныхъ племянника Т. Г. Шевченка. Въ это время возникли и упрочились дружескія отношенія А. С. Лашкевича со многими земляками студентами: ихъ сближала совмѣстная гуманитарная и національная дѣятельность и общность убѣжденій; связь создавалась крѣпкая: она пережила пребываніе въ университетѣ, держалась годами и потомъ еще разъ освѣжилась и окончательно упрочилась, когда Александръ Степановичъ сталъ издателемъ и редакторомъ „Кіевской Старины", гдѣ нѣкоторые изъ давнихъ университетскихъ друзей его были постоянными сотрудниками.

На 3-мъ курсѣ съ Александромъ Степановичемъ произошелъ случай, о которомъ онъ очень любилъ потомъ вспоминать, съ обычнымъ добродушіемъ остроумно относясь къ постигшей его непріятности. Проснувшись 23 апрѣля 1863 г., кіевляне узнали, что въ минувшую ночь изъ города скрылась вся поль-

ская университетская молодежь и нѣкоторые извѣстные польскіе дѣятели. Вскорѣ появились слухи о кровавой стычкѣ гдѣ то невдалекѣ отъ Кіева; привезли раненаго козака и привели подъ военнымъ конвоемъ много связанныхъ повстанцевъ. Подъ вліяніемъ весьма понятнаго любопытства, многіе кіевляне разныхъ возрастовъ и званій, въ числѣ ихъ и Александръ Степановичъ, устремились на Житомирское шоссе, откуда приводили плѣнныхъ, но тутъ, едва-лишь выходили они за тогдашнюю городскую черту у Тріумфальныхъ воротъ, ихъ ожидалъ совсѣмъ неожиданный сюрпризъ. На время польскаго возстанія изъ крестьянъ на всей территоріи Юго-Западнаго края организована была сельская стража: приказано было задерживать всѣхъ неизвѣстныхъ, безпаспортныхъ и подозрительныхъ людей и доставлять ихъ въ полицію. Среди крестьянъ распространился слухъ, что за каждаго задержаннаго *„шмурґента"* они будутъ получать по 3 рубля, и вотъ подъ Кіевомъ сельская стража стала задерживать каждаго, выходившаго изъ города за Тріумфальныя ворота. Вартовники были безграмотны, провѣрять паспортовъ сами не могли, да у большинства случайно вышедшихъ и не было документа, удостовѣряющаго личность. Никакія объясненія не помогали—всѣхъ арестованныхъ уводили пѣшкомъ за нѣсколько верстъ, если не ошибаюсь, въ с. Вету, а отсюда въ Борщаговку. Тутъ всѣхъ задержанныхъ, а приводили ихъ въ теченіе всего дня, за неимѣніемъ другого помѣщенія, заключали въ какой то отвратительный хлѣвъ. Оказалась тутъ самая разнообразная компанія, исключительно русскихъ людей: были тутъ чиновники, студенты, ремесленники, былъ и кіевскій полицейскій городовой, случайно выглянувшій за Тріумфальныя ворота и тоже причисленный къ подозрительнымъ. Былъ тутъ и нашъ Александръ Степановичъ, тоже зашедшій за роковыя ворота. Прибывали все новые заключенные, помѣщеніе становилось невыносимо тѣснымъ, тѣмъ не менѣе задержанные едва допросились воды. Въ теченіе сутокъ они не получали никакой пищи, и крестьяне едва согласились за дорогую цѣну дать имъ ржанаго хлѣба, да и того мало—его не хватило на утоленіе голода. Про-

шла крайне мучительная ночь, и на утро вывели на улицу всѣхъ заключенныхъ, съ понятнымъ наслажденіемъ вздохнувшихъ свѣжимъ воздухомъ. Каждому изъ нихъ туго скручивали руки позади спины, а потомъ связывали ихъ по двое; тутъ сказалось игривое настроеніе крестьянъ: весьма маленькаго городового связали съ очень высокимъ студентомъ—первый до извѣстной степени повисъ—позиція крайне неудобная для обоихъ столь случайно, но тѣсно сплоченныхъ товарищей по невзгодѣ. Александра Степановича такъ крѣпко связали, что онъ все время не могъ рукой коснуться къ своему лицу, между тѣмъ очки его постоянно съѣзжали на носъ и онъ все время принужденъ былъ приставать къ своему случайному близнецу съ просьбой поправить ему очки, при чемъ не мало долженъ былъ изгибаться, чтобы достаточно приблизить свое лице къ услужливой рукѣ товарища. „Шмургентовъ“ поставили въ двѣ шеренги и повели въ городъ; кругомъ, въ качествѣ ближайшаго конвоя, выступали крестьянки, вооруженныя копьями; въ качествѣ надежнаго резерва, въ сторонѣ съ такимъ же оружіемъ шла толпа крестьянъ, все время глумясь подъ своими плѣнными, ругая ихъ. Особенно, по словамъ Александра Степановича, отличался очень высокаго роста, видный и красивый крестьянинъ. „А що, панове? чы добре вамъ? Чы будете ще бунтовать“? обращался онъ къ связаннымъ; „годи вже! не будете вже гербаты зе мличкомъ пыты, будете радисеньки и житній хлибъ зъ водой йисты! Годи вже вамъ панувать—теперъ все буде наше“! воскликнулъ онъ, указывая величественнымъ жестомъ руки во всѣ стороны: „и тутъ, и тутъ буде наше! Скризь буде наше!“

Съ прибытіемъ въ Кіевъ бѣднымъ плѣннымъ пришлось пережить тяжелыя минуты: городская чернь, принимая ихъ за поляковъ, толпилась вокругъ нихъ; раздавались ругательства, въ нихъ бросали комками грязи. Привели ихъ къ Старокіевской части (теперь *участокъ*); здѣсь связанныхъ ввели во внутреннее помѣщеніе, а крестьянъ оставили на улицѣ; послали нарочного къ губернатору, немедленно развязали плѣннаго городового, поставили его сторожить входныя съ улицы двери. Долго пришлось

ждать прибытія губернатора: администрація и полиція въ этотъ день совсѣмъ сбились съ ногъ отъ множества неожиданныхъ дѣлъ. Скучно было крестьянамъ ждать росписокъ въ принятіи плѣнныхъ и желанной трехъ-рублевой награды, и вотъ то одинъ изъ нихъ, то другой направлялся къ завѣтнымъ дверямъ части, стараясь проникнуть во внутреннія помѣщенія. Но тутъ у входныхъ дверей освобожденный городовой мстилъ имъ за перенесенное заключеніе и обиды: крѣпкими словами и ударами въ шею и другія части тѣла онъ прогонялъ ихъ. Прошло уже болѣе сутокъ послѣ задержанія большинства, когда пріѣхавшій губернаторъ, просмотрѣвъ списокъ приведенныхъ, замѣтилъ имъ, что теперь военное время, что всякому слѣдуетъ быть крайне осмотрительнымъ, что они своей неосторожностью сами навлекли на себя пережитыя непріятности. Послѣ этого всѣмъ задержаннымъ разрѣшено было разойтись.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этого эпизода, А. С. Лашкевичъ окончилъ курсъ университета. Онъ поступилъ на службу въ кіевское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, вскорѣ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ мировымъ посредникомъ и потомъ предсѣдателемъ повѣрочнаго отдѣленія мирового съѣзда въ Гайсинскій уѣздъ Подольской губ. Здѣсь онъ горячо отдался исполненію служебныхъ обязанностей: онѣ вполнѣ соотвѣтствовали направленію и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ университета. Съ большимъ одушевленіемъ, радостно разсказывалъ онъ университетскимъ друзьямъ о тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалась отстоять тотъ или иной интересъ крестьянъ. Вскорѣ умеръ генералъ-губернаторъ А. П. Безакъ; измѣнилось направленіе политики въ крестьянскомъ вопросѣ въ Юго-Западномъ краѣ; Лашкевичъ оставилъ службу и поселился въ родномъ Новозыбковскомъ уѣздѣ. Здѣсь началась его земская и судебно-мировая дѣятельность, но относится она, какъ и дѣятельность его по крестьянскимъ учрежденіямъ въ Юго-Западномъ краѣ, уже не къ школьнымъ годамъ А. С. Лашкевича, закончившимся въ 1864-мъ году. Школьные годы и молодость не прошли для него даромъ: онъ вышелъ изъ нихъ снабженный

знаніями, духовнымъ развитіемъ, стремленіемъ къ умственному труду; они дали ему то общественно-національное и демократическое направленіе, которое было руководящимъ началомъ во всей его послѣдующей дѣятельности; они же создали ему дружескія связи съ нѣкоторыми университетскими сверстниками—украинцами, связи, сохранившія свою силу до самой смерти его. Лашкевичъ имѣлъ право съ удовольствіемъ вспоминать о золотыхъ годахъ своей молодости—многимъ завѣтамъ ея онъ былъ вѣренъ до конца жизни.

В. Беренштамъ.

Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.

(Продолженіе [1]*).*

Рефераты, доложенные съѣзду, распредѣлялись по нѣсколькимъ секціямъ, хотя строгой классификаціи придерживаться было довольно трудно, какъ вслѣдствіе того, что отдѣлы, на которые распадался съѣздъ, были не вполнѣ достаточны и носили довольно общія названія, такъ и благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ, какъ напр., изобиліе рефератовъ въ одномъ отдѣлѣ и отсутствіе ихъ въ другомъ, недостатокъ времени и т. п. Для археологическихъ, или правильнѣе, историческихъ съѣздовъ еще пока не настало то время, когда ихъ можно было-бы раздѣлить на секціи, придерживаясь точной регламентаціи, какая, напр., практикуется на съѣздахъ естествоиспытателей—многія вспомогательныя исторіи науки еще настолько слабо у насъ разработаны, что назначеніе для нихъ спеціальныхъ секцій не имѣло-бы практическаго смысла. Однако, введеніе въ программу съѣзда болѣе спеціальныхъ группъ имѣло-бы то значеніе, что могло бы побудить къ работѣ тѣхъ или другихъ спеціалистовъ; такъ напр., мы думаемъ, что пора бы ввести въ программу отдѣлъ *антропологическій*, имѣющій такое близкое и существенное отношеніе къ археологіи и исторіи вообще. Но это дѣло будущаго, а пока обратимся къ настоящему съѣзду. Въ дальнѣй-

[1]) См. Кіев. Стар. 1899 г., № 10.

шемъ, не придерживаясь строго дѣленія съѣзда на секціи, мы будемъ касаться, и то лишь за недостаткомъ мѣста, только въ общихъ чертахъ рефератовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ прошлому Южной Россіи, прибавляя къ этому тѣ немногочисленныя сообщенія болѣе или менѣе общаго характера, которыя имѣли мѣсто на спеціальныхъ секціяхъ.

Начнемъ съ *первобытныхъ древностей.* Секція эта отличалась сравнительнымъ изобиліемъ докладовъ, но среди нихъ мы можемъ указать лишь одинъ, именно докладъ *В. А. Городцова*—*„Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторической керамики“*, гдѣ былъ поднятъ одинъ изъ вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе. Указавъ на важность изученія керамики для доисторической археологіи и на давно ощущаемую потребность въ опредѣленной номенклатурѣ и системѣ описанія матеріала, способа приготовленія, формъ и орнаментаціи керамическихъ издѣлій, референтъ, въ примѣненіи къ орнаменту, предложилъ выработанный имъ образецъ табличной классификаціи. Здѣсь различные виды орнамента подведены подъ извѣстную систему, несомнѣнно могущую облегчить и отчасти упорядочить описательную часть работъ, касающихся первобытной керамики.

На выставкѣ въ новомъ зданіи музея была демонстрирована коллекція предметовъ изъ палеолитической стоянки на Кирилловской улицѣ, обслѣдованной В. В. Хвойко, особенно пополнившаяся, благодаря находкамъ настоящаго года; въ засѣданіи, происходившемъ въ зданіи музея, проф. *П. Я. Армашевскій* сдѣлалъ сообщеніе объ этой стоянкѣ, гдѣ коснулся какъ обстоятельствъ находки, такъ и геологическаго и археологическаго ея значенія. Въ виду того, что о стоянкѣ на Кирилловской у. помѣщены въ различныхъ изданіяхъ довольно полныя свѣдѣнія, [1]) мы не будемъ

[1]) Этой находки коснулся и проф. Антоновичъ въ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ съѣздѣ—«Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ». См. также публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя проф. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ въ «Истор. Общ. Нестора Лѣтописца въ мартѣ 1896 года“. К. 1897 г. и „Археологич. Лѣтопись“ наст. года—январь, май, іюль. Наиболѣе обстоятельный обзоръ этой находки, составленный Хв. Вовкомъ, помѣщенъ въ «Материялах до українсько-руської етнольогії», т. I, Львовъ, 1899 г.

здѣсь распространяться о ней, упомянемъ лишь, что на этомъ же засѣданіи *проф. Д. П. Анучинъ* высказался въ томъ смыслѣ, что по поводу этихъ находокъ возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, напр., представляется загадочнымъ тотъ фактъ, что на мѣстѣ стоянки не найдено орудій, которыми человѣкъ могъ бы убивать мамонтовъ, такъ что является предположеніе—не вымеръ-ли мамонтъ въ данной мѣстности еще до появленія здѣсь человѣка и что послѣдній воспользовался его костями лишь какъ матеріаломъ? Намъ кажется, что геологическое положеніе находки и нѣкоторыя другія обстоятельства исключаютъ всякія сомнѣнія.

Неолитической эпохѣ каменнаго вѣка было посвящено нѣсколько рефератовъ. Изъ нихъ обобщающій характеръ носилъ рефератъ *проф. Антоновича—„О каменномъ вѣкѣ въ Волынской губерніи"*. Референтъ подводитъ итоги находкамъ отдѣльныхъ предметовъ, стоянкамъ и погребеніямъ, затрогивая попутно и вопросъ о городищахъ каменнаго вѣка, вопросъ, требующій еще болѣе точнаго обслѣдованія. Городища эти круглой и овальной формы, на нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены стоянки каменнаго вѣка, что и дало поводъ референту высказать предположеніе о принадлежности городищъ этому періоду, хотя могло быть и такъ, что подъ городища, сооруженныя въ болѣе позднее время были заняты мѣста, на которыхъ раньше находились поселенія каменнаго вѣка. Стоянокъ и мастерскихъ въ Волынской губ. открыто до 40, обнаружены онѣ главнымъ образомъ въ Дубенскомъ, Кременецкомъ и Острожскомъ у., спорадическія-же орудія встрѣчаются по рр. Ушѣ, Жеревѣ и Норинѣ; въ послѣднемъ случаѣ, по нашему мнѣнію, также еще рано дѣлать выводы—болѣе тщательныя изслѣдованія на мѣстѣ могутъ обнаружить и здѣсь стоянки и мастерскія, какъ это было, напр., въ Ровенскомъ у., гдѣ только лишь въ послѣднее время открыты богатыя мастерскія, до этого-же были извѣстны лишь спорадическія находки. Что до погребальныхъ обрядовъ, то ихъ встрѣчено два типа: въ ямахъ, обложенныхъ плитами съ сосудами, въ которыхъ помѣщались пережженныя кости и орудія—по мнѣнію референта, болѣе поздній типъ, и погребенія въ курганахъ (зарегистриро-

вано ихъ немногимъ болѣе 30-ти), причемъ скелеты лежатъ по большей части на боку, въ скорченномъ положеніи. Докладъ проф. Антоновича съ очевидностью показалъ, что Волынь очень богата каменнымъ вѣкомъ, но, съ другой стороны, для болѣе твердыхъ выводовъ потребуется еще много и много систематической работы.

Неолитическаго періода на Волыни касался затѣмъ небольшой рефератъ *г. Житынскаго,* о которомъ мы уже упоминали выше. Явился онъ результатомъ личныхъ наблюденій и поисковъ въ бассейнѣ р. Стыря; авторомъ отмѣчено нѣсколько новыхъ мѣстъ находки каменныхъ орудій; въ концѣ реферата было обращено вниманіе на новый типъ орудій—грубой отдѣлки топоры съ сверлинами изъ сравнительно мягкаго камня, найденные въ разныхъ мѣстахъ по теченію Зап. Буга и Стыря; имъ посвящена спеціальная работа польскаго археолога Эразма Маевскаго, на которую и ссылался референтъ. Результатомъ нашей экскурсіи на р. Западный Бугъ было открытіе болѣе 30-ти стоянокъ неолитической эпохи, расположенныхъ на песчаныхъ береговыхъ розсыпяхъ. Преобладающими орудіями являются отбивные—ножи, скребки, острія, стрѣлы,—все по большей части небольшихъ размѣровъ; на нѣкоторыхъ изъ стоянокъ однако найдены и куски шлифованныхъ орудій; тутъ-же собрана и керамическая коллекція. На археологич. выставкѣ въ университетѣ находилось довольно большое собраніе древностей изъ Подольской губ. *г. Пуласкаго.* Какъ-бы объясненіемъ этой коллекціи служилъ доложенный владѣльцемъ рефератъ — *„Археологическія находки въ Подольской губ“.* Коллекція составлена главнымъ образомъ благодаря личнымъ раскопкамъ г. Пуласкаго въ мѣстности, ограниченной съ одной стороны р. Смотрычемъ, съ другой—р. Жванчикомъ, съ третьей—т. н. Трояновымъ Валомъ. Встрѣченныя здѣсь культуры относятся къ разнымъ періодамъ: мы тутъ имѣемъ стоянки неолитическаго періода, погребальныя кисты изъ каменныхъ плитъ съ костяками въ скорченномъ положеніи и съ каменными орудіями при нихъ, а также и могилы съ насыпью того-же каменнаго періода, поселенія переходной эпохи къ ме-

таллическому вѣку, сходныя съ галицкими и нашими трипольскими могилы съ каменною насыпью съ инвентаремъ т. н. скиѳскаго типа и, наконецъ, славянскія городища.

Очень интересный вопросъ былъ поднятъ *Н. Е. Бранденбургомъ* въ рефератѣ *„Аборигены Кіевскаго края"*. Матеріаломъ для реферата послужили раскопки кургановъ, произведенныя въ разное время референтомъ въ Кіевской губ. Изъ нихъ онъ выдѣлилъ въ особую группу тѣ курганы, гдѣ были обнаружены скелеты въ скорченномъ положеніи. Населеніе, оставившее эти погребенія, референтъ и считаетъ первоначальнымъ населеніемъ края и пріурочиваетъ имъ названіе Киммерійцевъ, упоминаемое Геродотомъ, Страбономъ и другими древними писателями. По поводу хронологическихъ указаній референтъ не придаетъ этому погребальному типу очень глубокой древности, какая обыкновенно приписывалась ему и, основываясь на находкахъ въ могилахъ нѣкоторыхъ металлическихъ предметовъ, въ томъ числѣ и желѣзныхъ (послѣдніе только въ одномъ случаѣ), въ конечномъ выводѣ относитъ его къ началу христіанской эры. Возражая референту, проф. Антоновичъ сообщилъ, что въ извѣстныхъ ему могилахъ со скорченными костяками никакихъ металлическихъ предметовъ найдено не было и, слѣдовательно, трудно ихъ датировать началомъ христіанской эры. Дѣйствительно, нахожденіе въ одномъ случаѣ желѣза еще ничего не доказываетъ; очень возможно, что данная могила и относится къ болѣе позднему времени; вѣдь встрѣчаются иногда скелеты въ скорченномъ положеніи и въ славянскихъ курганахъ, обычныя же находки предметовъ въ т. н. курганахъ со скорченными же костяками,—каменныя и отчасти мѣдныя и бронзовыя орудія, такъ что ихъ можно отнесть къ переходу отъ камня къ металлу, а потому и по времени они должны быть гораздо древнѣе, чѣмъ начало христіанской эры. Могилъ подобнаго рода вскрыто на югѣ очень много, не всегда однако изслѣдованіе ихъ велось съ необходимой въ данномъ случаѣ тщательностью; по внѣшнему виду такого рода могилы почти не отличаются отъ расположенныхъ по сосѣдству скиѳскихъ, и зачастую раскопка ихъ оставляетъ лишь

однѣ разочарованія искателямъ греко-скиѳской богатой культуры, въ результатѣ поверхностное обслѣдованіе. Между тѣмъ, въ виду открытій въ послѣднее время поселеній съ переходной культурой, очень важно было-бы какъ болѣе добросовѣстное отношеніе къ этого рода памятникамъ, такъ и обработка уже извѣстнаго матеріала; вотъ почему можно привѣтствовать починъ въ этомъ направленіи, сдѣланный Н. Е. Бранденбургомъ.

Очень часто въ могилахъ вышеупомянутаго типа встрѣчаются окрашенные скелеты; на съѣздахъ уже нѣсколько разъ дебатировался вопросъ о способѣ, или правильнѣе, о времени этого окрашиванія: окрашивался ли трупъ, или кости послѣ уничтоженія мягкихъ частей? Вопросъ былъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ, но и на этомъ съѣздѣ *проф. Кулаковскій* въ докладѣ „*Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ*“ счелъ умѣстнымъ снова затронуть его, имѣя въ виду мнѣніе чешскаго ученаго Нидерле, склоняющагося въ своемъ сочиненіи „Человѣчество въ доисторическую эпоху“ къ противному объясненію окрашиванія. Другимъ поводомъ къ реферату послужило отнесеніе однимъ ученымъ археологомъ погребенія съ окрашенными костяками, датируемыми обыкновенно переходной эпохой къ металлическому вѣку, къ болѣе позднему времени, съ чѣмъ также не соглашался референтъ. Крашенные скелеты фигурировали еще въ одномъ рефератѣ—*проф. Лилеева*—„*Раскопки кургановъ близъ Нѣжина*“; раскопано здѣсь 16 кургановъ и въ нихъ скелеты и части досокъ гробовъ оказались окрашенными красной краской—фактъ, впервые встрѣченный въ Черниговской губерніи.

Благодаря выставкѣ, устроенной въ музеѣ, на съѣздѣ можно было видѣть въ полномъ составѣ громадную коллекцію предметовъ изъ раскопокъ В. В. Хвойко въ окрестностяхъ м. Триполья, Кіевск. г., площадокъ съ остатками оригинальной керамики и нѣкоторыми другими предметами, какъ каменными, такъ и костяными и мѣдными. *А. М. Покровскимъ и В. В. Хвойко* было сдѣлано сообщеніе объ этихъ раскопкахъ, о результатахъ которыхъ мы уже сообщали раньше [1]). Сообщеніе это было до-

---

[1]) См. Археологич. лѣтопись, январь.

полнено *проф. Милюковымъ*, указавшимъ на то, что данная культура давно уже извѣстна на западѣ и новинкой является только для Поднѣпровья.

Скиѳскимъ древностямъ былъ посвященъ всего лишь одинъ рефератъ—*Д. И. Эварницкаго*—*„Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ“*. Въ виду того, что раскопокъ скиѳскихъ кургановъ мы имѣемъ уже достаточно, докладъ съѣзду дневниковъ раскопокъ еще 3-хъ изъ нихъ не представляетъ большого интереса.

Слѣдуя далѣе хронологіи памятниковъ древности нашего юга, упомянемъ о рефератѣ *В. Г. Ляскоронскаго*—*„Находки римскихъ монетъ въ бассейнѣ средняго Приднѣпровья“*, въ которомъ референтъ склоняется къ тому мнѣнію (не новому въ нашей исторической литературѣ), что клады римскихъ монетъ могутъ служить доказательствомъ заселенія края въ извѣстную эпоху, а потому и древность многихъ поселеній края, не говоря уже о Кіевѣ, простирается до 2000 лѣтъ. Распредѣляются находки римскихъ монетъ преимущественно по теченію болѣе значительныхъ рѣкъ. На правомъ берегу Днѣпра онѣ встрѣчаются въ бассейнѣ р. Роси и область эта является какъ-бы связывающимъ звеномъ между Днѣпровскимъ и Бужскимъ бассейнами. Въ большомъ количествѣ римскія монеты найдены далѣе на сѣверѣ, по направленію къ Кіеву, какъ по главной магистрали—р. Днѣпру, такъ и по его притокамъ—рр. Красной, Стучнѣ, Бобрику. Въ мѣстности, прилегающей къ Кіеву съ сѣвера и запада, попадаются отдѣльныя находки монетъ по рр. Здвижу, Ирпеню, Гнилопяту и въ устьѣ Припети. Ниже устья Роси онѣ встрѣчаются довольно часто по р. Тясмину и переходятъ затѣмъ въ бассейнъ р. Буга. На лѣвой сторонѣ Днѣпра находки также слѣдуютъ теченію крупныхъ рѣкъ; кромѣ лѣваго берега Днѣпра сюда относятся теченія рр. Десны, Сулы, Слѣпорода, Псла, Ворсклы, Орели и др.; при посредствѣ послѣднихъ находки соединяются съ таковыми-же бассейна р. Дона.

Каждый годъ приноситъ съ собой новыя находки и потому обзоры ихъ, дѣлаемые время отъ времени, имѣютъ серіозное зна-

ченіе. Въ виду того, что мы имѣемъ уже очень значительное число находокъ *кладовъ* римскихъ монетъ, намъ кажется, слѣдовало-бы уже исключить изъ такихъ обзоровъ находки *единичныхъ монетъ*, которыя, какъ случайныя, не могутъ служить надежными фактами для научныхъ выводовъ, хотя и увеличиваютъ число ихъ. Не можемъ не пожелать попутно, чтобы въ изслѣдованіяхъ о римскихъ кладахъ и вообще при регистраціи этихъ кладовъ, было обращено болѣе серьезное вниманіе на обстоятельства ноходокъ, и главнымъ образомъ на посуду, въ какой иногда попадаются клады,—это очень важно въ виду начинающаго обрисоваться у насъ на югѣ особаго погребальнаго типа, относящагося повидимому къ той же эпохѣ, что и большинство римскихъ кладовъ, т. е. къ II—III вв. по Р. Х.

Проф. Н. И. Веселовскій въ рефератѣ „*Каменныя орудія при вещахъ римской эпохи*" сообщилъ о двухъ случаяхъ находокъ каменныхъ топоровъ въ курганахъ Кубанской области, въ которыхъ остальные предметы могутъ быть отнесены къ римской эпохѣ. Въ дополненіе къ этому предсѣдатель Имп. Археологич. комиссіи гр. А. А. Бобринскій привелъ случай нахожденія бронзовыхъ топоровъ въ скиѳскихъ курганахъ средняго Приднѣпровья въ погребеніяхъ, относимыхъ къ позднѣйшей эпохѣ. Эти факты пережитковъ въ древнее время, причемъ предметы болѣе глубокой старины пользуются особымъ значеніемъ, сравнительно очень рѣдки, а потому и заслуживаютъ быть отмѣченными.

Обычной обстоятельностью и научностью отличался рефератъ *проф. Э. Р. фонъ-Штерна*—„*Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи*". Наряду съ историческими данными, не всегда ясными, а также надписями и монетами, не маловажную роль для выясненія вопроса колонизаціи черноморскаго побережья занимаютъ предметы керамики. Иллюстрируя это положеніе, референтъ указалъ на послѣдовательный рядъ вліяній, какія можно было установить, основываясь на керамическихъ издѣліяхъ. Самое древнее—милетское, съ V вѣка—аѳинское, имѣвшее небольшой перерывъ и затѣмъ снова возобновившееся, съ паденіемъ Аѳинъ прекра-

щается и это вліяніе; въ III в. въ могилахъ греческихъ колоній встрѣчается „каленская“ и „мегарская“ посуда; со II в. можно замѣтить сношенія съ Италіей и Римомъ, продолжавшіяся до конца римскаго государства; есть указанія и на сношенія съ Александріей. Керамика классическаго міра разработана уже съ достаточной полнотой, но не въ такомъ положеніи находится дѣло съ византійской, арабской и итальянской керамикой, остатки которой также были находимы на югѣ—тутъ еще предстоитъ много трудной, но и важной по результатамъ работы. Добавимъ отъ себя, что даже вопросъ о русской средневѣковой керамикѣ въ нашей археологической литературѣ представляетъ непочатый уголъ—давно-бы пора приняться за него.

Переходимъ теперь къ небольшой группѣ рефератовъ, посвященныхъ доисторическому прошлому *славянъ*.

Проф. чешскаго университета *Л. Нидерле* затронулъ вопросъ, уже раньше трактованный имъ, „*о времени переселенія славянъ съ сѣвера Карпатскихъ горъ въ Венгрію*“. По теоріи референта, подкрѣпленной рядомъ антропологическо-археологическихъ данныхъ (что̀ и представляетъ новизну въ разработкѣ этого стараго вопроса), славяне изъ своей сѣверной родины въ области р. Вислы распространились на западъ и на югъ за Карпаты и заняли область нынѣшней сѣверной Венгріи.

Въ трехъ обстоятельныхъ рефератахъ, именно проф. Антоновича, Е. Н. Мельникъ и С. С. Гамченко, была дана детальная характеристика курганнаго погребальнаго ритуала на Волыни.

Проф. В. Б. Антоновичъ производилъ раскопки въ Кременецкомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уу. и въ рефератѣ „*О раскопкахъ кургановъ въ западной Волыни*“ сообщилъ о результатахъ раскопокъ. Всего раскопано 43 кургана; могильники преобладаютъ въ Луцкомъ и Дубенскомъ уу., въ Кременецкомъ-же ихъ меньше; болѣе значительные по числу кургановъ встрѣчены здѣсь у сс. Суража и Брыкова и часть ихъ раскопана; въ Луцкомъ у. раскопки произведены у с. Рыкани, въ Дубенскомъ-же у с. Красно. Форма кургановъ куполообразная, въ большинствѣ слу-

чаевъ они не высоки—до 2-хъ метровъ, иногда окружены канавками, насыпаны изъ окружающей почвы—чернозема или суглинка. Въ насыпи, на разныхъ уровняхъ, встрѣчаются прислойки, иногда по нѣсколько, состоящія изъ черепковъ, углей, костей животныхъ; по мнѣнію референта это остатки тризны, послѣ которой курганъ подсыпался. Попадались въ насыпяхъ кургановъ и кремни со слѣдами обдѣлки—фактъ этотъ можно объяснить тѣмъ, что мѣстомъ подъ некрополь случайно была выбрана бывшая стоянка каменнаго вѣка. Могильныя ямы расположены ниже горизонта: на 47 могилъ 12 было устроено въ почвѣ, 35 на подпочвѣ; средняя глубина могилъ—73½ стм. ниже горизонта. Въ могильныхъ ямахъ, въ 18 случаяхъ, встрѣчено погребеніе безъ признаковъ дерева, въ остальныхъ—найдены остатки бревенъ и досокъ; кромѣ дерева иногда были подстилки подъ скелетомъ изъ золы и угля, такіе-же слои золы и угля встрѣчены и подъ скелетами; въ двухъ случаяхъ подъ могильной ямой открыты слѣды навѣса въ 2 ската изъ 4-хъ досокъ или бревенъ. Обычное явленіе—въ могилѣ хоронился одинъ покойникъ: на 43 кургана встрѣчено всего 6 коллективныхъ могилъ, изъ которыхъ въ пяти случаяхъ при взросломъ находились скелеты дѣтей, а въ одномъ—3 дѣтскихъ скелета. Положеніе скелета—головой на западъ, съ уклоненіями къ сѣверу или югу, смотря по времени года; скелеты лежатъ на спинѣ, ноги вытянуты, руки-же найдены въ разныхъ положеніяхъ: вытянутыми вдоль тѣла, на тазовыхъ костяхъ, на поясныхъ позвонкахъ и т. п. Въ изслѣдованныхъ могилахъ, при костякахъ, встрѣченъ довольно бѣдный инвентарь предметовъ домашняго обихода и украшеній. Характерное обстоятельство—отсутствіе оружія; найдено оно всего лишь въ двухъ курганахъ (у с. Рыкани): въ первомъ, при костякѣ, лежащемъ на боку со скрещенными ногами, находилась костяная орнаментированная пластинка отъ лука, 3 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ, 2 стремени и костяная обложка ручки или ноженъ; во 2-мъ—желѣзный наконечникъ дротика. Очень немногочисленны и находки сосудовъ: въ 2-хъ случаяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ головы скелета найдены глиняные

горшки, въ одномъ—дужка и обручъ отъ ведра; обычная принадлежность покойника въ большинствѣ славянскихъ могильниковъ—желѣзные ножики—здѣсь встрѣчены всего лишь въ одномъ курганѣ. Лучше обстоитъ дѣло съ украшеніями; онѣ преобладаютъ въ могилахъ съ женскимъ погребеніемъ; простѣйшія изъ нихъ—проволочныя мѣдныя или серебряныя кости, свернутыя въ полтора оборота; ими украшались косы, продѣвавшіяся въ ряды такихъ колецъ, онѣ-же служили запонами къ вороту, серьгами, надѣвались на пальцы; кромѣ спиральныхъ колецъ найдены также перстни изъ плетеной проволоки, стеклянныя и металлическія буссы, мѣдныя пуговки и пара большихъ серебряныхъ серегъ, состоящихъ изъ кольца съ надѣтыми на него двумя полыми конусами, сложенными основаніями. Любопытны остатки одежды: въ одномъ случаѣ у шеи найденъ кусочекъ кожи, покрытый разложившимся глинистымъ бисеромъ, въ другомъ—остатки пояса, затканнаго золотыми нитками. Референтомъ приведены и нѣкоторыя антропологическія данныя для населенія, оставившаго могильники: средній ростъ мужскихъ скелетовъ—1,71 метр., слѣдовательно—высокій, женскихъ—1,55 м.—выше средняго; черепа, въ среднемъ, субдолихацефалы, съ колебаніями въ одну и другую стороны.

Рефератъ *Е. Н. Мельникъ*—*„Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уу. Волыск. губ.“* отличался такой-же обстоятельностью и строго-фактической основой въ выводахъ какъ и предыдущій. О раскопкахъ Е. Н. Мельникъ мы уже сообщали въ свое время, [1]) теперь скажемъ о содержаніи его лишь въ общихъ чертахъ. Изслѣдованію подверглись 22 могильника, въ которыхъ раскопано 260 кургановъ. Мѣстность избрана такимъ образомъ, чтобы можно было прослѣдить похоронный типъ отъ границъ древлянской земли, по теченію Случи, до области занятой лѣтописными лучанами; раскопки и были главн. обр. сосредоточены въ окрестностяхъ Луцка и Пересопницы. Въ могилахъ обнаружены какъ погребенія, такъ и сожженія, причемъ послѣднія можно скорѣе назвать полусожженіями—кости

[1]) См. „Археологич. лѣтопись,“ февраль.

только обуглены и порядокъ скелета не былъ нарушенъ. И здѣсь оружіе также почти совершенно отсутствуетъ: въ инвентарѣ громаднаго количества раскопанныхъ кургановъ встрѣтились всего 4 желѣзныя стрѣлы, наконечникъ дротика и два желѣзныхъ топорика; не очень часто попадались и деревянныя ведра, окованныя желѣзными обручами; найденныя при скелетахъ украшенія тѣхъ-же типовъ, что и въ другихъ волынскихъ курганахъ. При подсчетѣ найденныхъ предметовъ оказывается, что на 379 металлическихъ предметовъ желѣзныхъ было около 20 проц., 62 проц. низкопробнаго серебра и около 18 проц. бронзы; золото найдено всего въ одномъ случаѣ. Въ заключеніе упомянемъ о въ высшей степени интересной находкѣ въ одномъ изъ кургановъ: здѣсь, при покойникѣ, находился деревянный сундучекъ, отъ котораго сохранились лишь однѣ оковки, и въ немъ желѣзные и бронзовые вѣсы съ цѣлымъ подборомъ болѣе крупныхъ—желѣзныхъ и мелкихъ—бронзовыхъ разновѣсокъ; это наиболѣе древніе памятники подобнаго рода, найденные до сихъ поръ въ Россіи, имѣющіе большое значеніе для древне-русской метрологіи.

За отсутствіемъ *С. С. Гамченко*, которому Волынь обязана уже цѣлымъ рядомъ раскопокъ, произведенныхъ съ образцовой тщательностью, рефератъ его—*„Раскопки кургановъ у м. Мирополя въ бассейнѣ р. Случи“* былъ доложенъ проф. Антоновичемъ. Предприняты были раскопки въ данной мѣстности съ цѣлью опредѣлить западныя границы распространенія древлянскаго погребальнаго типа. Раскопка 32 кургановъ изъ имѣющихся здѣсь 464 убѣдила изслѣдователя, что древлянскій типъ господствуетъ и здѣсь. Курганы дали какъ сожженіе, такъ и погребеніе. При сожженіи кости и вещи клались въ урну, помѣщаемую или на площадкѣ въ насыпи кургана, или на горизонтѣ безъ урны. Погребеніе происходило или въ выжженныхъ колодахъ, или въ гробахъ, сколоченныхъ изъ досокъ. Отдѣльно стоитъ нахожденіе въ могильной ямѣ кисты изъ сіенитовыхъ плитъ, въ которой и былъ схороненъ покойникъ. И миропольская группа кургановъ оказалась бѣдной предметами: это обычные

желѣзные ножики, пряслицы, украшенія въ видѣ колецъ, буссъ, перстней и сосуды. Эти послѣдніе раздѣляются на погребальныя урны (обыкновенно съ покрышкой) и горшки и миски, помѣщавшіеся или у ногъ скелета, или надъ гробомъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ они обсыпались углемъ. Цѣлыхъ сосудовъ найдено въ общемъ немного, чаще встрѣчались черепки, которыми какъ-бы посыпали покойниковъ. Всѣ сосуды изготовлены безъ гончарнаго круга, стѣнки ихъ носятъ слѣды выглаживанія, на днищахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены клейма, въ видѣ напр. круга съ крестомъ посрединѣ. Къ числу очень рѣдкихъ находокъ нужно отнесть разбитую глиняную человѣческую фигурку. С. С. Гамченко раздѣляетъ найденные предметы на приготовленные на мѣстѣ—глиняныя и желѣзныя издѣлія, и на привозные, къ какимъ относитъ серебро, желѣзную руду и кремень, иногда попадавшійся въ могилахъ. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые другіе выводы и предположенія С. С. Гамченко, касающіеся быта, а также и религіозныхъ воззрѣній, древнихъ обитателей бассейна Случи, упомянемъ объ одномъ наблюденіи, имѣющемъ большую долю вѣроятности. Означенный могильникъ распадается на 24 группы, расположенныя по урочищамъ; въ центральной части могильника имѣется древнее городище; такое расположеніе кургановъ г. Гамченко считаетъ не случайнымъ, а перенесеннымъ и на покойниковъ остаткомъ семейно-родового быта.

Близко примыкаетъ къ вышеприведеннымъ сообщеніямъ рефератъ *А. М. Покровскаго*—„*Археологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ*“. Господствующій типъ череповъ—длинноголовые, сравнительно небольшой высоты, съ узкимъ лбомъ; лицо довольно короткое съ сравнительно широкими скуловыми дугами; мужскіе черепа очень сходны съ женскими. Референтъ для своихъ наблюденій пользовался 59 черепами изъ раскопокъ Е. Н. Мельникъ; измѣренія, произведенныя при раскопкахъ, показали, что средній ростъ мужскихъ костяковъ равенъ 168,95 стм., женскихъ—158,45 стм., причемъ больше 50 процентовъ были высокаго роста. А. М. Покровскимъ былъ доложенъ еще другой рефератъ—„*О черепахъ кочевниковъ*“; мате-

ріалъ, надъ которымъ пришлось работать, былъ очень незначителенъ—всего 4 черепа изъ кургановъ, приписываемыхъ кочевникамъ и характеризующихся находками лошади, сбруи, кривой сабли. Черепа оказались короткоголовыми, небольшой высоты, съ короткимъ лицомъ и сильно выраженными скуловыми костями и широкими скуловыми дугами.

Здѣсь мы покидаемъ область доисторической старины и переходимъ къ болѣе близкимъ намъ временамъ.

Кіевскій съѣздъ былъ довольно обиленъ рефератами по исторической топографіи, преимущественно княжескаго періода. Мы уже упоминали объ исторической картѣ Черниговской губ.; нѣсколько рефератовъ было посвящено выясненію отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ. Проф. Антоновичъ въ рефератѣ: *„О мѣстоположеніи лѣтописныхъ Шумска и Пересопницы"* опредѣлилъ мѣстоположеніе ихъ въ древности, указалъ на фактъ передвиженія населенныхъ пунктовъ съ теченіемъ времени на извѣстное разстояніе отъ первоначальнаго мѣста. Съ частью реферата, касающейся г. Шумска, мы уже имѣли возможность познакомить читателей [1]), что-же касается мѣста древней Пересопницы (теперь небольшое село), то референтъ считаетъ имъ городище типа великокняжеской эпохи, ноходящееся въ верстѣ отъ села. *А. И. Бунинъ,* ставя вопросъ: *„Гдѣ находились города Липецкъ и Варголъ, а также и другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1283—84 г.?"* опровергаетъ раньше высказанныя по этому поводу мнѣнія ученыхъ и останавливается на городищѣ въ 20-ти в. къ югу отъ Сумъ, какъ на мѣстѣ древняго Липецка, а для Варгола даетъ указаніе на существованіе городища въ 2-хъ верстахъ отъ теперешняго г. Варгола, Глуховскаго у. Черниговск. губ. Въ другомъ рефератѣ *А. И. Бунина—„Гдѣ находились ворота, упоминаемыя въ лѣтописи подъ 1268 г.*, основываясь на текстѣ лѣтописи и топографическихъ данныхъ, опредѣляетъ мѣстоположеніе этихъ „воротъ" у с. Тарнавы на р. Порѣ, въ Красноставскомъ уѣздѣ Люблинской губ. *П. И. Троицкій* въ рефератѣ *„Древній городъ Лопосня, его мѣстонахожденіе и па-*

---

[1]) См. „Археолог. Лѣтопись", май.

мятники" приводитъ данныя археологическаго характера, подтверждающія мнѣніе Погодина, что городъ Лопосня, принадлежавшій черниговскимъ князьямъ, находился на берегу р. Оки, при устьѣ рѣчки Лопосни; здѣсь и донынѣ существуетъ городище съ расположеннымъ на немъ погостомъ, называемое „Четыре церкви".

Частнаго вопроса по исторіи нашего княжескаго періода коснулся проф. *Ю. А. Кулаковскій* въ докладѣ „*Къ исторіи Боспора* (*Керчи*) *въ XI—XII вѣкахъ*",—именно вопроса—входилъ-ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого? Хотя лѣтопись и не упоминаетъ этого города въ числѣ владѣній Тмутаракани, но референтъ цѣлымъ рядомъ наведеній склоняется къ рѣшенію вопроса въ утвердительномъ смыслѣ.

А. М. Черепнинъ въ сообщеніи „*О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ*" приходитъ къ тому заключенію, что кіевскія гривны въ видѣ шестиугольныхъ слитковъ были основною единицей древне-русской, или вѣрнѣе, кіевской денежной системы. Вѣсъ ихъ не былъ постояненъ и измѣнялся благодаря внѣшнимъ торговымъ сношеніямъ; древнѣйшія гривны вѣсятъ отъ 31 до 34 зол., вѣсящія-же отъ 35 до 39 золот. можно считать болѣе поздними.

Въ отдѣлѣ искусствъ и художествъ южные памятники княжескаго періода послужили матеріаломъ всего-лишь для двухъ докладовъ. *Проф. Лашкаревъ* далъ *объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова* по выставленнымъ имъ фотографіямъ, планамъ и разрѣзамъ [1]), а *В. Н. Николаевъ* въ рефератѣ „*Стѣны внутри Великой церкви Кіево-Печерской лавры по снятіи съ нихъ штукатурки*" далъ полную картину состоянія храма въ послѣднее время, съ указаніемъ, какія части храма оказались древними. Тщательнымъ осмотромъ церкви было установлено также, что внутри ея не сохранилось никакихъ древнихъ украшеній: ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ, и что даже самая штука-

---

[1]) «Археологич. Лѣтопись», мартъ.

турка была вся замѣнена при возобновленіяхъ храма и покрыта живописью въ періодъ съ 1730 по 1777 г.; кромѣ того, выяснилась крайняя необходимость капитальнаго исправленія и укрѣпленія стѣнъ, сводовъ и арокъ.

Интересными по темамъ, но не вполнѣ удовлетворительными по выполненію, были два реферата *М. П. Истомина*, касающіеся уже болѣе поздней исторіи южно-русской церковной живописи. Въ первомъ рефератѣ—„*Фрески XVII—XVIII в. въ храмахъ и костелахъ юго-зап. Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ*", референтъ приходитъ къ общему заключенію, что фрески этого періода не представляютъ произведеній, проникнутыхъ народнымъ міровоззрѣніемъ, а являются продуктомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ художественнаго развитія высшихъ слоевъ общества; въ частности, на стѣнописи отражается весьма сильное вліяніе западной гравюры, хотя есть и болѣе оригинальныя композиціи, какъ напр. такія, гдѣ можно видѣть отголоски протестантскихъ вѣроученій, затѣмъ иллюстраціи мѣстно-чтимыхъ иконъ и святынь. Фрески православныхъ храмовъ, несмотря на западное вліяніе, сохранили еще византійскій отпечатокъ болѣе поздняго пошиба. Во второмъ рефератѣ, вызвавшемъ довольно вѣскія возраженія,—„*Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣка*", референтъ старался установить въ иконописи волынскихъ храмовъ какъ сохранившіеся еще отголоски византійскихъ традицій, такъ и слѣды вліянія западнаго искусства.

Къ вышеприведеннымъ рефератамъ примыкаетъ еще нѣсколько, имѣющихъ предметомъ также церковныя древности. *Свящ. Е. Сѣцинскій* далъ *очеркъ древнѣйшихъ церквей Подоліи*, начиная съ пещерныхъ въ с. Лядавѣ, Могилевск. у. и въ с. Бакотѣ Ушицкаго у.; *проф. свящ. Ѳ. Титовъ* затронулъ вопросъ *о заграничныхъ монастыряхъ кіевской митрополіи*; таковыми были, съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи, монастыри, находившіеся въ польско-литовскомъ государствѣ, такъ напр. монастыри бѣлорусскіе, виленскіе и слуцкіе; *Проф. А. П. Голубцовъ* сообщилъ *о Братской иконѣ Богоматери, Богоявленской церкви и старомъ*

корпусъ кіевской академіи, и, наконецъ, *свящ. Титовъ*, на основаніи документальныхъ данныхъ, установилъ, что на мѣстѣ нынѣшней *Андреевской церкви* и раньше была самостоятельная церковь въ честь того же апостола.

Намъ остается еще дать отчетъ о рефератахъ, касающихся языка и письма, археографіи и исторіи и быта старой Малороссіи, что мы и отлагаемъ до слѣдующаго раза.

Н. Бѣляшевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Греко-уніатскій монастырь въ Курскѣ. Курская губернія, какъ извѣстно, лежитъ въ центральномъ пространствѣ Россіи, населеніе ея искони православное, такъ что представляется страннымъ тотъ фактъ, что въ Курскѣ существовалъ уніатскій мужской монастырь. А между тѣмъ дѣло такъ и было: монастырь, для духовныхъ лицъ изъ уніатовъ, былъ устроенъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1839 году и просуществовалъ въ Курскѣ почти четыре года.—Въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ мы изложимъ, на основаніи неизданныхъ архивныхъ актовъ, нѣсколько свѣдѣній, касающихся Курскаго монастыря для уніатовъ, высланныхъ въ Курскъ изъ Западнаго края.

Въ январѣ 1839 года курскій архіепископъ Иліодоръ получилъ отъ тогдашняго оберъ-прокурора св. Синода графа Протасова увѣдомленіе о томъ, что священники—полоцкаго уѣзда Игнатовичъ и дисненскаго Тимковичъ, не оказавшіе должнаго повиновенія начальству, по повелѣнію Государя Николая Павловича высланы въ курскіе монастыри: первый въ Знаменскій, находящійся въ Курскѣ, и второй—въ Коренской (въ 25 верстахъ отъ Курска), подъ надзоръ настоятелей. Въ письмѣ своемъ Протасовъ сообщилъ архіепископу Иліодору о томъ, что оба священника, принадлежавшіе къ образованному уніатскому духовенству, не проявляли ничего предосудительнаго, но пребываніе ихъ въ Бѣлорусской епархіи оказалось вреднымъ, по нерасположенію ихъ къ православію. Въ слѣдующемъ письмѣ своемъ, полученномъ въ Курскѣ въ февралѣ 1839 года, когда Игнатовичъ и Тимковичъ находились уже въ Курскихъ монастыряхъ,

графъ Протасовъ просилъ преосв. Иліодора отобрать отъ высланныхъ подробное показаніе о томъ, кто именно составлялъ всеподданнѣйшее прошеніе, подписанное ими, и довѣренность на подачу этого прошенія отъ 111 священниковъ—уніатовъ. Игнатовичъ и Тимковичъ сознались въ томъ, что они сочинили прошеніе и довѣренность и объяснили, что никто изъ помѣщиковъ не былъ соучастникомъ въ составленіи прошенія Государю.

Впослѣдствіи (въ 1839 году) продолжалась высылка въ курскіе монастыри упорствовавшихъ въ уніи священниковъ западнаго края. Начальникамъ монастырей было велѣно внушать высланнымъ, чтобы они оказали послушаніе православной церкви. Такъ и дѣлалось. Архіепископъ Иліодоръ самъ объѣздилъ тѣ монастыри, въ которыхъ содержались уніаты, и увѣщевалъ ихъ оставить свое упорство. Мало-по-малу уніатскіе священники стали присылать преосв. Иліодору просьбы о присоединеніи ихъ къ православію. Онъ увѣдомлялъ объ этомъ графа Протасова, и тотъ выражалъ удовольствіе по случаю уменьшенія числа уніатскихъ священниковъ въ Курской губерніи, такъ какъ присоединившихся къ православію немедленно возвращали на родину.

Находившійся въ Обоянскомъ монастырѣ бывшій уніатскій благочинный *Пій Перебилло*, въ числѣ другихъ, получалъ духовные журналы и книги для чтенія отъ архіепископа Иліодора, и это чтеніе повліяло на него въ томъ отношеніи, что онъ подалъ обширное прошеніе о желаніи оставить уніатство. «Находясь, писалъ Перебилло, немалое время въ тихомъ пристанищѣ, свободный отъ заботъ суетнаго міра, не столько огорчаюсь я моремъ скорбей, въ коемъ нынѣ нахожусь, сколь сдѣланной мною погрѣшностью въ ослушаніи своего начальства. Нынѣ же, что жъ начну, унылый? къ кому трепещущее мое сердце обратить, какъ не къ Источнику всѣхъ благъ и съ душевнымъ умиленіемъ вопіять: Отче! согрѣшихъ предъ Тобою, прости мя и пріими мя, яко единаго отъ наемникъ Твоихъ. Сокрытая тайна въ *Христіанскомъ Чтеніи*, мая мѣсяца, въ главѣ XII Св. Іоанна Златоуста изъ Бесѣды 89-й на Евангеліе отъ Матѳея: *Іисусъ срѣте я, глаголя, радуйтеся! Онѣ же, приступльше, яшася за нозѣ Его*—хотя довольно вразумлена мною, но не могу знать, ко мнѣ ли въ особенности сіи слова относятся? Если ко мнѣ—то съ полнымъ удовольствіемъ и усердіемъ принимаю и, безпредѣльно сію благость цѣня и вполнѣ будучи увѣренъ въ сущности истины, желаю возвратиться въ прародительское вѣроисповѣданіе Греко-россійской Восточной Церкви».

Въ началѣ 1840 года Ній Перебилло исповѣдался, причастился Св. Таинъ и былъ отпущенъ въ Полоцкъ. Архіепископъ Иліодоръ получилъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода письмо, въ которомъ было сказано: «Принося вашему Преосвященству искреннѣйшую благодарность за ваши совѣты и убѣжденія, имѣвшія столь благія послѣдствія, я надѣюсь, что вы не оставите продлить ихъ и въ другихъ случаяхъ, подобныхъ сему». Дѣйствительно, время отъ времени арх. Иліодоръ извѣщалъ графа Протасова о желаніи того или другого уніатскаго священника принять православіе. Долго, около двухъ лѣтъ, оставался непреклоннымъ Игнатовичъ, повидимому, имѣвшій большое вліяніе на другихъ въ мѣстѣ первоначальнаго своего служенія. Свящ. Игнатовичъ былъ порученъ вниманію ректора Курской семинаріи, архимандрита (впослѣдствіи архіепископа) Варлаама. До ноября 1840 года арх. Варлаамъ въ своихъ рапортахъ сообщалъ, что Игнатовичъ, находясь въ монастырѣ, велъ себя хорошо, но образъ мыслей его оставался прежнимъ. Въ рапортѣ же своемъ 13 ноября ректоръ писалъ, что Игнатовичъ «касательно образа своихъ мыслей въ религіи, послѣ данныхъ ему отъ меня въ истекшіе мѣсяцы всевозможныхъ средствъ къ убѣжденію въ истинѣ, какъ кажется, перемѣняется и будетъ просить высшее начальство о принятіи его въ число всѣхъ православныхъ христіанъ».

27-го ноября Игнатовичъ подалъ прошеніе синодальному оберъ-прокурору о желаніи присоединиться къ православной Церкви, по точной силѣ 1-го пункта «формальнаго акта», совершеннаго въ 12-й день февраля 1839 года.

Въ отвѣтъ на это графъ Протасовъ писалъ: „долгомъ считаю увѣдомить васъ, милостивый государь и архипастырь, что мнѣ особенно пріятно было получить извѣщеніе ваше о томъ, что свящ. Іоаннъ Игнатовичъ обращается къ истинѣ. Не оставьте объявить арх. Варлааму о вниманіи къ нему начальства вслѣдствіе успѣха въ обращеніи Игнатовича». Послѣ своего обращенія Игнатовичъ уѣхалъ въ Минскую губернію.

Мы видѣли, что присылаемые въ Курскую епархію уніатскіе священники, обыкновенно, помѣщались въ монастырѣ, гдѣ и были располагаемы къ отрѣшенію отъ уніатства. Но наравнѣ съ этимъ, въ 1839 году въ Курскѣ была учреждена *уніатская обитель*, находившаяся до 1841 года въ завѣдываніи архіепископа Литовскаго Іосифа Сѣмашко, а потомъ преосвященнаго Иліодора. Когда рѣшено

было устроить въ Курской губерніи монастырь для уніатовъ, то графъ Протасовъ писалъ курскому губернатору М. Н. Муравьеву: «Нельзя ли въ одномъ изъ городовъ Курской губерніи найти домъ съ садомъ и другими удобствами, для приличнаго помѣщенія года на 2 или на 3, примѣрно, до 20-ти человѣкъ, съ устроеніемъ въ ономъ домашней церкви для нѣкоторыхъ уніатскихъ духовныхъ, въ меньшей степени фанатиковъ, но которые, по образу мыслей своихъ и религіознымъ убѣжденіямъ, не могутъ оставаться среди благонадежнаго духовенства, съ тѣмъ, чтобы они, будучи подвержены надлежащему надзору, пользовались нѣкоторыми удобствами, безъ значительныхъ изъ казны издержекъ». М. Н. Муравьевъ, по соглашенію съ преосв. Иліодоромъ, призналъ всего удобнѣе устроить уніатскую обитель въ Курскѣ. Для этой цѣли былъ нанятъ на Дворянской улицѣ домъ наслѣдниковъ купца Шматова за 550 руб. въ годъ. Въ домѣ была устроена, на казенный счетъ, церковь. Въ келіяхъ при церкви жили присланные изъ Западнаго края іеромонахи и священники въ числѣ отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ. Настоятелемъ обители архіепископъ Іосифъ назначилъ архимандрита *Венедикта Ленартовича*, ранѣе жившаго въ Виленскомъ Базиліанскомъ монастырѣ. Архимандритъ долженъ былъ тщательно соблюдать правила, предписанныя для общежительныхъ монастырей. Духовникъ, казначей и уставщикъ были присланы изъ *Бытенскаго* монастыря. Вообще для Курской уніатской обители были установлены слѣдующія правила:

1) По примѣру другихъ монастырей, въ одной комнатѣ могутъ помѣщаться по 2 или даже по 3 духовныхъ лицъ.

2) Не дозволяется никому, безъ дозволенія начальства, имѣть внѣшнихъ сношеній, а въ особенности съ мѣстами ихъ прежняго жительства; каждое, отправляемое изъ обители, письмо должно быть подвергнуто осмотру, равно и присланное въ обитель не прежде отдаваемо, какъ по предварительномъ прочтеніи.

3) Викарный обители можетъ отлучаться за покупкою съѣстныхъ припасовъ, съ приличнымъ однакоже наблюденіемъ.

4) Архимандритъ и іеромонахи на столъ каждодневно получаютъ по 50 к., а каждый дьячекъ по 30 к.

5) На прочее содержаніе для 3-хъ чиновныхъ іеромонаховъ—викарнаго, духовника и казначея—назначается по 12 руб., остальныхъ іеромонаховъ—по 9 и дьячковъ—по 6 руб. сер. въ годъ. Архимандритъ

остальное содержаніе долженъ имѣть отъ доходовъ своей Трокской архимандріи.

Въ 1841 году св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что Литовскому архіепископу «управлять обителью, находящеюся въ Курскѣ, по отдаленности, весьма затруднительно какъ въ отношеніи благочинія, такъ и отчетности въ суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе обители посредствомъ мѣстнаго начальника губерніи», перечислилъ уніатскую обитель въ вѣдѣніе курскаго архіерея. На основаніи синодскаго указа преосв. Иліодоръ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 1) объявить отъ имени св. Синода настоятелю обители съ братіею, чтобы они оказали курскому епархіальному архіерею надлежащее повиновеніе а въ случаѣ какихъ-либо недоумѣній испрашивали у него разрѣшенія; 2) наблюденіе за благочиніемъ въ обители поручить каѳедральному протоіерею Моисееву, а за хозяйственною отчетностью—эконому архіерейскаго дома.

Получивъ увѣдомленіе о перечисленіи уніатской обители въ вѣдомство Курской епархіи, настоятель ея, Трокскій архимандритъ Венедиктъ Ленартовичъ, представилъ въ курскую духовную консисторію протестъ, изложенный имъ въ формѣ «репорта». Въ началѣ репорта онъ высказалъ, что вмѣстѣ съ братіею монастыря будетъ подчиняться арх. Иліодору, но только въ томъ, «въ чемъ совѣсть наша, безъ нарушенія догматовъ вѣры, исповѣдуемыхъ нами, дозволитъ». Затѣмъ Ленартовичъ выразилъ несогласіе на то, чтобы обитель получила названіе: «временной обители для возсоединенныхъ духовныхъ лицъ, бывшихъ уніатовъ». Онъ писалъ: «ежели бы возсоединеніе было нами учинено, на это имѣло бы начальство наши подписки, и тогда не послѣдовало бы Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ Курскѣ обители. Я и монашествующіе въ ней не были бы отрѣшены и вывезены, равно какъ и духовныя лица не были бы разлучены съ женами, дѣтьми и родными, оставшимися теперь, безъ пропитанія, призрѣнія и пріюта. При семъ я и отъ имени всей братіи имѣю честь изъяснить, что какъ мы были въ исповѣданіи догматовъ вѣры нашей съ Римско-Западною церковью, въ семъ же и по гробъ пребудемъ». Подъ этимъ „репортомъ“ Ленартовичъ подписался: „настоятель обители, докторъ философіи и богословія“.

Въ 1841 году въ Курской уніатской обители состояло 20 человѣкъ: 1 архимандритъ, 11 іеромонаховъ, 2 священника, 4 низведенныхъ въ причетники священника и 2 состоявшихъ въ запрещеніи

іеромонаха. Іеромонахи и священники совершали ежедневно вечерню, утреню, часы и обѣдницу, а въ дни высокоторжественные—установленные молебны. Однако, всѣ бывшіе уніаты оставались непреклонными и не выразили желанія принять возсоединеніе. Не смотря на запрещеніе, Ленартовичъ во всѣхъ своихъ бумагахъ называлъ курскую обитель уніатскою, такъ что архіепископъ Иліодоръ собственноручно вычеркивалъ это названіе. Въ 1842 году онъ обратился къ оберъ-прокурору св. Синода съ такимъ письмомъ:

„Настоятель Венедиктъ Ленартовичъ не перестаетъ именовать курскую обитель *уніатскою*, не смотря на общее возсоединеніе всей греко-уніатской, бывшей въ Россіи, церкви съ Восточною. Цѣль сего упорства, повидимому, не иная, что нѣкоторыя духовныя лица бывшаго греко-уніатскаго обряда, связанныя однимъ духомъ противленія, твердо положили держать и удержать за собою, будто уніатское исповѣданіе сохраняется подъ кровомъ временной обители, какъ малый остатокъ вѣрныхъ Римской каѳедрѣ уніатовъ, почему и при молитвословіяхъ возносится имя Римскаго папы, яко владыки вселенскаго, и при богослуженіи удерживается прежній порядокъ. Единенію сихъ лицъ въ мысляхъ, чувствованіяхъ, равно и въ жизни благопріятствуетъ, вѣроятно и впредь будетъ благопріятствовать, самое ихъ общежитіе, обезпеченное отъ казны содержаніемъ“.

Архіепископъ Иліодоръ находилъ самымъ удобнымъ упразднить временный монастырь для упорствующихъ уніатовъ и размѣстить находившихся тамъ по одному или по два въ православные монастыри, въ виду того, что бывшіе уніатскіе священники, высланные въ эти монастыри, возсоединились съ православіемъ, а изъ братіи уніатской обители никто не выразилъ желанія оставить уніатство.

Мнѣніе арх. Иліодора имѣло успѣхъ. Въ концѣ 1842 года курская временная обитель бывшихъ уніатовъ была закрыта. Находившіяся въ ней духовныя лица были высланы въ разные монастыри не только курской, но и другихъ губерній. Въ письмѣ своемъ 15 ноября 1842 года, тогдашнему архіепископу Харьковскому, Иннокентію преосв. Иліодоръ такъ упомянулъ о закрытіи уіатской обители: „Временная обитель курская закрыта. Жившіе въ ней карбонаріи разосланы по разнымъ епархіямъ. Благодаренъ я крайне за облегченіе“...

А. Танковъ.

Письма Ѳеофана Прокоповича къ Кіево-Печерскому архимандриту Іоанникію Сенютовичу. Въ приходской церкви села Оробѣевъ, лубенск. у., полт. губ., хранится старопечатная богослужебная книга подъ заглавіемъ: «Правило молебное къ божественному и покланяемому Параклиту, пресвятому Духу, твореніе инока Максима Святогорца», in 4-to, 39 листковъ. Выходной листъ вырванъ, и потому время и мѣсто изданія этой книжицы не извѣстно, да и въ указателяхъ старопечатныхъ книгъ мы не нашли ея названія. На первыхъ листкахъ, внизу, есть надпись: «Сія книжіца монаха Кіріона, подарована монахомъ Гавріиломъ, 1760 года, мая 22 дня». Такъ какъ въ Оробьевскую церковь поступила часть вещей упраздненнаго при Екатеринѣ II находившагося въ близкомъ сосѣдствѣ Красногорскаго мужского монастыря, то нѣтъ сомнѣнія, что и настоящая книжица поступила оттуда же. Она въ старинномъ бумажномъ переплетѣ. На первомъ бумажномъ листѣ, половина котораго приклеена къ лицевой палятуркѣ, читаемъ слѣдующее письмо, писанное южно-русскимъ почеркомъ XVIII вѣка:

«Преподобнѣйшій отче архимандрите Кіево-Печерскій, мой о Христѣ возлюбленній брате и благодѣтелю!

«В полученномъ отъ вашего преподобія к моему смиренію писаніи получилъ я извѣстіе совершеннаго бившихъ взаимъ обосторонныхъ подозрѣній отложенія и прежней любви нашой возобновленія. Радуюся, яко добримъ новимъ годомъ, таковимъ сердецъ нашихъ обновленнимъ согласіемъ и благодарю Бога, сіе в насъ сотворшаго, что и впредъ оній же любве законоположникъ да утвердитъ в насъ, молити Его благоутробіе долженствую. Которій да подастъ преподобію вашему прочее время жизни сея безпечалное, радостное и в старости юношескимъ здравіемъ благословляемое в долготу дній, желаю от усердія.

«Преподобія вашего искренный братъ и сослужитель

Ѳеофанъ, архіепископъ Псковскій.

«Москва, 1723 году, марта 24 дня».

Хотя въ письмѣ имя адресата не означено, но таковымъ несомнѣнно нужно считать Іоанникія Сенютовича, занимавшаго Кіево-Печерскую архимандрію въ 1715—1729 гг.

Для прикрѣпленія къ книгѣ задней палятурки также употреблено переплетчикомъ два бумажныхъ листа, заключающихъ другое

обширное письмо Өеофана къ тому же печерскому архимандриту, съ объясненіями по поводу бывшей между ними ссоры; но изъ этихъ листковъ уцѣлѣлъ лишь одинъ, гдѣ читаемъ:

«...Вѣдали и сіе и часто от мене слишали, что на явлшихъся мнѣ противниковъ аки загражденнія уста имѣю доносить или свидѣтелствовать нѣчто имъ тяжкое, хотя бы и весма било истинное; которого моего аффекту сію вину, давно мнѣ познанную, обыклъ я предлагать, что у людей неглупихъ вѣри слову своему не обрѣтаетъ, кто противника своего порочитъ. И такъ не могу дознатся, cui bono помянутое к мнѣ недоброхотство ваша и моя братія на васъ бы вымышляли. Дивно мнѣ было слишащему о вашей к мнѣ нелюбвѣ, и она вамъ cui bono могла бы придатся? Но когда пришло на мисль, гдѣ вамъ ваша мишца быть показалася и каковіе оттуду возрасли были надежди вамъ, что и от словъ прежде вашихъ, и от новихъ обходительствъ, прежднимъ нравомъ необыклихъ, разумѣть было мощно, то мощно било и доходить, cui bono порочить мене вамъ похотѣлося. Не сіе ли помислилося, чтобъ я не былъ к возмечтанной висотѣ помѣшкою, и тако надлежало мене, бѣдного аки бервенище, на пути лежащее, изнять изъ среди? Если такъ было, разсуди преподобіе ваше: куди насъ иногда уносять суетніе надежди и неукротимая желанія? Но что ни было, немощно было мнѣ не вѣрить словамъ не одного человѣка и, яко видимо было, не враговъ вашихъ, и обстоятелно согласно повѣствовавшихъ. И какъ же было возможно не скорбѣти, вѣдя глави моей ищущаго, laturum misero quem mihi rebar opem! [1]) Прибавила якъ вѣроятія, такъ и печали необычная дерзость брата вашего, которій, перенявъ от мене писмо, къ зовомой братіи писанное, роспечаталъ,—и сему ли не вѣрить? Тое жъ утвердила и новою болѣзнію уязвила мене неслиханная ваша на бывшаго отца ігумена Видубицкого ярость, безприкладнимъ гоненіемъ (якъ и зъ дѣла видимъ) и брата своего в крайное безчестіе и погибель ведущимъ себе явившая. Сіе предложивъ, и сіе извѣст и творю преподобію вашему, что хотя не безъ скорбы воспомянулося мнѣ імя ваше, однакожъ укрощевалъ я въ себѣ отмстителную похоть, не токмо вамъ вѣчнихъ, но и временнихъ благъ отмщенія не желая, такъ что, если-бы преподобіе ваше видѣлъ сердце мое, то призналъ бы лишное бити ваше моего прощенія требованіе»...

Конца письма не достаетъ.

Сообщилъ **О. Л.**

---

[1]) Т. е. о комъ я думалъ, что онъ мнѣ, бѣдному, окажетъ содѣйствіе.

Эпитафіонъ вознаго Андрея Чечеля, 1765 г. Въ старой Малороссіи эпитафіоны (иначе *нагробки*) сочинялись для каждаго сколько нибудь замѣтнаго покойника, разумѣется, если только находился *сочинитель*. Сочинялись эпитафіи какъ покойникамъ, такъ и покойницамъ, одинаково. Такіе эпитафіоны были своего рода *посмертными* «послужными списками», въ которыхъ разсказывались жизнь умершаго и его заслуги. Въ К. Ст. (1894 г., мартъ, 534) былъ напечатанъ *эпитафіонъ* генер. обознаго Василія Борковскаго, указывающій, какъ подробно излагались черты общественной дѣятельности такихъ видныхъ покойниковъ. [1])

Андрей Чечель возный Роиской сотни, Черниговскаго полка, былъ потомокъ (кажется, внукъ) извѣстнаго мазепинскаго сторонника, сердюцкаго полковника Дмитрія Чечеля, [2]) случайно уцѣлѣвшій при арестахъ семействъ мазепинцевъ. Эпитафіонъ Чечеля полученъ, въ копіи, отъ С. Д. Носа, который нашелъ его гдѣ то въ Городницкомъ уѣздѣ, гдѣ жилъ Чечель.

Эпитафіонъ или надгробно надписанне благочестно преставльшомуся Андрею Чечилю [3]), *возному сотнѣ Роиской.*

Всякъ пришедъ сюди на гробъ, вспамятуй день смерти,
Вспомни, что я когда-сь жилъ, и тебѣ умерти.
Если впредъ хочешъ познати, кто я былъ въ сей жизни,
Какимъ именемъ звався и какой отчизны,
Что училъ живучи и какое дѣло,
Которое по смерти пребытъ могло бъ цѣло.
Не укорылъ ли кого, не обыдилъ како,
Не взялъ ли мзды и съ правды ученилъ инако.
Открываю здесь тебѣ всяка моя дѣла,
Грѣхи болѣзвенніе и души и тѣла.
Имяновалъ я Андрей, Чечиль прозивался,
Не въ праздности гулялъ, писахъ и забавлялся.
Пространно выписую я, мою забаву,

[1]) Кромѣ этого *эпитафіона*, въ К. Ст. были напечатаны такія же эпитафіи: Евд. Ив. Брежинской (1740+1779), въ въ 1883 г., іюнь, 394, и бунч. тов Николая Тризны (1694+1776), въ 1885 г., май, 180.

[2]) См. о немъ Опис. Ст. Малор., II, 277.

[3]) Вмѣсто Чечелю, какъ писался сердюцкій полковникъ.

Чрезъ котору временну въ жизни имѣлъ славу.
Отъ младенчества, какъ я остался сиротою,
Содержалъ дворъ отческій съ тяжкою бѣдою;
Къ обученью передомъ принялъ я желанье,
Имѣя божеское къ тому дарованье.
Обучался я русскихъ писменъ, чрезъ четыри года,
Имѣя тупость въ юныхъ, десять лѣтъ отъ рода;
Изучался и писать, и полска языка,
И къ латинскому была охота велика.
Совершенно жъ изучить не было мнѣ время,
Отягчило бо мысли, нелегкое бремя:
О домостроительствѣ, началъ сокрушаться,
Кое за нераченьемъ стало разораться,
Смотрѣтели моихъ добръ во свои карманы
Собирали корысты, являя обманы.
Въ незабавномъ времени, прибравши готово,
Коло людей поступать начали сурово,
Явно всѣхъ разогналы, тогожъ въ недостатокъ.
И на пустіе мѣста побрали задатокъ;
Гдѣ все укрепивши у чужіе руки
И болшое думали, покуда заруки
Испрошени отъ мене ко недопущенью,
Учинилъ я тѣмъ конецъ себя разоренью.
Мысли мои на десять часть были розбиты,
Что дворъ въ край спустошали мой домовитый.
И что чинить думалъ я въ пятнадцатомъ лѣтѣ,
Не зная обстоятельствъ въ временномъ томъ свѣтѣ.
Уже отчаятися, уже ослабѣти,
Уже отъ наслѣдія пришлось прочъ отбѣгти;
Сердце во мнѣ смутилось, духъ изнемогаетъ;
Ободрыла мысль одна, что Богъ всесоздателъ,
Бѣднимъ сиротъ своихъ многихъ щедротъ датель,
Положился на его святѣйшую волю,
Несомнѣнно надѣюсь, что и мнѣ дасть долю,
Сиротѣ размножати отческой славы.
Не было мнѣ достатка, ни тоя державы,
Одна бѣдность плачевна мене лишъ постигла,
Что юность моя сію бѣду въ дворъ впустила,

Мнѣ остались клопоти, мнѣ остались бѣды,
Коихъ ни отецъ не зналъ, ни ево сосѣди.
Упустивши зъ рукъ добро, нескоро сискати,
Принужденъ я былъ ко трудамъ себе мордовати.
О что ползы во трудахъ зъ голими руками!
Не утаю, что было ничего предъ вами,
Нелъзя и утаити, видно бо все тое,
Что докучилъ одному, двомъ, тромъ и удвое.
Дворъ спорядилъ про себе порядкомъ пристойнимъ,
И тотчасъ началъ жить хозяиномъ стройнимъ.
Ревностенъ былъ до людей въ всѣхъ случаяхъ бѣдниХъ,
Семей съ пятнадцать имѣлъ у себе осѣдлихъ.
Если надобно было что испорядити,
Не хоживалъ по дворамъ помоги просити,
Бо у себе все то имѣлъ, что треба при дворѣ;
Что спорится то все исправится вскорѣ.
Чѣмъ же бы помышлялъ я долговъ удалится,
Разсудилъ я, что законъ не претитъ жениться;
Единому тому я слѣдуя закону,
Оженился безъ всякого своего урону.
Чрезъ женитбу я свою долговъ избувати
Сталъ и закладное все поле отбирати,
И всѣхъ долговъ думалось избуть, чтобъ свободно,
Дѣтямъ владѣть осталось тѣмъ, что есть природно.
Лучше потерпѣть хотѣлъ да збуть лихо зъ шіи,
Но смерть пресѣкла мои всѣ мысли такіи,
О уже жена и дѣти, и вси, мя прощайте,
И хоть что погрѣшилъ, однакъ душу поминайте,
И всѣмъ бо неминути такого предѣла!
Простѣть мене да душа и въ васъ будетъ цѣла!

1765 г. августа 12.

Сатирическія вирши 1786 года. Прилагаемыя ниже сатирическія вирши найдены мною случайно при перетряхиваніи полуистлѣвшаго бумажнаго матеріала, который валялся въ сыромъ углу церковной коморки, старой, нынѣ уже разобранной церкви села Краси-

ловки, черниговской губ., козелецкаго уѣзда. Пересматривая тетрадь копій съ ордеровъ духовнаго Березинскаго правленія и указовъ за 1786 г., я наткнулся тутъ на упомянутыя вирши, которыя и были написаны между этими ордерами.

Авторомъ этихъ виршей былъ, по нѣкоторымъ догадкамъ, дьячекъ той же церкви Николай Мазалевскій, умершій въ 1793 году. Содержаніе виршей—сонъ автора, которому его покойный дѣдъ показываетъ муки на томъ свѣтѣ нѣкоего Буркунъ Змира, знавшаго «всю церковну рахубу до шнира». Фамилія «Змира» въ той мѣстности и по нынѣ распространена. Несомнѣнно, наше стихотвореніе относится къ одному изъ предковъ Змиръ, этой дѣловитой и зажиточной нынѣ фамиліи козаковъ. Сатира интересна тѣмъ еще, что написана до Котляревскаго, который конечно много уже засталъ подобнаго и иного рукописнаго и устнаго матеріала и, усвоивъ духъ этихъ народныхъ произведеній, принялся и самъ писать свою знаменитую Энеиду.

Печатаемъ эти вирши, сохраняя правописаніе подлинника, хотя во многихъ мѣстахъ, очевидно, текстъ испорченъ.

Кажуть, що сонъ змутыв; а мнѣ удалося,
Мовъ у око влѣпило, що во снѣ верзлося.
У пятницю увечерп напвшися кваши,
Да съ своею Педорою лѣгъ бувъ спаты в поддашши,
Ажно той дѣдъ покойникъ приснившись да каже:
Чому твоя Педора эдь (?) припечка не маже?
Завтре, каже, настане свято роковее,
А я злекавшись промовивъ: дакъ кажить якее?
Колижъ, каже, не знаешъ, чимчикуй за мною!
Да правдѣ (?) повюв мене на гору тропою.
Тамъ же то я набрався великого пуду:
Поки тютюнъ на свѣтѣ, поти тямить буду.
Перше якъ привювъ мене до товстого дуба,
Такъ я з ляку бувъ почавъ спѣвать кривогуба,
Да питаюсь, що за врагъ висить на кодолѣ,
Витрещило очи и зъ лихои долѣ?
Ажно той дѣдъ покойникъ здихнувши тихенько да каже:
Чи ти жъ не тямишъ Эдь (?) гировій враже?
Сей, каже, покойничокъ звався Буркунъ Змира

И знавъ усю церковну рахубу до шнира.
Якъ же, каже, у Спаса обмаль грошей стало,
Дакъ онъ и его продавъ, лишъ у ладъ не припало,
Вѣнъ, каже, сѣромаха въ чѣпчику родився,
Да легенька жъ ему и смерть—силцемъ задавився,
Бо якъ ластовка, такъ онъ, гнѣздо звивши
Да на шійку подъ горло гречи наложивши,
Пустився мовъ соколъ изъ горы спорненько,
Стрепенувся мовъ рибка на удцѣ чудненько.
Разъ, каже, и руками за голля хватився,
Мовъ Борисовъ бикъ рикнувъ да знову у низъ пустився.
Треба ему пѣнити (?) з вечера до свѣта.
Душка бачить, що вже ей болшъ не видати свѣта
Кинулась була вгору шукати дороги,
Ажно веровкою моцненько заплелися пороги.
Такъ, каже, вона на часъ поспѣшилась,
Якъ блоха скрозь редно, скрозь штани пробилась.
Заразъ ему потекло до пятъ ручаями;
Нехай своимъ родичамъ снится, янголь зъ нами;
Якъ бы мавъ, каже, у ями землею покрится,
Лючше угадавъ отмовъ (?) сѣгь на вѣтрахъ вертѣтся
Й въ день, каже, й въ ночѣ якъ балъ (?) звѣзди лѣчитъ
Хоть би, каже, й тобѣ такая смерть на встрѣчи.
Лишъ же глянувъ я назадъ, ажъ друга прочвара.
Смерть из дѣдькомъ чвалае мовъ воликовъ пара,
На дѣдку кожушина вся на шматки порвата,
Роги в пеклѣ позбивани, хромае до ката,
Ногтѣ з лапъ позлазили, скрежече зубами,
Сизенькій мовъ журавликъ—знать бито кіями.
А смерть, мовъ бубонъ, гола собою, нечвидна,
Боса, простоволоса, изгорбилась бѣдна
Пасокою умазалась, ребра кругомъ знати,
Очей, ушей й носа притьмомъ не видати.
Коссіомъ (?) подпершись, скаче мовъ по купѣ жаба
Лишъ витрещила зуби щербата мовъ баба
Да правда ис подругомъ ненько (?) галасають
А в лементѣ такіе рѣчи промовляють:
Дѣдько каже: ахъ, бѣда, де намъ теперъ дѣться?

Хиба, каже, пойти у болото утопатся
А смерть у кулакъ трубечи говоритъ истиха:
Ужежъ намъ не россѣстись отъ такого лиха;
Треба, каже, теперъ о собѣ промишляти,
Якъ бы на свѣтѣ прожить, чимъ душу питати.
Купимъ, каже, повозу да купчовать станемъ
За добиччу по рибу то въ Кримъ по соль грянемъ.
Я, правда, супятився, ставъ дѣда питати,
Водкуль имъ лихо се стало, чи можно се знати...
Може ихъ гонять на лiюдъ Днѣпра полонити,
Либо во армiю до Криму воловъ гонити,
Ой, нѣтъ, каже, голубе, не тая причина:
Ихъ, каже, побила отце лихая година,
Що ихъ батько анциперъ якъ узявъ насѣку (?)
Атаманську й хотѣвъ пановать до вѣку,
Да всюди по шляхахъ караули разставивъ,
Тузавъ народъ хрестянскiй, бѣди всѣмъ набавивъ
Було, каже, по сто душъ в одинъ кусъ глотае,
Мовъ косарь з вагана галушки матае.
Що богъ сѣявъ—смерть жала, а вунъ жравъ истиха.
Великого повенъ свѣтъ натоливъ (?) бувъ лиха;
Й такъ уже въ его стала була губа ласа,
Що отважилась була углонуть и Спаса.
Якъ же взяли по зубахъ хрестомъ плазовати,
Дакъ мусивъ вунъ усе добро до щенту вертати.
Бачать его молодцѣ, що беда куриться,
Мусили, якъ отъ жару блохи розлетѣтся.
А смерть була у грубѣ сховалася с тривоги,—
Дакъ Ева, еи понявши, вывела за роги,
Якъ узяла нусцями (?) по ребрахъ мѣсити,
Дакъ дѣдко пожалѣвши хотѣвъ боронити.
Ну жъ Адамъ учепившись налигачемъ бити,
Поти бивъ, поки роги мусили злетѣти.
Отто вони эдь (?) по туй холозѣи плачуть,
А хрестяне въ небѣ пьють, гуляють, скачуть.
Я, правда, заглядився такой дивовижи,
Ажно зза гори мелькають в ярмахъ волики рижи,
Отто я думавъ, що Христосъ съ плугомъ иде орати,

Толко жъ дудка заграла, ну, я ставъ гадати:
Може, каже, перезва до свата котится,
Ажно янголія возами тащиться.
А се, реку, яка манѣя, спитався,
Ажно, каже, великлень в гостѣ к намъ приихався;
Вунъ, каже з Русалиму мався давно бути,
Да лихая халепа якъ узяла дути,
Отто вунъ на тумъ боцѣ ожидавъ дороги,
Ажъ покуль не грянули Днѣпровіе пороги.
Я, правда, догадався, що те свято буде,
Якъ жунки красять яйця, паски лѣплять люде,
Да спитавшись збоку, почавъ познавати
В якомъ возѣ панъ великдень зволить пробувати;
Ажно гляну на передъ, седить у чимлѣтѣ (?),
Крашанками, якъ цвѣтомъ, укруги укритій.
На юмъ жупанъ съ китайки, у бока гаманъ зле,
Ковбасою волики стиха поганяе,
Чижмачки боброви, онучки шовкови,
У вигулярнуй шапотцѣ й ермолукъ новій,
Персніовъ повно на рукахъ, мае корогвою;
Якъ ясна зоря—такъ пригожъ собою
Да на всѣхъ поглядае окомъ веселенькимъ
Й пѣсенку голосомъ спѣвае техенькимъ:
Нащо, каже, ти Юдо кваписвя на гроши,
Щобъ тобѣ вкругъ потилицѣ обйили воши,
У користь, каже, не привиювъ й не вспѣвъ пропити,
Лишь ти мусишъ за той торгъ у пеклѣ горѣти,
Будутъ тобѣ й з плечей полоссье здирати,
Щобъ у кожиницяхъ Иродъ могъ по пеклу скакати,
Припадае тобѣ из нимъ у однуй сутязѣ
Смолу возить до пекла, эдь (?) замуляишъ вязи.
Той, каже, гнався за славою, якъ за зайцемъ,
А ти, бачу, удавився грошовимъ окрайцемъ.
Я, правда, те все почувши заразъ схаменувся,
Да пудъ редномъ лежечи и зо сну прочнувся,
Ну Педору локтями под боки торкати:
Годѣ, реку, намъ хропти,—пора уже уставати,—
Уже, бачу, намъ завтра квашѣ не наварити

Лишъ треба хочъ гречану паску замѣсити
Вона, правда, изо сну стала промовляти:
Я, каже, ще вчора думала учиняти,
Бо недарма всѣ люде к млинамъ потурили,
Знать на Паску борошна молоть захотѣли;
Моя й мати не разъ то було звягае (?),
Що Великдень млиновимъ колесомъ выежжае;
Колядки, каже, тогдѣ угадати,
Якъ свиньи отъ ножа стануть голосати,
Лишъ, Охрѣме, клопотъ намъ безъ сала—
Шити,—билити черга намъ припала.
Эдь же, реку, коли-бъ дѣдъ покойникъ зараннѣ приснився,
Тобъ я й ноччю збоку де-небудь поживився,
А теперъ лишъ мушу у людей прохати,
Да то зайшовъ й до васъ ковбасъ добувати:
Позичте й намъ, эдь и наша поросна;
Якъ наведе свинья кобановъ—будуть съ ковбасъ кросна.
Сюлькижъ сего що зедять и з осмину полови,
Да вже жъ буде й сала якъ коробъ здоровій;
Половину оставлю, а другу зменяю,
Тютюну и горѣлки до ката надбаю,—
Тогдѣ попрошу й васъ панове-молодцѣ на ведерце браги,
А теперъ и ви ко мнѣ не будьте тужави.
Якъ витрещить очи на мене ваша ласка,
То в мене при полѣ буде й сало й ковбаска,
А ми с Педорою смелемъ то смачненько,—
Скажетъ: хто давъ, нехай той святкуе легенько.

Сообщилъ **О. Сластіонъ.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ дополненіе къ суммѣ 1598 р. 83 к., поступившей въ редакцію на сооруженіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ (см. № 4-й, стр. 30-я 2-го отд.), вновь пожертвовано: Меѳод. Павловскимъ—2 р. 50 к., И. И. Савенкомъ—1 руб. и мелкими бенефиціями 10 руб., *а всего* вмѣстѣ съ прежними *1612 руб. 33 коп.*, которые и отправлены въ Полтавскую Городскую Управу.

Текущія извѣстія.

О присужденіи преміи графа Уварова профессору Д. И. Багалѣю за сочиненіе «*Опытъ исторіи харьковскаго университета*». Оцѣнку этого сочиненія производилъ В. И. Срезневскій. Трудъ этотъ, по мнѣнію рецензента, обращаетъ на себя вниманіе широтою замысла автора и заключаетъ въ себѣ не лѣтопись только внутренней жизни харьковскаго университета, научной и учебной, а его исторію въ связи съ исторіей мѣстнаго просвѣщенія и развитія народнаго образованія, исторію вліянія университета на умственное развитіе края, на ростъ и благоустройство города. Наиболѣе удачными главами труда г. Багалѣя слѣдуетъ признать двѣ начальныя главы, дающія много интересныхъ, а часто и новыхъ свѣдѣній, важныхъ не только для исторіи просвѣщенія въ харьковскомъ краѣ, но и для исторіи русской образованности вообще. Еще большее значеніе слѣдуетъ признать за последней главой «Опыта», посвященной дѣятельности университета по наблюденію за среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Сообщая чрезвычайно много новыхъ данныхъ, настоящая глава важна и тѣмъ, что даетъ университету обликъ учрежденія первостепеннаго значенія, какъ разсадника культуры вообще.

Харьковскій историческій архивъ, послѣ двадцатилѣтняго ожиданія, дождался наконецъ помѣщенія, удовлетворяющаго не только требованіямъ правильнаго храненія дѣлъ, но и потребностямъ научной работы. Въ засѣданіи 16 сентября правленіе университета опредѣлило отдать подъ архивъ 8 комнатъ въ пустующемъ теперь помѣщеніи бывшей хирургической клиники. Постановленіе это оказывается какъ нельзя болѣе кстати, какъ въ виду принятаго кіевскимъ археологическимъ съѣздомъ рѣшенія о ходатайствѣ по поводу превращенія историческаго архива въ центральный, такъ и въ виду пополненія архива новыми дѣлами. По распоряженію мѣстнаго начальства, архиву рѣшено передать дѣла губернаторской и генералъ-губернаторской канцелярій и др. присутственныхъ мѣстъ г. Харькова за время отъ учрежденія губерніи по 1855 г. Пріемъ этихъ дѣлъ (около 100,000) при прежнемъ помѣщеніи архива былъ невозможенъ.

Палеографическая выставка. Въ Археологическомъ Институтѣ въ виду успѣха, сопровождавшаго въ прошломъ году иконографическую выставку, предполагается, по словамъ «Нов. Вр.», въ половинѣ учебнаго года устроить палеографическую выставку; организація этого дѣла возложена на гг. Соболевскаго, Покровскаго, Лихачева, Маркова и Успенскаго.

Геологическая раскопка. Въ Кіевъ доставлены кости мамонта, вынутыя изъ русла рѣки Десны корчеподъемною машиною Министерства Путей Сообщенія, производящею очистку рѣки отъ корчей. Изслѣдовавшему эту мѣстность инженеру Максимовичу мѣстные жители сообщили, что близъ того-же пункта, въ кролевецкомъ уѣздѣ, черниговской губ., неоднократно находились клыки и кости мамонтовъ, почему вся эта мѣстность пріобрѣтаетъ особый интересъ для изслѣдованій геологовъ.

Выборъ мѣста для памятника И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Борьба,—пишетъ корреспондентъ «Южнаго Края»,—изъ-за выбора мѣста для постановки памятника Котляревскому снова возгарается. Послѣ многочисленныхъ рѣшеній и перерѣшеній, примѣривъ памятникъ ко всѣмъ площадямъ и улицамъ Полтавы, дума почувствовала себя уставшей и, не прійдя ни къ какому окончательному рѣшенію, вовсе перестала заниматься памятникомъ. Но вотъ въ Полтаву пріѣхалъ товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружного суда скульпторъ-любитель Л. В. Позенъ, изваявшій модель бюста Котляревскаго для памятника, и вопросъ о мѣстѣ для его постановки опять дебатируется. Среди многоразличныхъ предложеній наибольшей симпатіей среди гласныхъ пользуются два—мѣсто за соборомъ на горѣ, съ которой открывается видъ на р. Ворсклу, монастырь и живописныя окрестности Полтавы, и мѣсто въ центрѣ города на Протопоповскомъ бульварѣ, или на площадкѣ близъ номеровъ Воробьева. За первое мѣсто, за соборомъ, вблизи котораго жилъ и самъ Котляревскій, стоятъ многіе изъ полтавцевъ желающіе, поставить памятникъ Котляревскаго въ родной для него обстановкѣ, въ виду роскошной панорамы украинской природы. Но скульпторъ Позенъ, въ засѣданіи коммиссіи изъ гласныхъ заявилъ, что характеръ концепціи памят-

ника не соотвѣтствуетъ характеру этой обстановки и что при его проектированіи имѣлся въ виду укромный уголокъ въ центральной части города, а не необъятная даль, открывающаяся съ захолустной площадки за соборомъ. Г. Позенъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы памятникъ Котляревскому былъ поставленъ въ центральной части города, гдѣ бы его могли видѣть, безъ особаго на то намѣренія, и мѣстные жители, и всякій пріѣзжій. И намъ, добавляетъ корреспондентъ, кажется, что съ мнѣніемъ г. Позена нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, приверженцы площадки за соборомъ, какъ на одинъ изъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ, ссылались на то, что, если бы возможно было спросить Котляревскаго, гдѣ ему поставить памятникъ, то онъ несомнѣнно указалъ бы на эту площадку. Сторонники г. Позена, опровергая это, говорятъ, что, ставя памятникъ Котляревскому, мы до извѣстной степени ставимъ памятникъ и автору его—скульптору Позену. И разъ послѣдній и руками и ногами отбивается отъ площадки за соборамъ, то весьма вѣроятно, что то же самое отвѣтилъ бы и самъ Котляревскій, если бы его возможно было привлечь къ совѣщанію о мѣстѣ для постановки памятника. Какъ бы то ни было, сознаніе необходимости окончательно разрѣшить этотъ вопросъ такъ велико среди гласныхъ, что надо думать, не дальше этого мѣсяца будетъ, наконецъ, избрано мѣсто для памятника. Больше шансовъ за то что дума остановится на площадкѣ близъ номеровъ Воробьева, довольно подходящей для данной цѣли. Хотя надо сказать, что, несмотря на заявленіе скульптора Позена, среди гласныхъ есть еще не мало человѣкъ, мечтающихъ о томъ, чтобы поставить памятникъ Ивану Котляревскому на горѣ за соборомъ, переименовавъ ее въ «Иванову гору» и засадивъ ее двумя десятками калинъ и рябинъ, которыя можно бы, по мнѣнію этихъ мечтателей, назвать «Ивановымъ гаемъ».

Въ дополненіе къ этому извѣстію можемъ сообщить, что 28-го октября должно было состояться засѣданіе Полтавской Городской Думы для окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстѣ для памятника.

Съѣздъ славянскихъ журналистовъ Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Краковѣ состоялся съѣздъ славянскихъ журналистовъ, сдѣлавшій нѣсколько важныхъ постановленій, стремящихся къ организаціи славянской печати. Постановили учредить славянское бюро корреспон-

денцій (въ Краковѣ), а также общество, которое служило бы постояннымъ объединеніемъ всѣхъ славянскихъ журналистовъ Австро-Венгріи, и издать памятную книжку на пяти славянскихъ языкахъ. На обѣдѣ въ честь членовъ съѣзда особеннымъ интересомъ отличалась рѣчь краковск. профес. Маріана Здеховскаго. Взявъ исходной точкой ту мысль, что, несмотря на духъ раздора, въ теченіе долгихъ вѣковъ разъединяющій славянъ, славяне умѣли достигнуть единства и взаимнаго пониманія въ области поэтическаго творчества, ораторъ, съ цѣлью подтвердить свою мысль, между прочимъ сослался на Шевченка, который «имѣлъ дружественныя связи въ польскихъ летературныхъ кругахъ и какъ бы являлся олицетвореніемъ той потребности въ мирѣ и прощеніи взаимныхъ обидъ, которую чувствуютъ всѣ славяне.» Слѣдующій съѣздъ назначенъ черезъ годъ въ Загребѣ. (Одесскій Листокъ).

Лекція въ Хоролѣ. По словамъ «Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостей», козаки х. Ромодана рѣшили устроить у себя публичную библіотеку; желаніе хорошее, а средствъ не хватило. Потолковавши, рѣшили просить Д. И. Эварницкаго прочесть въ Хоролѣ двѣ лекціи въ пользу названной библіотеки. «Панивъ багато буде слухать, а мы хоть такъ посыдымо!» Лекторъ не отказалъ въ этой простой искренней просьбѣ и прочелъ двѣ лекціи по археологіи. Первая лекція посвящена была исторіи развитія археологіи въ Западной Европѣ, обозрѣнію палеолитическаго, неолитическаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Вторая—развитію археологіи и обозрѣнію тѣхъ же вѣковъ въ Россіи. Лекціи были прочитаны столь простымъ и доступнымъ языкомъ, что даже нашимъ ромодановцамъ, собиравшимся посидѣть «хоть такъ»—все пришлось по-душѣ. Лектору были поднесены хлѣбъ-соль, букеты цвѣтовъ, перевязанные вышитыми рушниками, а въ заключеніе одинъ изъ козаковъ благодарилъ Д. И. за оказанное вниманіе и трудъ.

Новое просвѣтительное общество. На-дняхъ начало функціонировать въ Одессѣ «Отдѣленіе петербургскаго благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». Общество это имѣетъ цѣлью содѣйствовать религіозно-нравственному и

умственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа. Для достиженія своихъ цѣлей общество рѣшило издавать книги и брошюры по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и домоводства на единственно-доступномъ пониманію народа природномъ его языкѣ. Общество также будетъ издавать свой печатный органъ. Во главѣ общества стоятъ такіе знатоки Малороссіи и малорусскаго языка, какъ Н. Ф. Федоровскій, Д. Л. Мордовцевъ и др. Между прочимъ, среди членовъ находятся: одесскій городской голова П. А. Зеленый, проф. Новороссійскаго университета Н. Д. Пильчиковъ, секретарь Ганемановскаго общества докторъ-мед. И. М. Луценко и другіе. Представителемъ для Одессы и Херсонской губ. избранъ д-ръ медицины И. М. Луценко. (Южн. Обозрѣніе № 934).

На состоявшемся 6 октября засѣданіи «Товариства ім. Котляревского» (во Львовѣ) выяснилось, что на постройку собственнаго малорусскаго театра собрано уже болѣе 33.000 злот. рейнск. (около 26.000 рубл.). (Русланъ, ч. 244).

Некрологи. Во Львовѣ въ концѣ сентября умеръ гр. Владиміръ Дѣдушицкій, основатель прекраснаго музея во Львовѣ. (Muz. im. Dzieduszickich). Онъ извѣстенъ также какъ авторъ изслѣдованій о жизни и занятіяхъ русиновъ.

Въ концѣ сентября скончался въ Прагѣ Францишекъ *Ржегоржъ*, талантливый чешскій этнографъ, знакомившій чешскій міръ съ галицкимъ народомъ. Онъ объѣхалъ почти всю восточную Галицію, узналъ близко жизнь галицкаго крестьянина, его обычаи, привычки.—Въ послѣднее время особенно много о русинахъ помѣщалъ онъ въ «Slovansk'омъ Prěhled'ѣ».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Левицькый. Повисти й оповидання. Т. I зъ портретомъ автора. СПБ. 1899.

Передъ нами первый томъ «повистей и оповидань» И. С. Левицкаго, извѣстнаго подъ давнимъ псевдонимомъ Ивана Нечуя. Имѣя на плечахъ 61 годъ отъ роду, Ив. Сем. Левицкій посвятилъ изъ нихъ литературному труду цѣлыхъ 35 лѣтъ. Трудъ этотъ—поэтическое творчество на малороссійскомъ языкѣ, творчество, слишкомъ замѣтное у насъ, ибо его повѣсти и романы, изображая украинскую народную среду, вмѣстѣ съ тѣмъ затрагиваютъ бытъ нашего духовенства и иныхъ сферъ. Такимъ образомъ Иванъ Семеновичъ почти первый вывелъ на литературную сцену различные слои украинскаго общества. Этимъ онъ заслужилъ украинскія симпатіи: его знаютъ и почитаютъ.

Такого рода мыслями проникнута между прочимъ его сказка-поэма «Запорожци», помѣщенная въ I томѣ [1]). Жилъ себѣ въ селѣ Кодакѣ надъ Днѣпромъ лоцманъ Карпо Летючый,—разсказывается въ этой поэмѣ. Однажды къ лоцманскому атаману Ивану Музыкѣ пріѣзжаетъ богатый купецъ и проситъ его дать ему надежнаго лоцмана для того, чтобы провести его байдакъ черезъ Днѣпровскіе пороги. Лоцманскій атаманъ возлагаетъ эту миссію на Карпа Летючаго. Онъ его очень любилъ и вполнѣ надѣялся на умѣлость его провести

---

[1]) Впервые напечатана въ 1873 году въ галиц. журналѣ „Правда" (№ 11), а затѣмъ вошедшая въ собраніе повѣстей (К. 1874 г.) и отдѣльн. брошюрой (Кіевъ, 1874 г.). Вошла также въ Львовское изд. „Оповидання" (1875 г.).

байдакъ между порогами. Для поощренія Карпа онъ пообѣщалъ, въ случаѣ удачнаго исполненія имъ порученія, выдать за него замужъ дочку свою Олесю. Карпо Летючый немедленно согласился вести байдакъ, движимый надеждой обладать красавицей Олесей. Онъ поѣхалъ съ байдакомъ, но какъ ни былъ остороженъ, все же о послѣдній порогъ онъ разбилъ байдакъ и въ горѣ кинулся въ Днѣпръ. Потеря лоцманской чести, потеря Олеси Музыкивны привела его къ такому поступку... Пошелъ онъ ко дну, ждалъ, что вотъ-вотъ ударится о какой-нибудь порогъ и тѣмъ кончитъ жизнь свою. Онъ потерялъ сознаніе. Но оказалось, что онъ пробудился въ незнакомомъ ему мѣстѣ, на мху, и надъ нимъ была водяная крыша, накрывавшая огромную скалу; на скалѣ этой онъ и находился. Присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ пышный садъ, громадные луга; повсюду цвѣли цвѣты; солнце проникало сквозь водяную крышу. Увидѣвъ далѣе кучу цвѣтовъ, онъ сталъ всматриваться и замѣтилъ, что цвѣтки—это люди. И дѣйствительно, двое изъ нихъ направлялись къ нему. На нихъ были высокіе черные шапки съ красивыми верхами, синіе кунтуши съ откидными рукавами. Они расспросили его, кто онъ, и велѣли ему слѣзть со скалы. Онъ забылъ сперва свое имя, но со скалы слѣзъ легко, благодаря помощи пришедшихъ людей. Люди эти отличались необыкновенной красотой. Отъ нихъ онъ услышалъ, что они запорожскіе козаки, что онъ находится въ Сичи. «Ото бачъ, зруйновалы Сичъ, а помочи вамъ не було де взяты, то наши характерныки й зачарувалы Сичъ. Зъ того часу наша Сичъ зъ островомъ, зъ гетьманомъ (почему не съ кошевымъ? зъ козакамы оттутъ! Нашу Сичъ поглынувъ Днипро». Пошли они далѣе и увидѣли запорожцевъ. Запорожцы сидѣли, здоровые, красивые, и тихонько между собою разговаривали, но Карпу показывалось, будто то ревутъ страшные Днѣпровскіе пороги. Запорожцы потребовали, чтобъ Летючого отвести къ гетману. Шли они дальше, приблизились къ новому чудесному саду съ грушами, съ виноградомъ. Въ томъ саду повсюду были каменныя лавки, гдѣ сидѣли старые запорожцы, всѣ съ сѣдыми бородами и черными усами. Они сидѣли «позгортувавшы рукы и пасхылявшы внызъ важки головы». Минувъ садъ, прошли они каменную ограду и очутились въ другомъ саду, а изъ этого сада лился человѣческій голосъ, прекрасный, звонкій. Кто то пѣлъ козацкую думу, очень старинную. Карпо вошелъ въ садъ и увидѣлъ, что пѣлъ старый кобзарь; кругомъ его стояли и слушали про давнія дѣла на Украинѣ запорожцы среднихъ лѣтъ. При крикѣ

«до гетьмана! до гетьмана» всѣ встали, кобзарь пересталъ пѣть, и двинулись къ гетману. Вошли снова въ прелестнѣйшій садъ. Тамъ снова пѣли кобзари и козаки танцовали какой-то «танокъ», и «танокъ той бувъ такый жвавый, такый веселый, що въ Карпа ажъ жыжкы затрусылысь до танцивъ». Прошли дальше мимо кладбища. Наконецъ прошли ворота, охраняемыя старыми запорожцами, попали снова въ садъ и очутились у гетмана. «Вынъ бувъ такый велыкый, якъ Палій. Здается, не було коня въ свити, щобъ здержавъ его на соби» Гетманъ думалъ глубокую думу, понуривъ голову, и его мысли вылетали соловьями. Увидѣвъ козаковъ, онъ грозно взглянулъ, и отъ этого взгляда взлетѣлъ орелъ къ небу, раздѣлившп крыльями хрустальную крышу. Увидѣвъ Карпа, пришельца изъ Украины, гетманъ пролилъ слезы. Слезы упали на землю, и изъ нея появились розы. Спросилъ гетманъ, помнятъ ли про Запорожье на Украинѣ, разсказываютъ ли тамъ о быломъ попы или монахи или другіе какіе люди? Карпо отвѣчалъ, что про Запорожье онъ слыхалъ отъ своихъ близкихъ, а ни попы, ни монахи, никто другой ничего про нихъ не говорятъ. Гетманъ положилъ свою булаву, и изъ-подъ нея появились левкои и фіалки, а виноградъ округлился вокругъ камня, на который легла булава. Затѣмъ гетманъ пригласилъ отправиться въ церковь и спросить у Бога, что имъ дѣлать, и помолиться за Украину. Пошли въ церковь, которая изображалась однимъ крестомъ изъ чистаго золота. Тамъ пѣлъ чудесный голосъ. Голосъ исходилъ изъ куста калины. При приближеніи гетмана голосъ замолкъ. Гетманъ сталъ молиться, за нимъ молились козаки. «Одъ тіеи козацькои молытвы страшно заревлы порогы, задрижалы обыдва берегы Днипра, затрусылась земля по Украини, затрусывся Кыивъ на горахъ». Затѣмъ пѣвшій кустъ калины обратился въ красивую дивчину. Карпу Летючему представилось, что предъ нимъ Олеся Музыкивна, но оказалось, что это была Маруся Музыкивна, давно превращенная характерникомъ запорожскимъ въ калиновый кустъ за то, что она полюбила гетмана и вступила на запорожскую землю. Олеся Музыкивна была ей родственница въ пятомъ колѣнѣ. Теперь гетманъ и характерникъ почему-то возвратили Марусѣ образъ человѣческій и рѣшили и ее, и Карпа Летючого вынести на землю. Характерникъ принялъ ихъ на свои плечи, разсѣкъ большими крыльями водяную крышу и вынесъ ихъ на Украину. Музыкивна стала искать свой хуторъ, но хуторъ обратился въ село. Людей было мало. «То бачъ, объяснилъ характерникъ, схопылося

таке страшне повитря и навіяло страшный сонъ на Украину, и люде разомъ такъ и поснулы та й будутъ спаты, покы зновъ не повіе теплый витеръ зъ теплого краю, покы винъ не прынесе зъ хмарамы цилющои та жывущои воды и покропыть тіею водою землю и людей». Поражена была Маруся, что кругомъ земля была въ еврейскихъ рукахъ или въ польскихъ. «А де жъ людське»?—«Отамъ трошкы людського къ селу»—гукнувъ дидъ зъ куриня. Дальше увидѣла Маруся большой сахарный заводъ. Онъ оказался принадлежащимъ поляку. Увидѣли потомъ мельницу, принадлежащую еврею. Зашла Маруся въ хату, похожую на ея отцовскую хату, увидѣла кругомъ бѣдность. Она спросила о причинѣ такой бѣдности старуху хозяйку. Та отвѣчала: «Бидни, бо нема зъ чого забагатиты. Зъ поля плата велыка, а тутъ и подушне платы, и на волость, и на школу... Та все платы та платы! И робымо, и ничого не маемо»! Вспомнила Маруся, что не такъ было у ея батька, при немъ было и что ѣсть, и что пить, «бо було въ его стилько степу, скилькы окомъ скынуты, була отара овець, булы волы и коровы. А яки кони мавъ батько! Якъ той степовый витеръ, литалы воны по степахъ. Бувъ въ его и ставокъ, и млынокъ, и садокъ, а въ садку була пасика». Тяжело вздохнула Маруся и снова обратилась въ калину, снова зацвѣла и снова перенеслась подъ Днѣпръ въ гетманскій садъ, оставивъ капли росы, свои слезы, на мѣстѣ родины. Карпо же Летючый узналъ, что все его имущество продано и деньги отданы владѣльцу разбитаго имъ байдака, а его, Карпа, приказалъ судъ высѣчь на скалѣ Ненасытца, у котораго разбился байдакъ. Олеся же его давно вышла замужъ за другого лоцмана. Тогда Карпо пошелъ за Дунай, а всѣ думали, что онъ разбился и погибъ у Ненасытца.

Конечно, Запорожье представлено далеко не въ вѣрныхъ краскахъ, соотвѣтственныхъ дѣйствительно бывшему. Мы видимъ, что въ сказкѣ-поэмѣ Левицкаго запорожцы сидятъ, разговариваютъ да поютъ и молятся, что едва-ли похоже на ихъ давнюю дѣятельность. Если-бы въ сказкѣ запорожцы не сказали, что это ихъ Сичъ, то мы могли бы и не догадаться объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ Левицкій хотѣлъ представить давнее Запорожье, давняго носителя идей Украины, давняго выразителя этихъ идей.

При всюду сквозящей главной особенности таланта И. С. Левицкаго, несомнѣнно на произведеніяхъ его сказались еще его воспитаніе, мѣсто рожденія и дальнѣйшая жизнь. Родился И. С. Левицкій въ с. Стеблевѣ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, воспитывался въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Кіевской

духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году и въ томъ же году былъ опредѣленъ учителемъ въ Богуславское духовное училище, а затѣмъ въ 1861 году поступилъ въ студенты Кіевской духовной академіи и, по окончаніи академическаго курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ Полтавскую духовную семинарію, откуда перешелъ на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ Варшавскій учебный округъ. Черезъ 7 лѣтъ онъ покинулъ Царство Польское и перешелъ на службу въ Одесскій учебный округъ, въ кишиневскую мужскую гимназію, гдѣ состоялъ учителемъ русскаго языка. Отсюда онъ, уже прослуживши 25 лѣтъ, вышелъ въ отставку.

Естественно, знакомство и связи Ивана Семеновича опредѣлялись такою его біографіею. Онъ зналъ хорошо крестьянъ своего родного села, зналъ арендаторовъ и посессоровъ, зналъ затѣмъ духовенство, зналъ писарей волостныхъ, народныхъ учителей, евреевъ, зналъ, наконецъ, студентовъ и профессоровъ Духовной академіи и отчасти студентовъ университетовъ. Въ этомъ кругу онъ и выбираетъ дѣйствующихъ лицъ своихъ повѣстей. Стремясь изображать ихъ, Иванъ Семеновичъ хотя часто бываетъ склоненъ давать положительные типы, тѣмъ не менѣе у него лучше удаются типы отрицательные. Въ большинствѣ же представляемыхъ имъ людей въ его авторской умѣлости какъ бы отсутствуетъ способность превращать въ типы тѣ или другіе характеры; онъ останавливается на передачѣ наблюдаемаго, вовсе не скрашивая съ цѣлью приданія наблюдаемому образу положительнаго или отрицательнаго характера; поэтому мы имѣемъ дѣло часто съ прекрасною фотографіею жизненнаго явленія, при полномъ отсутствіи типа.

Однимъ изъ лучшихъ произведеній нашего автора является оповидання «Рыбалка Панасъ Круть», одно изъ довольно раннихъ, относящееся къ 1866 году. [1]) Въ немъ авторъ выводитъ старика-рыбалку, который случайно молодому товарищу своему, Паньку, ночью, во время ловли рыбы, разсказываетъ про свое житье. Разнымъ ремесламъ обучился Панасъ Круть, между прочимъ шитью полушубковъ, которыми

---

[1]) Первоначально напечатано въ „Правдѣ", 1868 г. (№ 23—26) подъ заглавіемъ „Гореславська ничъ, або рыбалка Панас Круть"; затѣмъ напечат. было въ 1882 г. въ календарѣ Товариства „Просвита" и вошло въ собраніе повѣстей его (Кіевъ 1874 г.); было и два отдѣльн. изданія,—во Львовѣ, въ 1869 г. и въ Кіевѣ, въ 1874 г. и 1887.

торговалъ на ярмаркахъ, и обучился скоро и хорошо. Но ему не удавалось хорошо сбывать готовый товаръ: на ярмаркѣ обыкновенно сосѣдній еврей обрѣтетъ себѣ раньше покупателей, чѣмъ онъ, и онъостается не причемъ. Научился онъ также играть на цымбалахъ и былъ музыкою; научился и точать сапоги. Женатъ онъ былъ необыкновенно счастливо и очень скорбѣлъ о потерѣ жены, выступающей положительнымъ идеаломъ въ повѣсти. Ему и не думалось замѣнить ее другою. Панасу разъ во снѣ довелось послѣ ея смерти слышать ея чудесное пѣніе, и разсказъ объ этомъ является однимъ изъ поэтичнѣйшихъ во всемъ произведеніи. Послѣ смерти жены Панасъ Круть оставилъ шитье полушубковъ и отдался рыбальству. Пилъ только онъ серьезно и кончилъ жизнь свою на водѣ, въ половодье, пустившись на рыбную ловлю въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ. Весь разсказъ происходитъ надъ Росью, вблизи грязнаго мѣстечка Богуслава, мастерски изображеннаго авторомъ.

Не какъ типъ выступаетъ рыбалка Панасъ Круть въ этомъ разсказѣ. Мы видимъ здѣсь изображеніе, близкое къ дѣйствительности, нисколько не обобщающее какихъ либо сторонъ въ характерѣ людей, близкихъ къ Панасу Крутю.

Та же Рось, тотъ же Богуславъ, Звенигородщина, мѣстность родная автору, является ареной дѣйствія и во многихъ другихъ произведеніяхъ И. С. Левицкаго. Возьмемъ, напримѣръ, повѣсть или лучше сказать романъ «Бурлачку». [1]) Здѣсь выведена молодая красивая дѣвушка Васылына, дочка крестьянина Паляныка. Живетъ семья Васылыны и она въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ с. Комаривкѣ, недалеко отъ с. Кереливки, гдѣ бѣдовалъ Тарасъ Шевченко. Мѣстность опоясана прелестными садами. Живетъ Паляныкъ сносно, достатковъ хватаетъ, но иногда все-же нужно бываетъ въ хозяйствѣ нѣкоторое подспорье. Въ такихъ случаяхъ выручаетъ его дочь. Она, напримѣръ, идетъ на заработки на сосѣдній сахарный заводъ на «буряки». Заводская администрація обыкновенно закликаетъ дивчатъ на работу, разсылая по сосѣднимъ селамъ гарбы съ музыкой и жидомъ, исполняющимъ роль нанимателя. Когда разъ проѣзжалъ такой поѣздъ по Комаривкѣ и набралъ кучу дивчатъ, попросилась у отца отпустить ее на буряки къ пану въ сосѣднее село Журавку и Васылына. Работала она тамъ подъ музыку съ необыкновеннымъ увлеченіемъ.

---

[1]) Первонач. изд. въ. Кіевѣ въ 1881 году.

Кругомъ была масса парубковъ, которые всѣ липли къ красавицѣ Васылынѣ. Но одинъ парубокъ пришелся и ей по душѣ, нѣкто Васыль Кравченко. Не разъ и не два она ѣздила такимъ образомъ на буряки. Красоту ея замѣтилъ и приказчикъ пана арендатора, еврей Лейба. Зная охоту до красивыхъ дивчатъ у пана Ястшембскаго, онъ сразу намѣтилъ Васылыну, какъ жертву для пана. Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній Васылыной буряковой плантаціи, онъ предложилъ ей замѣнить случайную работу постоянной. Нужда у Васылыного отца тогда была большая: предстояло платить подать. Неудивительно поэтому, что онъ согласился отпустить дочь на заработки. Такимъ образомъ Васылына и поступила на службу къ арендатору Ястшембскому. Ястшембскій былъ паничъ польской семьи, вынужденный въ концѣ концовъ взяться за аренду, такъ какъ собственное его имущество было продано за долги. Онъ окончилъ едва три класса гимназіи, волочился за дивчатами, картежничалъ и вообще велъ жизнь пустую, разгульную, хотя отъ природы и не былъ золъ. Къ нему то и поступила Васылына. Очарованный ея красотой, Ястшембскій предложилъ ей занять мѣсто горничной, удаливъ съ этого мѣста другую красавицу Одарку. Ухаживая за Василиной, онъ съумѣлъ ей понравиться. Доходило дѣло до того, что Ястшембскій готовъ былъ даже жениться на ней. Но до женитьбы онъ принималъ своихъ пріятелей и однажды по ихъ совѣту затѣялъ устроить въ своихъ холостяцкихъ покояхъ «дикій балъ» съ участіемъ Васылыны, Олены и другихъ красивыхъ дивчатъ и молодицъ. Во время этого бала, неудачно описаннаго—сказать между прочимъ—,неожиданно пріѣхали къ Ястшембскому двѣ старѣющія тетки, Ядвига и Юзефа. Онѣ стали стыдить Ястшембскаго за его поведеніе, требовали, чтобы онъ остепенился и, наконецъ, женился на приличной ему партіи. Тетки даже выбрали ему пару въ лицѣ панны Брониславы, не старой дѣвицы, съ двадцатью тысячами приданого. Немедленно завязалось знакомство съ будущей невѣстой, и панъ Ястшембскій, чувствовавшій, что въ карманахъ его пусто, вскорѣ влюбился въ панну Брониславу и надѣялся поправить свое состояніе. Предстояла свадьба, но надо было удалить изъ дому Васылыну. Съ большимъ трудомъ онъ сдѣлалъ это. Васылына, уже беременная, была устранена. Ей приходилось идти въ родительскую хату, но она не могла на это рѣшиться. Лейба, доставившій ее въ домъ арендатора, повстрѣчавшись съ ней, выдалъ ей записку, рекомендуя ее въ работницы на суконный заводъ въ Стеблевѣ. Васылына отправилась

туда, кой-какъ, съ помощью какого то человѣка, доѣхала до завода, но въ горѣ, въ отчаяніи, мучимая болѣзненнымъ состояніемъ, она забрела въ какую то расщелину между камней на берегу Роси и тамъ легла. Усталая, разбитая во время дороги, она въ ту же ночь родила сына. Прійдя утромъ на короткое время въ сознаніе и услышавъ дѣтскій крикъ, она въ ожесточеніи на Ястшембскаго отвергла сына, отказалась кормить его и тутъ же бросила ребенка въ Рось. Затѣмъ безчувственно кинулась на землю. Въ такомъ состояніи ее отыскала бурлачка съ фабрики, Марія, перенесла ее въ свою хату и продержала у себя до ея выздоровленія. Оправившись хоть отчасти, Васылына поступила тотчасъ же на суконную фабрику за 2 руб. въ мѣсяцъ. Тутъ ей пришлось узнать фабричныя харчи, фабричные нравы. Съ полгода она держалась въ сторонѣ отъ выпивокъ въ компаніи. Но потомъ, вѣчно приглашаемая на гулянки, и она начала пить и веселиться, позабывши объ утопленномъ ребенкѣ. За нею ухаживалъ бурлакъ Мына, и затѣмъ не бурлакъ Михальчевскій, служившій столяромъ на сахарномъ заводѣ, шляхтичъ родомъ, жившій съ старухой матерью. Онъ влюбился въ Васылыну и ей понравился. Скоро рѣшили они съиграть свадьбу. Но Васылына сразу не могла перестать пить съ бурлаками. Ее, пьяную, лежащую у перевоза, однажды принесъ Михальчевскій къ себѣ въ домъ. Мать съ сокрушеніемъ сердечнымъ ухаживала за ней. Матери было тяжело, что любимый сынъ ея женится на пьяницѣ, но и она поддавалась необыкновенной красотѣ Васылыны. Михальчевскій таки женился на ней и зажилъ счастливо. Васылына и ему не разсказала о гибели ея ребенка, хотя разсказала объ отношеніяхъ къ Ястшембскому. Кончается повѣсть посѣщеніемъ Васылыною родителей ея, оказавшихся живыми и здоровыми.

Во всей повѣсти главнымъ лицомъ, не оставляемымъ авторомъ, является Васылына. Невольно ждешь, что это окажется глубокая натура. Казалось бы, такъ естественно было съ ея стороны, ушедши въ Стеблевъ, тамъ одуматься. Но ничего этого не случилось. Могла она, конечно, лишить жизни своего ребенка, но не могла при серіозной натурѣ такъ скоро забыть объ убійствѣ, совершенномъ ею, не могла предаться вновь веселію и пьянству, не могла скрыть убійства отъ Михальчевскаго. Все это мыслимо при извѣстной легкости въ характерѣ. Въ повѣсти только два человѣка и похожи на положительные типы: это мать и сынъ Михальчевскіе, но и она, какъ образцовая мать, выведена на очень короткое время, и онъ, какъ образцо-

вый мужъ и человѣкъ, является только подъ конецъ повѣсти, и идеальныхъ чертъ его не видно читателю. Такимъ образомъ въ этомъ большемъ произведеніи Ивана Семеновича Левицкаго отсутствуютъ типы, а имѣется на лицо только чудесная фотографія.

Иначе стоитъ дѣло въ повѣсти «Помижъ ворогамы»[1]). Здѣсь болѣе тонко очерченной является фигура волостного писаря Леонтія Петровича Коцюбенка въ селѣ Горобцивкѣ и жены его Феодосіи Карповны. Въ лицѣ ихъ представлены явные грабители и обдиралы села. Тутъ предъ нами является вѣрно изображенный типъ сельскихъ міроѣдовъ. Но за то всѣ остальныя выступающія въ повѣсти лица, не смотря на тягучесть изображенія ихъ помысловъ, являются безцвѣтными. Таковы и отецъ Артемій, и жена его Сусанна Власьевна, и дочка ихъ Ватя, и предполагаемый женихъ послѣдней Леонидъ Семеновичъ, студентъ Кіевскаго университета и братъ по матери Ѳеодосій Карповичъ. Изъ всѣхъ ихъ типовъ никакихъ не вышло, хотя авторъ повидимому и предполагалъ дать положительный типъ въ лицѣ дочери отца Артемія, Вати.

Но картина значительно измѣняется, когда мы имѣемъ дѣло съ «бабой Параской та бабой Палажкой». Обѣ сердитыя, другъ друга ненавидящія, одна другой всячески досаждающія, и обѣ жалуются на судьбу и преслѣдованія, при чемъ одна заявляетъ, что «не можна баби Параски вдержатысь на сели», а другая обращается съ просьбою: «благословить баби Палажци скоропостыжно вмерты». Для образца ихъ отношеній приведемъ слѣдующую выдержку: «А це зновъ розсердылась Палажка на мене, що я пожартувала зъ нею, та й то не я, а моя сусида Левадыха выгадала той жартъ. На двори була страшна спека: въ хати душно, а я думаю, пиду та зварю вечерю на городи коло крыныци, покы сынъ та невистка вернутся съ поля. Взяла я таганъ, казанокъ, набрала трисокъ та сухого хворосту. Прыйшла до крыныци, колы зыркъ! на цимрыни стоить зализне видро. Подывылась я, видро Палажчыне: я его заразъ пизнала, бо знаю вси видра на кутку. Це жъ, думаю, Палажка ходыть до моеи крыныци по воду, бо Соловейко (мужъ Палажки) саме тоди чыстывъ свою крыныцю. А тутъ прыйшла по воду моя сусида, стара Левадыха.—Хто це забувся видро?—пытае вона въ мене.—Та хто жъ, кажу,—Палажка! Хиба жъ ты не бачышъ, що видро неначе погрызене зубамы. Мабуть ій не було кого грызты, та одъ злосты погрызла свои видра. Ну тай хазяйка! Добре, що не забулась отутъ коло крыныци своеи головы. Взяла

[1]) Напечат. въ первый разъ въ 1793 г. въ галицк. газетѣ „Заря".

я те видро та й кынула въ кропыву: нехай, думаю, Палажка трохы пожалыть лыткы, якъ буде доставаты видро. Ото росклала я пидъ вербамы багаття, поставыла таганъ, почепыла казанокъ. Сыдымо соби зъ Левадыхою та балакаемо то про се, то про те. А Левадыха каже: «а давай пожартуемо трохы зъ Палажкою! Облыймо бисову бабу холодною водою, якъ вона прыбижыть за видромъ; може не буде така гаряча та лыха. Левадыха сердылась тоди на Палажку за те, що Палажка давала ій дули та ще й пры громади. «Скупаемо жъ мы тебе, щобъ знала, якъ мени дули сукаты», каже Лывадыха. Тилько що вона це сказала, ажъ Палажка лизе черезъ перелазъ. Мы зъ Левадыхою шусть у конопли та й прысилы. А Палажка прыстранчылась до крыныци, глянула на цямрыны, заглянула въ крыныцю та й каже сама до себе: «де жъ це дилося мое видро?» Вона туды круть, сюды верть, блыснула маленькымы чорнымы очыма по конопляхъ, по бурьянахъ. А очкы такъ и блыщать одъ злосты, якъ у гадюкы, неначе зъ ныхъ искры сыплются, а дали вгледила видро та й полизла въ кропыву. Кропыва жалыть іи въ лыткы, въ рукы, а вона чухае лыткы та лае кропыву. Взяла вона видро, шелепаеться до крыныци по кропыви та такы й мене не забула: «це мабуть, каже вона голосно, ота ыродова душа, Параска, закынула мое видро въ кропыву». Мабуть догадувалась, що я десь тутъ недалечко. Я насылу всыдила въ коноплях, трохы не выскочыла, та мене вже Левадыха прыдержала за спидныцю. Ій Богу, кажу до Левадыхы, нарву кропывы та простягнимо Палажку коло крыныци та даймо ій доброи прочуханкы та памьятного, щобъ не забувала видеръ. «Дывымось мы, Палажка трычи перехрестылась, щось пошептала: вже й не знаю, чы молылась, чы видьмыла, вытягла видро зъ водою и тилькы що поставыла на цямрыни, а мы зъ коноцель та до неи. Левадыха впопыла іи за плечи, бо дужча одъ мене. «Держы жъ, кажу, та добре, бо буде пручатысь!» Я вхопыла видро зъ водою та й лынула ій попереду межы очи: оце, кажу, тоби одъ очей, щобъ очыци не болилы; лынула вдруге на самисиньку голову: а це, кажу, тоби одъ головы, щобъ не була така дурна; а потимъ лыну разъ за потылыцю, а другый за пазуху. А вона стоить, якъ дурна вивця, та тилькы: ухъ! ухъ! ухъ! ухъ! «Ухай, кажу, серце, ухай на здоровьячко! Водыця холодненька, якъ зо льдомъ. Це одъ прыстриту дуже добре».

«Скупалы мы іи та й регочемося обыдви. А зъ неи вода ажъ дзюрчыть: и въ запаскы, и въ пидтычкы. Кляне вона насъ и сливъ

не добере: «бодай васъ свята земля поглынула жывымы! Бодай васъ чорты на тимъ свити облылы гарячою смолою!» «А я кажу: «покы васъ чорты обиллють, а мы тебе вже й облылы».

«Взяла Палажка порожне видро та й потяглась до дому. А Левадыха крычыть: «здорова зносы та въ краще вберысь! Це мы тебе скупалы, щобъ блохы въ ночи не кусалы.» Писля того Палажка и не говорыть зо мною и не дывытся на мене, а якъ стринется зо мною на вулыци, то обмынае мене по-надъ самисинькымы тынамы. Хибажъ вона дытына, не знае, що то булы жарты. А якъ парубкы колысь и пхнулы зъ гребли въ ставокъ, якъ вона була дивкою, то вона й не сердылась. Тры рокы писля того все хвалылась: «оце мене дурни парубкы скупалы въ ставку въ квиткахъ та въ стричкахъ та въ червоныхъ чоботяхъ». А якъ я зъ Левадыхою трохы покропыла іи водою, то вона вже и губы надула..

Несомнѣнно въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высоко талантливыми воспроизведеніями двухъ отрицательныхъ типовъ. Типы эти жизненны въ нашемъ селѣ и рисуютъ намъ всю страшную степень невѣжества нашего народа.

Отрицательный же типъ встрѣчаемъ въ «Двухъ прыятеляхъ», въ лицѣ еврея Шмуля, организовавшаго воровскую шайку, и въ концѣ концовъ послѣ того, какъ всѣхъ воровъ переловили, и заслали въ Сибирь, оставшагося нетронутымъ и продолжающимъ пановать.

Наконецъ, отрицательный типъ находимъ мы въ оповиданни «Невынна», гдѣ изображена воровка, мнящая себя лицемѣрно ни въ чемъ неповинной. Она въ концѣ концовъ украла образъ св. Николая и видъ образа ее очень смущалъ. Послѣ ареста мужа ея, укравшаго барильце водки и упившагося ею, она, наконецъ, пошла къ попу, исповѣдалась предъ нимъ и отдала ему краденный образъ,— тогда ей стало легче. Это—снова типъотрицательный, и вышелъ онъ изъ подъ пера И. С. Левицкаго въ прекрасномъ видѣ.

Основная черта таланта И. С. Левицкаго ясно сказалась при изображеніи того тяжелаго гнета, который выпадаетъ украинскому люду при поступленіи его на фабрики и заводы, гдѣ въ большинствѣ случаевъ руководителями работы да и предпріятій являются часто евреи. Такъ, въ повѣсти «Мыкола Джеря», посвященной Н. В. Лисенку и выдѣляющейся изъ ряда другихъ повѣстей присутствіемъ двухъ типовъ, положительнаго

характера Немыроды, жены Джери, и самого Мыколы Джери, изображены два сахарныхъ завода, на которые бѣжалъ Джеря отъ панскаго гнета передъ волей. Оба сахарныхъ завода состояли подъ управленіемъ евреевъ и на обоихъ дурно кормили рабочихъ. Особенно характеренъ еврей Абрамъ Моисеевичъ Бродковскій, посессоръ сахарнаго завода въ Черкащынѣ. „То бувъ товстый здоровый жыдъ, зъ рудою бородою, зъ сирымы очыма, въ чорній оксамытовій жылетци. На жылетци телипався важкый золотый ланцюжокъ зъ печаткою и всякымы цяцькамы; на товстыхъ куцыхъ пальцяхъ блыщалы важки золоти перстни зъ дорогымы блыскучымы камианямы. Комирчыкы й сорочка, чорный блыскучый галстухъ на шыи булы нечысти, засмальцовани, ажъ блыщалы проты сонця. Чорный довгый сюртукъ, вышневый, оксамытовый картузъ на потылыци, давалы ему дуже характерный, жыдивськый выдъ. Не вважаючы на его богате вбрання, на золото, одъ его тхнуло жыдомъ». Не менѣе характерна и его жена. «Вона була убрана зовсимъ по панськи, але іи лыце, іи нечиста одежа, чорный подилъ спидныци и роскудлане волосся на голови—все це показувало, що вона не пани». Оба они сильно сердились на явившихся на ихъ заводъ крестьянъ, когда они обращались къ самому Абраму и его женѣ на ты. «Що ты, свыню! Ну! чого ты на мене тыкаешъ? Я тоби не дамъ грошей за мисяць»—такого рода реплики даютъ они въ повѣсти на обращенія къ нимъ крестьянъ. Жидъ этотъ такъ довольствовалъ людей на заводѣ, что въ великій постъ въ его казармахъ начали умирать люди. Мѣстный попъ отказался въ концѣ концовъ причащать и хоронить жертвъ заразы. Онъ разсердился на еврея за то, что онъ, взявши заводъ въ поссессію, пересталъ давать ему, священнику, пудъ сахару и 100 руб. платы за требы на заводѣ. Въ виду такой обиды, попъ пожаловался на еврея своему благочинному. Поднялось дѣло, въ результатѣ котораго Бродковскаго легко бы засудили въ Сибирь. Но Бродковскій во время сотнями рублей погасилъ поднявшійся шумъ и снова началъ платить попу 100 руб. и пудъ сахару въ годъ. Между тѣмъ зараза, смерть не унималась на заводѣ. Пошли слухи, что жиды рѣзали ночью собакъ и мясо собачье клали въ борщъ бурлакамъ. Ватага бурлаковъ повыбивала окна у Бродковскаго. Бродковскій самъ уѣхалъ изъ села. Тогда явился въ село становой, священникъ и докторъ. Докторъ пробовалъ воду изъ источника, изъ котораго пили крестьяне, но самъ побоялся попробовать бурлацкаго борщу съ гнилою таранью да съ прибавленіемъ

крысъ для вящшаго вкуса. Велѣлъ онъ почистить и помыть казармы. Все было напрасно: бурлаки убѣгали съ завода.

Не менѣе характеристично и изображеніе еврея Лейзора Рабыненка, бывшаго на Стеблевской суконной фабрикѣ, куда поступила въ качествѣ бурлачки Васылына. Этотъ Лейзоръ Рабыненко взялся у стеблевскаго поссессора поставлять рабочихъ на заводы. Хозяинъ уплачивалъ ему наличными деньгами за каждаго поставленнаго рабочаго. Лейзоръ долженъ былъ отыскивать работниковъ, ставить ихъ на заводы, платить имъ отъ себя за работу и кормить ихъ. Коль коро врей не набиралъ нужнаго числа рабочихъ, директоры заводовъ имѣли право доставить рабочихъ, платя имъ двойную плату, при чемъ плату эту записывали на счетъ Лейзора. Поэтому то жидъ долженъ былъ заблаговременно доставлять рабочихъ и для этого держалъ своихъ агентовъ повсюду, гдѣ только можно было повыгоднѣе нанять людей. «По блызькыхъ и далекыхъ селахъ нышпорыла Лейзорова жыдивська полиція,—читаемъ въ Бурлачкѣ,—роздавала гроши напередъ, у той часъ, якъ мужыкамъ прыходылось дуже тяжко, а найбильше пидъ часъ выплаты подушного. Лейзорова полиція, окримъ того, заплутувала мужыкивъ у довгы й за страшни проценты тягла людей за шыю до Лейзора на заводы». Объ организаціи, придуманной Лейзоромъ, читаемъ далѣе слѣдующее: «Колы у Лейзора була тысяча робитныкивъ, и одъ каждои души зосталось по карбованцю на рикъ, то й то вже бувъ для его не поганый заробитокъ. Але Лейзоривъ интересъ бувъ той, щобъ зъ кожнои души зоставалося у его кышени якъ можна бильше карбованцивъ. Окримъ того, винъ платывъ одъ кожнои души проценты своимъ агентамъ. И Лейзоривъ заробитокъ и проценты для его полиціи—все це падало на людськи души, до котрыхъ ему було мало дила. Ти души булы не жыды, а гои, а винъ бы й жыдивъ не помылувавъ. И винъ ихъ не мылувавъ, харчувавъ такъ, що люде не выдержувалы, кыдалы пашпорты, кыдалы роботу й втикалы зъ заводивъ, куды тильки можно було втикаты. Мисцеви люде зналы жыдивськи рукы й не йшлы на заводы. Лейзоръ йиздывъ у велыкый пистъ на далеке Полисся, у бидный могылевськый та минськый край, дававъ завдатокъ биднымъ билоруссамъ саме пидъ часъ оплаты подушного, або пидъ часъ голода, бравъ въ волости ихъ пашпорты й потимъ перевозывъ ихъ на заводы. На украинськыхъ заводахъ появылысь нещасни полищукы, чы, якъ звуть ихъ на Украини, лытвыны або лапацоны. Лейзоръ державъ ихъ у такыхъ

казармахъ, харчувавъ такымы харчамы, що нещасни лытвыны, звыклы йисты невіяный та несіяный хлибъ, кыдалы заводы й тикалы въ свій голодный край». Случалось не рѣдко, что онъ добавлялъ въ пищѣ бурлаковъ свиное сало, въ которомъ кишѣли черви. Въ конторѣ Лейзора вертѣлись жидки, сухіе, длинные, проворные, постоянно гуркотящіе. У Лейзора въ подворіи ютились три жидовскія семьи: одна въ комнатѣ при его квартирѣ, другая въ надворной хаткѣ, третья въ мужичьей хаткѣ на огородѣ вблизи, Лейзорова двора. Это были полицейскіе Лейзора—Шмули, Срули, Гершки, которые нишпорили въ Стеблевѣ и въ ближайшей околицѣ, разъѣзжали бидками по селамъ, знались съ шинкарями, съ подрядчиками на заводахъ, съ мельниками изъ жидовъ, съ жидами поссессорами, знали на все цѣны, брали у мужиковъ пашню за проценты и свозили все къ своему начальнику стеблевской околицы, Лейзору Рабыненку. У Лейзора въ Одессѣ были свои высшіе начальники: жидовскіе губернаторы и министры, которыхъ онъ извѣщалъ обо всемъ и доставлялъ имъ пашню. То были министры пшеницы, ржи, гречихи и проса и даже министры свиного сала, олеи, дегтю.

Если ко всему сказанному мы добавимъ, что всѣ повѣсти Левицкаго написаны прекраснымъ, не дѣланнымъ, не кованнымъ малороссійскимъ языкомъ, что во всѣхъ ихъ замѣчаются прекрасные описанія знакомыхъ ему мѣстностей,—то мы этимъ дополнимъ поучительное содержаніе его повѣстей и разсказовъ и должны будемъ признать ихъ въ высшей степени талантливыми.

I. S.

Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Вып. I подъ ред. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. *Екатеринодаръ, 1899 г., Стр. VIII+166. Ц. 1 р.*

Года полтора назадъ возникло въ Екатеринодарѣ новое „Общество любителей изученія Кубанской области». Потребность въ такомъ обществѣ давно уже чувствовалась. Извѣстный статистическій комитетъ, не смотря на свою почтенную дѣятельность, не могъ по самымъ условіямъ своей организаціи явиться центромъ, объединяю-

щимъ мѣстныхъ изслѣдователей. Проектъ объ учрежденіи ученой архивной коммиссіи, къ сожалѣнію, не осуществился. Въ 1896 г. возникъ новый проектъ устройства общества для всесторонняго изученія края. Проектъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ мѣстной администраціей, и въ концѣ 1897 г. общество уже начало свою дѣятельность, и теперь передъ нами лежитъ первый выпускъ его «Извѣстій».

Содержаніе разбираемой книжки весьма разнообразно. Статья г. Ваганова «Значеніе карантинной линіи по границѣ Кубанской обл. съ Закавказьемъ въ связи съ условіями животноводства въ нагорной полосѣ» касается очень важнаго для Кубанской области вопроса объ охраненіи скота отъ эпизоотій и объ открытіи доступа продуктамъ животноводства на русскіе и заграничные рынки. Статья г. Попандопуло посвящена нефтянымъ промысламъ въ Кубанской области. Другія статьи относятся къ исторіи края. Таковы двѣ статейки извѣстнаго историка Черноморскаго козачества П. П. Короленка о первоначальномъ заселеніи черноморскими козаками Кубанской области и объ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ. Въ замѣткѣ г. Дмитренка разсказанъ эпизодъ изъ жизни некрасовцевъ на Кубани. Г. Сысоевъ начинаетъ свои «Очерки изъ исторіи Тмутараканскаго княжества» біографіей преп. Никона. Отмѣтимъ еще программу для собиранія свѣдѣній о рудахъ, минеральныхъ источникахъ и пр. Въ книжкѣ приложено два вида Екатеринодарскаго войскового собора.

Искренно желаемъ новому обществу успѣшно трудиться надъ изученіемъ родного края.

Е. К.

Щорсовская библіотека графа Литавора-Хребтовича. Краткія свѣдѣнія о собраніи рукописей. Сообщилъ С. Л. Пташицкій. *Москва 1899 г.*

Щорсы, село Новоградскаго уѣзда Минской губерніи, въ 24 верстахъ отъ уѣзднаго города, принадлежитъ графамъ Литоворамъ-Хребтовичамъ. Послѣдній литовскій канцлеръ графъ Іоахимъ Литаворъ-Хребтовичъ († 1812 г.) устроилъ здѣсь прекрасное помѣщеніе для своей богатой библіотеки, которую составилъ покупкой книгъ изъ древнихъ библіотекъ: римскаго кардинала Іосифа Имперіали, библіотеки Іосифа Залускаго и библіотекъ 150 упраздненныхъ галицкихъ

монастырей. Настоящій владѣлецъ Щорсъ К. А. Бушеневъ-Хребтовичъ озаботился приведеніемъ ея въ порядокъ и описаніемъ. Не ожидая, пока выйдетъ въ свѣтъ это послѣднее съ изложеніемъ всѣхъ подробностей, авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о хранящихся въ библіотекѣ 129-ти рукописяхъ. Содержаніе ихъ очень разноообразно: здѣсь мы встрѣчаемъ и книги Литовской метрики, и дипломатическую переписку, сеймовыя конституціи, лявдумы сеймиковъ западнаго края, всякаго рода юридическіе документы, частную переписку, литературныя произведенія, историческія сочиненія, законодательные памятники, и проч. и проч. Въ частности укажемъ на такія рукописи, какъ рукопись XVI в. на польскомъ и латинскомъ языкахъ 2-го литовскаго статута; она пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, какъ дополненіе, и быть можетъ, поправка и объясненіе русской рукописи этого же статута, найденной нами случайно подъ искаженнымъ заглавіемъ въ библіотекѣ Почаевской Лавры [1]). Русская рукопись, хотя и не полная, во многомъ однако дополняетъ и исправляетъ напечатанный во «Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей» подъ редакціей О. М. Бодянскаго списокъ лит. Статута; сопоставленіе всѣхъ этихъ редакцій Литовскаго закона 1566 г. должно дать богатые результаты; въ виду этого, изданіе Статута Щорсовской библіотеки было бы теперь весьма кстати. Въ числѣ рукописей этой библіотеки находятся также и письма Богдана Хмельницкаго. Вообще трудно опредѣлить весь интересъ, всю важность рукописнаго матеріала библіотеки въ краткой рецензіи, и трудъ г. Пташицкаго служитъ весьма цѣннымъ пособіемъ для археографа.

И. Каманинъ.

Д. Айналовъ и Е. Рѣдинъ. Древніе памятники искусства Кіева: Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій и Кирилловскій монастыри. *Харьковъ, 1899 (стр. 62)*

Настоящая брошюра, представляющая оттискъ изъ «Трудовъ педагогическаго отдѣла Харьковскаго историко-филологическаго об-

---

[1]) Рукопись Статута была обязательно прислана изъ Лавры на палеографическую выставку XI-го археологическаго съѣзда и обратила на себя вниманіе спеціалистовъ.

щества», преслѣдуетъ чисто педагогическія цѣли. «Въ послѣднее время у педагоговъ, говорится въ предисловіи, явилась благая мысль— знакомить учащееся молодое поколѣніе съ родиной, ея памятниками— при помощи лѣтнихъ образовательныхъ поѣздокъ, устройствомъ (sic) историко-географическихъ чтеній, съ иллюстраціями, возсоздающими предъ ними (sic) различныя наиболѣе интересныя мѣста родины, ея замѣчательные памятники. Кіевъ... особенно богатъ важными, замѣчательными древними памятниками искусства (sic)... Краткое ознакомленіе съ ними... составляетъ задачу настоящей книжечки, которая можетъ послужить матеріаломъ для указанныхъ выше чтеній, путеводителемъ при личномъ обозрѣніи указанныхъ святынь Кіева».

Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ мы невправѣ ожидать чего-нибудь новаго, оригинальнаго. И дѣйствительно, брошюра представляетъ только сокращенное изложеніе спеціальнаго изслѣдованія (тѣхъ же) пр. Айналова и Рѣдина, изданнаго въ 1889 г. подъ руководствомъ пр. Кондакова («Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаической и фресковой живописи». Спб. 1889) и соотвѣтствующихъ частей извѣстнаго изданія гр. Толстого и пр. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ быта (выпускъ IV— 1891 г. и V—1897). Поэтому мы считаемъ излишнимъ разсматривать брошюру со стороны ея содержанія: названныя сочиненія давно уже пользуются заслуженною извѣстностью не только среди спеціалистовъ, но и въ болѣе обширномъ кругу читателей, и мысль сдѣлать ихъ доступными для юношества заслуживаетъ полнаго сочувствія. Вопросъ только въ томъ, насколько удачно выполнена эта задача: дѣйствительно-ли настоящая переработка принаровлена къ пониманію учащагося юношества? Намъ кажется, что съ этой стороны брошюра пр. А—ова и Р—ина представляетъ существенные недостатки. Она представляетъ, въ сущности, не переработку, а сокращенное изложеніе названныхъ ученыхъ изслѣдованій. Общихъ руководящихъ указаній, необходимыхъ для неподготовленнаго читателя, въ ней совсѣмъ не встрѣчается; это—просто подробное описаніе памятниковъ кіевскаго искусства съ ссылками на аналогичные памятники искусства византійскаго и западно-европейскаго, едва-ли извѣстные предполагаемымъ читателямъ (особенно часто упоминается церковь св. Марка въ Венеціи и соборъ въ Монреалѣ), и на литературныя произведенія, имъ совершенно неизвѣстныя (напр. Гамиліи монаха Іакова Кокцинобофскаго). Въ этомъ отношеніи спеціальное изслѣдованіе пр. А—ова и Р—ина было бы

болѣе доступно для неподготовленнаго читателя,—въ немъ есть, напр., довольно полный очеркъ апокрифическихъ Евангелій, сказанія которыхъ послужили сюжетами для нѣкоторыхъ фресокъ Софійскаго собора. Въ текстѣ часто встрѣчаются, безо всякихъ объясненій, различные спеціальные термины, которые тоже останутся непонятными, напр.: абсида, конха, нефъ, патера, лоронъ, стемма, далматика, оранта, деисусъ, (послѣднее слово опять полнѣе объяснено въ спеціальномъ изслѣдованіи пр. А и Р.). Наконецъ, по нашему мнѣнію, въ популярной брошюрѣ должны имѣть мѣсто только безспорныя положенія, а не личныя мнѣнія авторовъ, между тѣмъ въ настоящей брошюрѣ встрѣчается два такихъ мнѣнія: это оцѣнка мозаичныхъ изображеній Михайловскаго монастыря и мнѣніе о высокой культурѣ славянъ въ эпоху образованія ими государства, основанное на археологическихъ находкахъ, относящихся къ болѣе позднему времени. Распространяться объ этихъ мнѣніяхъ, принадлежащихъ пр. Кондакову, мы, впрочемъ, не станемъ, такъ какъ уже имѣли случай высказаться о нихъ на страницахъ «Кіевской Старины» (въ рецензіяхъ на «Русскія древности» —вып IV въ К. С. 1892 г. № 1 и вып. V—въ К. С. 1897 г. № 5).

Не смотря на всѣ указанные недостатки, брошюра пр. А—ова и Р—ина заключающая подробное описаніе и объясненіе важнѣйшихъ п памятниковъ кіевскаго искусства, можетъ принести большую пользу тому кругу чатателей, для котораго она предназначается (въ особенности, если чтеніе будетъ сопровождаться необходимыми разъясненіями); а многочисленные, прекрасно исполненные рисунки (числомъ 70), заимствованные изъ «Русскихъ древностей», еще болѣе увеличиваютъ ея цѣнность.

В. Щербина.

Корыстни звирятка. Кажанъ, йижакъ и зинське щеня (критъ). Напысавъ О. Степовыкъ. *Зъ малюнкамы. Изданіе Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. № 1. С.-Петербургъ 1899. ц. 3 коп.* [1])

Какъ извѣстно читателямъ «Кіевской Старины», въ декабрѣ минувшаго года въ С.-Петербургѣ возникло Благотворительное Об-

---

[1]) Кстати сдѣлаемъ поправку невѣрнаго извѣстія, сообщеннаго нами въ прошломъ номерѣ: „Общество“ не издавало книжки „Мале зернятко“, какъ было у насъ сказано (см. стр. 21-я, 2-го отд.).

щество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на понятномъ народу языкѣ, имѣющее въ виду удовлетворить, согласно § 1 своего устава, давно назрѣвшую потребность малорусскаго народа въ такого рода изданіяхъ. Къ сожалѣнію, первые же шаги дѣятельности молодого общества сопровождались крупными неурядицами, возникшими благодаря не въ добрый часъ поднятому въ общемъ собраніи еврейскому вопросу. Неурядицы эти вызвали пререканія на столбцахъ столичной прессы и дали поводъ нѣкоторымъ фельетонистамъ вдоволь позубоскалить и при сей удобной оказіи затронуть малорусскій вопросъ. Все это могло бы имѣть печальныя послѣдствія, убивъ въ зародышѣ доброе дѣло, но, къ счастью, лежащая передъ нами книжка даетъ право предположить, что молодое общество покончило со своими распрями и приступило къ мирной и давно ожидаемой дѣятельности.

Настоящая брошюра заключаетъ въ себѣ три популярныхъ естественно-историческихъ этюда, имѣющихъ цѣлью разсѣять укоренившійся въ народѣ предразсудокъ, будто три звѣрька (летучая мышь, ежъ и кротъ) являются вредными и опасными для человѣка животными и подлежатъ нещадному уничтоженію. Съ этой стороны, конечно, вышеупомянутую книжку надо признать желательной и полезной, тѣмъ болѣе, что составлена она толково и написана хорошимъ языкомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и другой вопросъ, а именно—нѣтъ ли въ народной жизни предразсудковъ болѣе опасныхъ, вопросовъ болѣе жгучихъ, для разъясненія которыхъ простолюдину особенно необходима помощь культурнаго человѣка? Отвѣтъ, кажется ясенъ... Гигіена, медицина, сельское хозяйство, вообще экономическія и правовыя отношенія—все это представляетъ для народа такія дебри, изъ которыхъ онъ не скоро еще выпутается. По этимъ вопросамъ можно и надо издать неодинъ десятокъ популярныхъ книгъ, что, конечно, потребуетъ немалыхъ денежныхъ средствъ, а ими-то врядъ ли въ достаточной мѣрѣ обладаетъ только что народившееся общество, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

С. Н.

Обозрѣніе журналовъ 1-й половины 1899 года.

Русская Мысль №№ 1—6.

Профессоръ въ деревнѣ. Н. В. Кропивницкой (№ 4, стр. 128—142). Маленькій очеркъ изъ жизни малорусской деревни, въ которомъ въ беллетристической формѣ дается образъ деревенскаго портного Андрія Кривого, прославившагося на весь околотокъ своимъ искусствомъ. Этотъ образъ, вызывающій въ читателѣ симпатію къ себѣ своей несчастной долей съ самаго дѣтства, нарисованъ авторомъ блѣдно, такъ что типъ ничего собой не выражаетъ. О томъ, что это типъ малорусскій, узнаемъ исключительно изъ словъ самаго автора, да изъ нѣсколькихъ разговоровъ, проведенныхъ на малорусскомъ языкѣ.

Еще о сельскомъ кредитѣ. В. Хижнякова. (№ 6, стр. 131—159). Въ статьѣ разсматривается состояніе волостныхъ сберегательно-вспомогательныхъ кассъ въ Черниговской губ., открытыхъ на основаніи Положенія 7 марта 1840 года, ссудо-сберегательныхъ товариществъ, а также сельскихъ банковъ, учрежденныхъ на основаніи устава 1883 года. Авторъ, какъ бывшій предсѣдатель Черниговской Губернской Земской Управы, хорошо знакомъ съ положеніемъ и дѣятельностью всѣхъ этихъ учрежденій въ губерніи, и потому въ своей статьѣ даетъ много интересныхъ фактовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв. (№№ 1—6).

В. Сергѣевичъ. Русская Правда и ея списки (№ *1, стр. 1—41).* Въ этой статьѣ дается характеристика различныхъ списковъ Русской Правды, которые авторомъ распредѣляются по тремъ *группамъ* или *фамиліямъ*. Каждая такая группа опредѣляется съ ея особенностями и устанавливается время составленія ея. Далѣе дѣлается обзоръ содержанія Правды, приводящій къ выводу, что содержаніе это не взято исключительно изъ какого-либо иностраннаго сборника, а представляетъ отраженіе современной составителю русской обычной и уставной практики. Что касается происхожденія Правды, то авторъ отрицаетъ въ ней оффиціальный характеръ, а видитъ слѣды частной работы; въ виду этого нельзя считать, чтобы Правда имѣла практическое значеніе, въ смыслѣ руководства при рѣшеніи дѣлъ.

Ѳ. Леонтовичъ. Сельскіе чиншевики въ Литовско-Русскомъ государствѣ. (№ 2, стр. 285—307). Статья эта, представляющая только начало работы (продолженія въ послѣдующихъ книжкахъ не было),

даетъ указанія на различныя научныя опредѣленія чиншевыхъ отношеній, при чемъ указывается литература предмета. Статья эта, не претендуя на полное и всестороннее разсмотрѣніе чиншевого вопроса въ западномъ краѣ, ограничивается лишь анализомъ доступныхъ въ настоящее время документальныхъ данныхъ, относящихся къ сельскихъ чиншевикамъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Въ статьѣ прежде всего разсматривается организація чиншевыхъ отношеній по средневѣковому нѣмецкому и польскому праву, въ связи съ римскимъ ученіемъ объ эмфитевзѣ.

Некрологъ А. А. Скальковскаго, составл. В. Р. (№ 2, современ. лѣтоп., стр. 84—86). Даны краткія свѣдѣнія о жизни и учено-литературной дѣятельности покойнаго.

А. Веселовскій. Три главы изъ исторической поэтики (№ 3—5). Эта статья представляетъ продолженіе начатой печатаніемъ еще въ 1894 году обширной работы автора въ области поэтики. Въ данныхъ книжкахъ журнала мы знакомимся съ теоріей синкретизма древнѣйшей поэзіи и начала дифференціаціи поэтическихъ родовъ, т. е.— первобытная поэзія сочетала ритмованныя, орхестическія движенія съ пѣсней-музыкой и элементами слова, и только постепенно стали выдѣляться обособленные роды поэтическихъ пѣснопѣній (№ 3 и 4). Разсматривая по этому поводу разныя формы проявленія поэтическаго творчества у народовъ некультурныхъ и цивилизованныхъ, авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливается на фактахъ изъ малорусской народной поэзіи (№ 3, стр. 85, 89, 91—94, 96).

А Шахматовъ. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (№ 4, стр. 324—384). Объ этой превосходной статьѣ было сказано уже въ нашемъ журналѣ въ № 6, отд. Библіографія, стр. 159, а подробное изложеніе содержанія статьи передано въ изслѣдованіи А. Крымскаго, Филологія и погодинская гипотеза» (см. № 9, стр. 295—307).

—

Сверхъ того, разсмотрѣны: «Вѣстникъ Европы» (№ 1—6) и «Начало» (№ 1—3 и 5, т. е. всѣ вышедшіе въ этомъ году номера), но въ нихъ ничего не оказалось относящагося къ Югу Россіи, кромѣ статьи М. Фридмана «Мечты и дѣйствительность» («Начало», № 5, стр. 29—49-я 2-го отд.), въ которой говорится объ извѣстныхъ артеляхъ, устраиваемыхъ г. Левицкимъ въ херсонской губерніи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Пѣсни Кубанскихъ и Терскихъ козаковъ для одного голоса и хора съ аккомпаниментомъ фортепіано, сборникъ *А. Бигдая*. Выпускъ IX.

Обширный трудъ А. Д. Бигдая, предпринятый имъ въ 1896 году, успѣшно подвигается впередъ: передъ нами лежитъ уже девятый выпускъ этой интересной работы, и въ непродолжительномъ времени, какъ мы слышали, имѣютъ появиться еще три выпуска, до 12-го включительно. Но и этими двѣнадцатью выпусками изданіе не ограничится, и составитель располагаетъ матеріаломъ по крайней мѣрѣ еще для восьми выпусковъ.

Послѣдній лежащій передъ нами IX выпускъ, составленъ по тому же плану, что и всѣ предыдущіе.

Представляя собою опрятно, на прекрасной плотной бумагѣ, изданную тетрадь въ 60 страницъ, выпускъ этотъ заключаетъ 40 пѣсенъ исключительно на малорусскомъ языкѣ; изъ нихъ одна половина пѣсенъ для одного голоса, а другая—для хора.

—

Bronisław Sokalski: «Powiat Sokalski pod względem geograficznym, etnograficznym, historycznym i ekonomicznym». Lwów, 1899. Naklad Museum im. Dzieduszyckich.

Обстоятельное изложеніе положенія Сокальщины (въ Галиціи), ея площади, границъ, водной сѣти, почвы и климата.

Отдѣлъ этнографическій заключаетъ въ себѣ главы о количествѣ и размѣщеніи населенія, характеристикѣ послѣдняго, обычаяхъ, обрядахъ, праздникахъ годичныхъ, «святахъ» (наиболѣе интересная часть книжки) и, наконецъ, о языкѣ; здѣсь же авторъ приложилъ словарь мало употребительныхъ выраженій, народныя «байкы» и нѣсколько пѣсенъ, сопровождающихъ работы. Затронуты также авторомъ стороны историческая (Белзъ, Сокаль, Крыстынополь, Тартаковъ и Угрыновъ) и экономическая. Въ концѣ приложенъ алфавитный списокъ городовъ, селъ и селеній, а также карта уѣзда (Gazeta Lwowska, № 203).

—

Въ № 191 галицкаго «Дѣла» помѣщена статья Івана Верхратскаго «Гоядюндя и собитка на угорскій Руси», содержащая этнографическіе матеріалы. «Гоя-дюндя» есть видоизмѣненное гагула, гагилка, гаивка,—названіе пѣсенъ, распѣваемыхъ молодежью на «Велыкдень» и въ свѣтлый понедѣльникъ; приведено нѣсколько варіантовъ. Вмѣстѣ съ этимъ приводится нѣсколько объясненій игръ: «качькы», «ступци», «крыжыкъ», «лопта», «гусята», «гàрьчикы». Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены и о «собиткахъ» (купальскомъ обрядѣ).

Въ № 217 «Дѣла» помѣщена статья П. П. подъ загл. «Зъ педагогічнои писательскои творчости Юрія Федьковича», въ которой приводится нѣсколько стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, изъ

«Читанки», составленной Федьковичемъ для народныхъ школъ, почему-то не вышедшей въ свѣтъ. Изъ стихотвореній приведены «Дытына, вогныкъ и мама», «Медвидь и бжолы», «Кинь и батигъ», «Наша хата», «Церковъ»; изъ прозаическихъ: «Перепелычка» (байка), «Убога тай богачка» (казка).

—

Въ № 196 «Beilage zuz Allgemeine Zeitung» помѣщена статья Ф. Кайндля «Bei den Rusnaken am Pruth und Dniester. Beiträge zur Volkskunde der Ruthenen (У Русиновъ на Прутѣ и Днѣстрѣ). Рядъ суевѣрій, и повѣрій, нѣсколько народныхъ разсказовъ. Оригинальнаго ничего нѣтъ.

—

Труды Черниговской губернской архивной комиссіи. Вып. 2. Черниговъ, 1899. ц. 1 руб. 20 к.

Вознесенскій I. Церковное пѣніе юго-зап. Руси по ирмологамъ XVII и XVIII вв. Вып. II. и III. Москва.

Малорусскіе разсказы. Изд. Прянишникова и Маракуева. Москва.

Малорусскія сказки. I вып.—3 к., II вып.—3 к., III вып. ц. 3 к., Изд. Прянишникова и Маракуева.

Воейковъ, Пастернацкій и Серпьевъ. Черноморское побережье. Ц. 3 р. Спб.

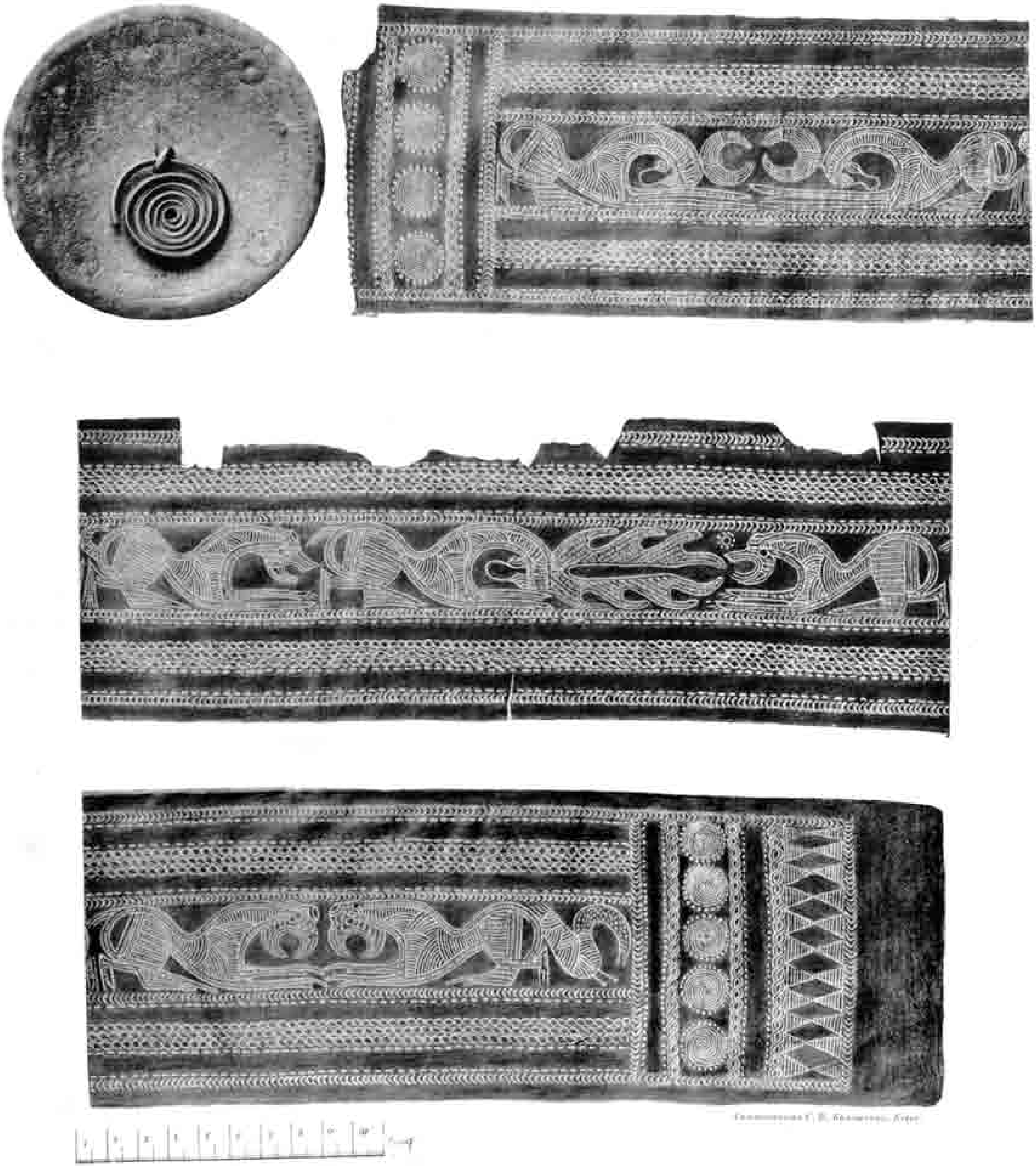
Родной край. Сборникъ матеріаловъ для описанія: Воронеж., Курской, Орлов., Черниговск. и др. губерн. Т. III. Орелъ, 1899.

Чешскій В. Задунайскіе Запорожцы Спб. 1899. Ц. 15 коп.

Г. С. *Сковорода,* украинск. филос.-пропов., стр. 15. *Я. Верховца.* Спб. 1899 г.

«Powiat trembowelski. Szkic geograficzno-historyczny i etnograficzny» *J. A. Baygera* Lwow, 1899.

Поступилъ въ продажу 2-мъ изданіемъ «Сбырнычокъ украинскихъ писень съ нотами». Одесса. Цѣна 20 к., съ перес. 25 к.



Мѣдный поясъ кавказскаго типа, найденный въ Кіевской губ.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки въ с. Ковацкомъ, Херсонскаго у. Берегъ Козака, притока Днѣпра у с. Козацкаго, носитъ слѣды поселенія, существовавшаго въ глубокой древности. При расчисткѣ въ 1896 г. земли подъ виноградникъ здѣсь найдено множество черепковъ отъ античной посуды и нѣсколько цѣльныхъ вещей: два круглыхъ металлическихъ зеркала, глиняная лампочка, нѣсколько глиняныхъ пряслицъ, мозаичная серьга, кремневый скребокъ и мн. др.,—все это хранится въ херсонскомъ археологическомъ музеѣ. Прилегающая степь покрыта множествомъ кургановъ различной величины, начиная отъ едва замѣтныхъ до высокихъ, съ вершинъ которыхъ открывается далекій горизонтъ. Интересуясь изслѣдованіемъ мѣстной старины, владѣлецъ имѣнія Козацкое, князь П. Н. Трубецкой, пригласилъ сюда на-дняхъ хранителя херсонскаго археологическаго музея В. И. Гошкевича, подъ руководствомъ котораго были вскрыты 7 и 8 сентября три небольшихъ кургана. Одинъ изъ нихъ, еле видимый, заключалъ подъ своей насыпью небольшую могилу, вырытую съ запада на востокъ; въ ней лежалъ скелетъ на спинѣ, ногами къ востоку, съ нѣсколько приподнятой головой; кисти рукъ покойника были сложены на тазовыхъ костяхъ; правая нога протянута, а лѣвая согнута въ колѣнѣ вправо. Въ другомъ курганѣ насыпь была повыше—около аршина; могила, глубиною въ два аршина, была вырыта въ томъ же направленіи отъ запада къ востоку. Интересно, что западная стѣнка могилы была устроена уступами, на каждой ступенькѣ лежала камен-

ная плита. Къ сожалѣнію, могила оказалась разграбленной: раздробленныя кости человѣка найдены въ могильной землѣ, а на днѣ могилы, у восточной стѣнки, оказалась полусгнившая рукоятка ножа,—желѣзнаго, судя по сохранившемуся въ рукояткѣ кусочку желѣза. Третій курганъ былъ еще нѣсколько выше: до $1^1/_2$ аршина. Могила въ немъ была также со ступеньками и также вырыта съ запада на востокъ. На днѣ могилы найдены конскія кости, а человѣкъ былъ въ небольшой пещерѣ, выдолбленной въ западной стѣнкѣ могилы. Покойникъ былъ зарытъ въ сидячемъ положеніи. Въ насыпяхъ всѣхъ трехъ кургановъ, какъ и въ самыхъ могилахъ, попадались большіе камни—мѣстный известнякъ—очевидно, нарочито туда уложенные. Кости всѣхъ трехъ покойниковъ настолько истлѣли, что при сдавливаніи ихъ между пальцами превращались въ порошокъ. Судя по устройству могилъ и способу погребенія въ связи съ указаннымъ состояніемъ костей, всѣ открытыя погребенія должны быть отнесены къ весьма отдаленнымъ временамъ. Князь П. Н. Трубецкой предполагаетъ въ будущемъ году продолжать изслѣдованіе кургановъ на своей землѣ. Найденные нынѣ въ могилахъ два человѣческихъ черепа князь любезно уступилъ херсонскому музею. («Югъ», № 436).

—

Площадки съ расписными сосудами въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уу. Кіевской губ. Въ концѣ сентября *В. Н. Доманицкимъ* произведенъ рядъ развѣдокъ, имѣвшихъ результатомъ открытіе у *сс. Колодистаго, Луковки и Песчаной, Звенигородскаго у. и Корсунки и Глубочка, Уманскаго у.* площадокъ съ культурой, сходной съ трипольской.

Впервые площадки обнаружены у *с. Колодистаго.* Въ восточной сторонѣ этого села, на склонѣ, ограниченномъ съ одной стороны огромной глубины каменоломней, а съ другой—ручьемъ Колодистымъ, замѣчена громадная площадь, болѣе 10-ти десятинъ, со слѣдами этой первобытной культуры. Собственно вышеупомянутая каменоломня и дала возможность констатировать присутствіе площадокъ. Занимаясь вообще изслѣдованіемъ окружающей мѣстности въ археологическомъ отношеніи, В. Н. Доманицкій обратилъ вниманіе и на разрѣзы почвы, образованные выемкой каменоломни. Въ стѣнкахъ ея, на глубинѣ около $^1/_2$ арш., встрѣтился пластъ пережженныхъ кирпичей и глины, толщиной также около $^1/_2$ арш., подъ которымъ находилась масса

разнообразной посуды, цѣлой и разбитой. Болѣе тщательное обслѣдаваніе привело къ слѣдующему: вся вышеуказанная площадь оказалась занятой площадками, которыя шли, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, параллельными рядами, по направленію съ запада на востокъ; всѣхъ рядовъ площадокъ замѣчено до 8-ми, но часть ихъ совершенно уничтожена добываніемъ камня, такъ что доступными для изслѣдованія осталось около 5-ти рядовъ. Непродолжительныя раскопки, которыя можно было произвести въ данной мѣстности, дали уже даволько много интереснаго матеріала. Мы здѣсь имѣемъ цѣлый подборъ сосудовъ изъ красной, желтой и темной глины, въ видѣ горшковъ съ коническимъ дномъ, чашъ и мисокъ, типичные биноклеобразные сосуды, представляющіе нѣкоторый варіантъ съ трипольскими, цѣлыя и разбитыя глиняныя статуетки, нѣкоторыя изъ нихъ фаллическаго характера, глиняное изображеніе птичьей головы кости животныхъ съ несомнѣнными слѣдами обработки, половину, кремневого отбивного ножа и раковины Unio pictorum. Многіе изъ сосудовъ украшены или вдавленнымъ орнаментомъ изъ точекъ, насѣчекъ, полосокъ, или расписаны красной, синей и черной красками. Въ одномъ изъ сосудовъ найденъ кусокъ кремня, оббитый со всѣхъ сторонъ, и кости какого-то животнаго. Слѣдовъ металла, какъ здѣсь такъ и въ другихъ мѣстахъ, пока не обнаружено.

Близъ *с. Луковки,* на фермѣ, принадлежащей священнику Н. Доманицкому и занимающей собой плоскогорье, окаймленное съ одной стороны рѣкой Гнилымъ Тикичемъ, а съ другой ручьемъ Колодистымъ, обнаружены подобнаго-же рода площадки. Упомянутое плоскогорье имѣетъ незначительный наклонъ съ сѣвера на югъ къ р. Тикичу, и болѣе значительный съ востока на западъ къ ручью Колодистому; площадки идутъ съ сѣвера на югъ въ 4 линіи; обнаруживаются онѣ на глубинѣ 3—4 вершковъ, и, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, сначала идетъ кирпичъ, сложенный въ 1, 2 и 3 ряда, а подъ нимъ культурный слой; послѣдній, вмѣстѣ съ кирпичемъ, достигаетъ толщины $^1/_2$—$^3/_4$ арш. Пробныя раскопки, произведенныя на 6-ти площадкахъ, дали тѣ-же предметы, что и раньше: расписные сосуды, сосуды въ формѣ биноклей, фаллическія статуетки. Нужно кромѣ того отмѣтить, что небольшой уголъ данной площадки отдѣленъ отъ остальной части невысокимъ валомъ, идущимъ отъ Гнилого Тикича къ ручью Колодистому въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ. Еще въ прошломъ году тѣмъ-же изслѣдова-

телемъ вскрыта находящаяся на валу могила, относящаяся повидимому къ той-же эпохѣ, что и площадки. [1])

Слѣды такихъ-же площадокъ встрѣчены у *с. Корсунки* (*Довеньке—тожъ*) на лѣвомъ берегу р. Горнаго Тикича (здѣсь м. п. найдено глиняное грузило въ формѣ усѣченнаго конуса съ поперечнымъ отверстіемъ у вершины), у *с. Глубочка* на правомъ берегу Горскаго Тикича и на полѣ *с. Песчаной*, въ углу, образуемомъ впаденіемъ р. Выси въ Синюху.

Настоящей осенью г. Доманицкій могъ произвести только развѣдочныя раскопки площадокъ; заслуживаютъ-же онѣ болѣе тщательнаго изслѣдованія, такъ какъ представляютъ большой интересъ для болѣе полнаго выясненія вопроса о площадкахъ, еще во многихъ частяхъ довольно темнаго. Но то, что добыто уже и теперь, имѣетъ немаловажное значеніе для вопроса о географическомъ распространеніи этой культуры.

Случайныя находки.

Возлѣ Княжей горы на береговой возвышенности, носящей названіе «*Велыке Городыще*». а также и вблизи ея въ теченіи истекшаго лѣта встрѣтилось нѣсколько находокъ, указывающихъ на то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поселеніемъ скиѳской эпохи. Находки эти очень типичны: куски посуды—ручной выдѣлки и греческой лакированной, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, бронзовыя булавки, привѣски (особенно интересно одно въ видѣ головы дикаго кабана). Въ послѣднее время тутъ-же найденъ цѣлымъ громадный сосудъ 45 стм. вышиной.

На самомъ кряжѣ Княжей горы, въ той части его, которая переходитъ уже въ поле, находился небольшой курганъ; онъ былъ раскопанъ въ 1898 г. Н. Я. Тарновскимъ, и оказался принадлежащимъ той-же скиѳской культурѣ. Приводимъ дневникъ раскопки этого кургана, сообщенный намъ Н. Е. Бранденбургомъ. Курганъ вышиной около 3 арш., подъ пашней; раскопанъ колодцемъ въ 8 саженъ діам. По снятіи насыпи на $1^1/_2$ арш., кругомъ колодца обозначился кольце-

---

[1]) Объ этихъ раскопкахъ см. „Археолог. Лѣтопись“ за апрѣль.

образный слой зеленоватаго глинистаго песку, видимо вынутаго изъ материка, до $^3/_4$ арш. толщиной, но на сѣв. и южной сторонѣ слой этотъ какъ-бы прерывался, образуя родъ двухъ неширокихъ проходовъ. Въ срединѣ колодца, на глуб. $2^3/_4$ арш. (отъ вершины кургана) обазначилась неправильная могильная яма, до 7 арш. въ поперечникѣ, заваленная красноватой песчанистой глиной; съ южной стороны ея оказались слѣды наклоннаго грабительскаго подкопа (ок. 2 арш. шир.), направлявшагося отъ края ямы къ вышеупомянутому южному проходу. По сторонамъ этого прохода, въ предѣлахъ колодца, рѣзко выдѣлялись два слоя: съ восточной—черный съ примѣсью углей и обгорѣлаго дерева, занимавшій до 2 кв. саж., а западной—слой красноватой пережженной земли, около 1 кв. саж.; наконецъ, съ западной-же стороны ямы лежалъ третій слой въ 2 кв. саж., состоявшій также изъ черной земли, съ большимъ содержаніемъ крупнаго угля. Всѣ эти слои были замѣтны и выше, такъ что имѣли въ толщину около 1 арш. На глубинѣ $4^1/_4$ арш. въ упомянутомъ подкопѣ найдены остатки челов. скелета, но въ безпорядкѣ, а около нихъ нѣсколько черепковъ терракотоваго росписного сосуда и орнаментированная пластинка изъ листоваго золота; кромѣ того, въ подкопѣ оказался еще развалившійся человѣч. черепъ, кость ноги крупнаго животнаго, куски красной краски, наборная бронзовая бляшка и бронзовая стрѣлка. Въ самой ямѣ, бывшей глубиной ок. 3 арш., близъ дна ея, найдено лишь нѣсколько разбросанныхъ и обломанныхъ костей человѣка и животныхъ, а также нѣсколько вещей, какъ-то: желѣзный молотокъ съ долотообразнымъ обушкомъ, три наборныхъ бронзовыхъ бляшки и 4 бронз. стрѣлки. Могила, очевидно, была разграблена еще въ древности.

—

На самой *Княжей горѣ* изъ цѣнныхъ находокъ послѣдняго времени можемъ указать на двѣ серебряныя замкообразныя серьги, украшенныя изображеніями птицъ на черненомъ фонѣ и на бронзовую, хорошо патинированную, пластинку съ грубо выгравированными на ней двумя человѣческими головами съ распущенными волосами, изображенными въ видѣ зигзагообразныхъ линій.

—

У с. Сахновки, Черкасскаго у. крестьянами случайно вскрыта могила скиѳскаго типа. При скелетѣ найдены 2 бронзовыя бляшки

въ видѣ заднихъ звѣриныхъ ногъ, бронзовый налобникъ съ птичьимъ клювомъ и конусообразныя бронз. трубочки—наборъ уздечки, затѣмъ большой желѣзный мечъ, 2 жел. наконечника копій, части жел. чешуйчатаго панцыря и много бронз. наконечниковъ стрѣлъ; изъ предметовъ украшенія оказались всего 2 бронз. булавки, бронзовый браслетъ и стеклянныя бусы.

Разныя извѣстія.

— *Поддѣлка классическихъ древностей въ Кіевѣ.* Въ послѣдніе два года стали появляться на кіевскомъ толкучемъ рынкѣ въ продажѣ мраморныя издѣлія, якобы древне-греческаго производства, найденныя будто-бы при устройствѣ кіевской гавани. Если-бы повѣрить древне-греческому происхожденію этихъ издѣлій, то слѣдовало бы признать, что на мѣстѣ нынѣшняго Кіева находилась одна изъ древнѣйшихъ греческихъ колоній, подобныхъ тѣмъ, какими усѣяны были берега Чернаго моря за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что эти издѣлія—новѣйшаго кіевскаго производства, довольно грубыя, по техникѣ далеко уступающія поддѣлкамъ очаковскимъ и одесскимъ. Въ прошломъ году пишущему эти строки привелось видѣть двѣ такія поддѣлки изъ мрамора, а именно, овальный медальонъ, представляющій грубое воспроизведеніе какой-то монеты понтійско-босфорскихъ царей, съ головой царя, змѣей, перекинутой черезъ столбъ, и съ неосмысленнымъ наборомъ греческихъ буквъ, и во вторыхъ, мраморную дощечку въ $^1/_8$ листа обыкновенной писчей бумаги. На лицевой сторонѣ этой дощечки вырѣзанъ бюстъ, якобы царя, а надъ нимъ трехстрочная греческая надпись, въ которой есть нѣчто похожее на *царя* и *кесаря,* но никакого собственнаго имени этого царя не выходитъ. 17-го сего сентября пишущему предъявлена подобная мраморная дощечка, найденная будто-бы на кіевской пристани. На одной сторонѣ этой дощечки вырѣзано рельефомъ двѣ змѣи, какъ-бы готовыя броситься одна на другую, и на другой сторонѣ—рельефная-же греческая запись, дающая ясный и

опредѣленный смыслъ, но такой, который самъ по себѣ уже изобличаетъ фальсификацію этого издѣлія. Какъ будто фальсификаторъ хотѣлъ зло насмѣяться надъ неопытнымъ покупателемъ, жаднымъ до классическихъ древностей! Три первыя строки этой записи представляютъ изъ себя греческій текстъ извѣстнаго ирмоса «Крестъ начертавъ Моисей», а четвертая состоитъ изъ неосмысленнаго набора греческихъ буквъ. (Кіевское Сл. № 4202)

—

На достройку *Кіевскаго музея древностей и исскуствъ Н. А. Терещенко пожертвовано 40.000 рублей.* Благодаря этому щедрому дару возможно будетъ уже въ настоящемъ году закончить какъ наружную, такъ и внутреннюю отдѣлку зданія музея.

—

Лѣтомъ настоящаго года Императорскимъ Эрмитажемъ былъ командированъ въ Кіевъ для разборки и оцѣнки лаврской находки хранитель нумизматическаго отдѣла эрмитажа А. К. Марковъ. Послѣ продолжительной работы А. К. Марковъ представилъ отчетъ Эрмитажу объ этой находкѣ и опредѣлилъ стоимость ея въ 65.000 руб. (вмѣсто 38.000 стоимости по вѣсу металла). Эрмитажъ предложилъ собору лавры уступить ему находку по вышеприведенной оцѣнкѣ. Но въ виду предложеній нѣсколькихъ фирмъ, дававшихъ гораздо большую сумму, духовный соборъ лавры передалъ вопросъ этотъ на усмотрѣніе свят. синода. По послѣднимъ извѣстіямъ, свят. синодъ далъ свое согласіе на уступку находки Эрмитажу; такимъ образомъ, много нумизматическихъ рѣдкостей останется въ Россіи и не уйдетъ за границу, что непремѣнно-бы случилось при вольной продажѣ находки.

—

Предсѣдатель херсонской губернской архивной комиссіи *Г. Л. Скадовскій* выѣхалъ въ Одесскій у., въ с. Козырку, сосѣднее съ с. Парутинымъ для изслѣдованія въ археологическомъ отношеніи этой мѣстности и производства раскопокъ кургановъ. Въ виду близости этихъ кургановъ къ городищу древней Ольвіи и частаго нахожденія здѣсь у обрывовъ р. Буга обломковъ греческихъ издѣлій и монетъ, раскопки эти представляютъ большой интересъ. («Югъ»).

—

Въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ, выставлена новая обширная витрина, въ которой помѣщается *бронзовый гробъ съ скелетомъ.* Кромѣ скелета въ гробу находится также нѣсколько серебряныхъ чашъ съ затвердѣвшей пищей, колчанъ и сабля; скелетъ охватываетъ золотой поясъ. Гробъ со всѣмъ содержимымъ въ немъ найденъ былъ въ прошломъ году при раскопкахъ проф. Н. И. Веселовскаго *въ Кубанской области.* Находку относятъ приблизительно къ XIII в. Скелетъ прекрасно сохранился. («Кубанск. Обл. Вѣд.»).

—

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ проф. А. И. Маркевичъ, И. Л. Линниченко и г. Ящуржинскій сдѣлали доклады *о рефератахъ XI-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.* Въ общемъ проф. Маркевичъ призналъ, *что Кіевскій съѣздъ 1874 года былъ гораздо плодотворнѣе.*

—

Послѣ долгаго перерыва вышелъ 2-ой выпускъ *«Чтеній въ церковно-археологическомъ обществѣ». Кіевъ, 1899 г.* Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Дача Кіево-Братскаго монастыря «Церковщина», П. А. Лашкарева, 2) О росписаніи стѣнъ и вообще объ украшеніи Кіевскаго Владимірскаго собора Н. И. Петрова 3) Археологическая находка на хорахъ въ великой церкви Кіево-Печерской лавры Н. И. Петрова. О первой и третьей статьяхъ мы уже имѣли случай говорить, 2-ая же непосредственно не касается содержанія нашей «Лѣтописи».

Памяти Н. Я. Тарновскаго [1].

Я познакомился съ Н. Я. лишь лѣтомъ 1896 года во время моей раскопки одного большого кургана въ Каневскомъ уѣздѣ, на которую онъ не замедлилъ пріѣхать верстъ за 10 изъ с. Лазурцовъ, узнавъ о моихъ работахъ, бывшихъ столь близкими его археологическимъ наклонностямъ. Кажется, именно съ этихъ поръ въ Н. Я.

окончательно укрѣпилась страсть къ курганнымъ изслѣдованіямъ, по-крайней мѣрѣ съ этого времени онъ отдался имъ вполнѣ, пользуясь всякой возможностью производить свои раскопки и притомъ уже систематически, съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ правилъ; не знаю, какъ было ранѣе, но, кажется, что если онъ и пробовалъ свои силы въ подобныхъ-же работахъ, то лишь, такъ сказать, случайно, въ качествѣ простого диллетанта, по крайней мѣрѣ по собственнымъ словамъ Н. Я., онъ тогда не имѣлъ еще подготовки и опыта и не усвоилъ значенія необходимости вести дѣло съ опредѣленной цѣлью и надлежащимъ образомъ, чтобы результаты работы получили характеръ научный.

Такъ начинали впрочемъ почти всѣ мы. Н. Я. однако быстро понялъ свои ошибки и, отнесясь съ полнымъ вниманіемъ и любовью къ получаемымъ практическимъ совѣтамъ и указаніямъ, отдался интересовавшему его дѣлу съ полнымъ увлеченіемъ и повелъ его раціональнымъ образомъ, стараясь въ то-же время ознакомиться полнѣе и съ археологической литературой. Не разъ онъ, напр., обращался и ко мнѣ лично, прося о высылкѣ той или другой книги и душевно радовался, когда ему удавалось добыть какое нибудь, уже сдѣлавшееся рѣдкимъ, изданіе. Я увѣренъ, что впослѣдствіи, когда-бы условія его жизни измѣнились, онъ составилъ бы себѣ обширную и прекрасную спеціальную библіотеку, тѣмъ болѣе, что владѣлъ иностранными языками и, слѣдов., имѣлъ широкій доступъ къ литературѣ; вообще, насколько я могъ узнать Н. Я., въ немъ были большіе задатки къ серіозной работѣ, такъ что, найди себѣ эти задатки ранѣе надлежащую почву, если-бы напр. Н. Я. своевременно примкнулъ къ мѣстному кружку людей, интересующихся научными вопросами, то изъ него выработался бы основательный археологъ. Но судьба судила иначе и скосила его въ самомъ началѣ новой его дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе Н. Я. успѣлъ оставить послѣ себя слѣдъ своей довольно обширной коллекціей мѣстныхъ доисторическихъ древностей, которую онъ собиралъ, не щадя издержекъ, какъ посредствомъ своихъ

---

[1]) 11-го сентября исполнился годъ со дня смерти Н. Я. Тарновскаго; что бы почтить память его, мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ „Лѣтописи" любезно доставленныя намъ воспоминанія о немъ Н. Е. Бранденбурга.

Н. Б.

личныхъ раскопокъ, такъ и при помощи своихъ спеціальныхъ агентовъ. Не разъ лично при мнѣ къ нему приносили разныя вещи не только изъ ближайшихъ окрестностей, но и изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній; не разъ случалось, что услышавъ о какой нибудь находкѣ, онъ летѣлъ самъ на мѣсто ея, иногда за 30—40 верстъ, несмотря ни на дурную погоду, ни на сквернѣйшія дороги, чтобы только не упустить случая, и въ результатѣ всего этого коллекція его заключала въ себѣ многіе предметы высокаго археологическаго интереса. Нѣсколько любопытнѣйшихъ находокъ было сдѣлано непосредственно и имъ лично; такъ, мнѣ извѣстна его раскопка одного кургана въ Черкасскомъ уѣздѣ, именно на Княжей Горѣ, гдѣ ему удалось сдѣлать даже важное, едва-ли не первое въ своемъ родѣ открытіе, именно констатировать существованіе могилъ бронзоваго вѣка въ среднемъ Приднѣпровьѣ, что до сихъ поръ отвергалось многими археологами, но, очевидно, преждевременно, такъ какъ въ упомянутомъ случаѣ Н. Я. открылъ глубокую курганную могилу съ слабыми остатками человѣческаго скелета, при которомъ между прочимъ оказался бронзовый цельтъ! Извѣстна мнѣ его-же раскопка въ Каневскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ нашелъ интереснѣйшій экземпляръ вооруженія Скиѳо-сарматской эпохи и друг. Вообще въ коллекціи Н. Я., сколько могу припомнить, находилось нѣсколько подобныхъ-же лично имъ сдѣланыхъ находокъ, представляющихъ выдающійся интересъ, но къ сожалѣнію оставшихся неизданными, но еще болѣе заключалось предметовъ изъ числа находокъ случайныхъ, скупленныхъ имъ изъ разныхъ рукъ, между которыми были, напр., очень рѣдкіе образцы оружія бронзоваго вѣка (особенно замѣчательны экземпляры короткаго меча и копья, пріобрѣтенные имъ за довольно дорогую цѣну); находились такіе рѣдчайшіе экземпляры, какъ, напр., боевой топоръ-молотъ изъ рога и др.; кромѣ того у него-же было собраніе мѣстныхъ находокъ римскихъ монетъ, не мало цѣнныхъ предметовъ позднѣйшаго княжескаго періода, былъ, напр., замѣчательнѣйшій въ своемъ родѣ экземпляръ прекраснаго съ перегородчатой эмалью энколпіона, собраніе разныхъ бытовыхъ древностей и т. д. Вся эта коллекція, подробно зарегистрованная покойнымъ, доходила до нѣсколькихъ тысячъ номеровъ, но какая участь ее постигла нынѣ, мнѣ неизвѣстно.

Да, жаль Николая Яковлевича, какъ начинавшаго и обѣщавшаго археолога; изъ него вышелъ-бы одинъ изъ усерднѣйшихъ мѣстныхъ

дѣятелей въ этой области и не пассивный лишь коллекціонеръ, но работникъ на пользу археологіи. Жаль, что онъ не успѣлъ даже издать собранныхъ имъ матеріаловъ, о необходимости чего не разъ говорилъ мнѣ. Нельзя не отмѣтить въ Н. Я. и той черты, что онъ на научные интересы смотрѣлъ шире, чѣмъ многіе. Кто напр. еще при жизни своей, будучи самъ рьянымъ собирателемъ древностей, рѣшился бы безкорыстно поступиться обладаніемъ нѣсколькими интереснѣйшими въ своемъ родѣ предметами въ пользу учрежденія правительственнаго или общественнаго? Въ коллекціи Н. Я. былъ любопытнѣйшій экземпляръ вооруженія Скиѳо-сарматской эпохи (мечъ, два копья, наборный кожаный поясъ и остатки колчана съ бронзовыми стрѣлами) и когда я намекнулъ ему, какой интересъ и значеніе имѣютъ эти предметы для собранія подобнаго рода древностей Историческаго Артиллерійскаго музея въ С.-Петербургѣ, то Н. Я. не поколебался подарить эту свою находку послѣднему! Другой разъ былъ доставленъ очень рѣдкій экземпляръ древняго шлема изъ одной курганной могилы, разграбленной кладоискателями и Н. Я., услыша мнѣніе (на этотъ разъ отъ другого лица), что подобныя вещи особенно важны для спеціальныхъ коллекцій того-же музея, снова не задумался пожертвовать шлемъ послѣднему!.. Имѣя напр. въ своемъ распоряженіи всѣ курганы на обширныхъ земляхъ своего отца, слѣдов., матеріалъ лично для него цѣнный и крайне интересный, онъ тѣмъ не менѣе въ уважительныхъ случаяхъ не дѣлалъ изъ него запрещеннаго для постороннихъ изслѣдователей плода и не только дѣлился имъ на пользу общую, но содѣйствовалъ даже своей личной помощью и притомъ безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ. Все это черты не заурядныя, рекомендующія ширину воззрѣній Н. Я. на научные интересы и много говорятъ въ пользу покойнаго.

Касаясь нравственнаго облика Н. Я., нельзя умолчать и о томъ, съ какою готовностью онъ всегда спѣшилъ на оказаніе медицинской помощи обращавшимся къ нему. Н. Я. обладалъ нѣкоторыми медицинскими познаніями, пріобрѣтенными имъ по собственной инициативѣ на спеціальныхъ курсахъ за границей, такъ что къ нему нерѣдко обращались за совѣтами даже не одни мѣстные крестьяне. Я самъ не разъ пользовался его помощью и не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ напр. въ его квартиру въ Лазурцахъ собирались десятками мужики изъ окрестныхъ деревень въ тѣ дни, когда мы съ нимъ произ-

водили раскопки по сосѣдству и могли пріѣзжать домой обѣдать. Несмотря на то, что, пробывъ на работѣ съ ранняго утра, мы оба крѣпко жаждали хотя-бы кратковременнаго отдыха, Н. Я. немедленно принимался за больныхъ, затѣмъ наскоро обѣдалъ и вмѣсто отдыха снова выходилъ къ нимъ, а покончивъ, уже надо было снова отправляться на работы; иногда въ эти промежутки ему проходилось даже уѣзжать за нѣсколько верстъ для поданія помощи заболѣвшему. Помню, разъ въ Черкасскомъ уѣздѣ, послѣ утомительнаго рабочаго дня, когда больше ни о чемъ и думать-то не хотѣлось, какъ лишь-бы скорѣе напиться чаю да лечь спать, къ намъ на убогой телѣжонкѣ пріѣхалъ какой-то мужикъ просить Н. Я. навѣдать больного, и измученный Н. Я., не взирая на усталость, немедленно потащился куда-то верстъ за пять... Признаюсь, мнѣ при данныхъ условіяхъ это показалось просто подвигомъ!

Какъ товарищъ на работахъ, Н. Я. былъ незамѣнимъ. Всегда готовый на всякое археологическое предпріятіе, всегда добрый и энергичный, не взирая ни на пыль, ни на жару, ни на дурную погоду, онъ былъ неоцѣненнымъ помощникомъ и сотоварищемъ. Немало дней и ночей мнѣ пришлось провести бокъ о бокъ съ нимъ то въ тѣсной крестьянской хатѣ, то въ палаткѣ среди поля, и ни разу онъ не возбудилъ противъ себя какого либо, даже скрытаго неудовольствія, хотя разница въ лѣтахъ между нами была большая. Деликатный и внимательный, онъ невольно подкупалъ къ себѣ; никакія лишенія его не пугали; хлебали, бывало, мы съ нимъ недѣлями на раскопкахъ и крестьянскій борщъ и щи собственнаго на керосиновой кухнѣ издѣлія, но это нисколько не вліяло на его настроеніе и не охлаждало рвенія къ работамъ, а между тѣмъ онъ въ жизни своей видѣлъ много, былъ членомъ семьи богатой, привыкъ къ полному довольству и въ свое время даже пожилъ очень широко, о чемъ любилъ вспоминать, иронизируя впрочемъ надъ ошибками своей молодости и называя себя въ шутку «когда я былъ аркадскимъ принцемъ»!.. Все это рисуетъ его добродушіе и невольно возбуждало къ нему симпатіи.

Н. Я., можно сказать, палъ жертвой своего увлеченія археологіей. Въ прошломъ августѣ онъ во время нашихъ совмѣстныхъ раскопокъ имѣлъ неосторожность, или несчастье, напиться дурной воды и зара-

зился брюшнымъ тифомъ. Вскорѣ затѣмъ мы перебрались въ с. Ромашки Каневск. уѣзда, гдѣ расположились въ палаткѣ на небольшомъ курганномъ кладбищѣ; здѣсь Н. Я. уже началъ чувствовать недомоганіе, но боролся съ собой и уже полубольной сдѣлалъ все таки со мной еще археологическую экскурсію по Днѣпру. Въ ночь на Успеніе погода вдругъ перемѣнилась, поднялся пронзительный холодный вѣтеръ, пронизывавшій насквозь палатку, и въ результатѣ мы оба простудились. Я отдѣлался отчаяннымъ флюсомъ, Н. Я. почувствовалъ себя настолько худо, что несмотря на свое самообладаніе вынужденъ былъ оторваться отъ своихъ любимыхъ раскоповъ и спѣшить вернуться въ свою новую резиденцію въ с. Пекаряхъ, гдѣ у него была на Днѣпрѣ усадьба. Не могу не вспомнить и тутъ объ одномъ фактѣ, рисующемъ всю неисчерпаемую любезность этого человѣка; Н. Я., зная, что мнѣ придется перенести раскопки въ Ромашкахъ версты за 4 отъ селенія и что ежедневно туда путешествовать будетъ довольно тягостно, счелъ возможнымъ пожертвовать своими личными удобствами и, несмотря на свое болѣзненное состояніе, отъѣхавъ верстъ 10, вернулъ обратно свою четверку лошадей съ экипажемъ въ мое полное распоряженіе, а самъ поѣхалъ далѣе на чужихъ! Кто другой это сдѣлаетъ!.. Таковъ онъ былъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ я могъ видѣть.

Покончивъ раскопку, я поѣхалъ къ нему въ Пекари проститься передъ моимъ отъѣздомъ изъ Кіевской губерніи. На дорогѣ встрѣтилъ его отца, возвращавшагося изъ Пекарей и передавшаго мнѣ, что хотя Н. Я. боленъ серіозно, но опасности нѣтъ, а между тѣмъ дни послѣдняго были уже сочтены... Въ Пекаряхъ, какъ оказалось, Н. Я. лежалъ уже на смертномъ одрѣ и умиралъ въ одиночествѣ, лишь среди своихъ любимыхъ древностей; при немъ находилась только сестра милосердія и два дня пробылъ я, не подозрѣвая, какъ и всѣ его родные, приближающейся катастрофы. Онъ находился въ полномъ сознаніи и, лежа въ постелѣ, попрежнему интересовался археологіей, глубоко сожалѣлъ, что не въ состояніи сопровождать меня въ Екатеринославскую губернію на дальнѣйшія мои раскопки и предавался будущимъ планамъ. Однимъ изъ послѣднихъ его мечтаній было принятіе у себя на исторической Княжей Горѣ въ Пекаряхъ предстоящаго въ 1899 г. Археологическаго съѣзда, когда послѣдній будетъ совершать свои проектированныя экскурсіи, и въ числѣ организаторовъ котораго онъ состоялъ въ качествѣ члена Распорядительнаго Комитета;

мечталъ сдѣлать пріемъ этотъ при особой археологической обстановкѣ, хотѣлъ встрѣтить съѣздъ на Княжей Горѣ при освѣщеніи ея вечеромъ кострами и смоляными бочками, встрѣтить хлѣбомъ—солью; его очень забавляла мысль, какъ будутъ «рабы» разносить вино въ древнихъ амфорахъ, занимало, какое оживленіе вызоветъ въ присутствующихъ эта оригинальная обстановка, какія рѣчи будутъ раздаваться на Княжей Горѣ, и т. д.; но помимо этого онъ еще болѣе интересовался будущей научной дѣятельностью съѣзда, на которомъ предполагалъ внести и свою лепту, именно сдѣлать докладъ о новыхъ находкахъ римскихъ монетъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ. Мечтамъ его однако не суждено было осуществиться;—28 августа я простился съ Н. Я., никакъ не думая, что вижу его въ послѣдній разъ, а недѣли три спустя былъ пораженъ извѣстіемъ, что 11-го сентября его уже не стало... Произошли какіе-то усложненія въ болѣзни и послѣдняя свела Н. Я. въ преждевременную могилу. Бѣдняга закрылъ глаза одинъ, въ своихъ любимыхъ Пекаряхъ, не имѣя утѣшенія видѣть около себя никого изъ близкихъ людей... Миръ праху твоему дорогой сотоварищъ.

Н. Бранденбургъ.

Н. П. Черневъ.

(*Некрологъ*).

3 октября скончался, послѣ продолжительной и изнурительной болѣзни, одинъ изъ видныхъ мѣстныхъ археологовъ Н. П. Черневъ. Покойный, сынъ генералъ-маіора, родился въ 1858 г. въ Оренбургѣ. Высшее образованіе покойный получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1880 году поступилъ на службу въ главное военно-судебное управленіе. Отсюда въ томъ-же году онъ былъ камандированъ въ военно-юридическую академію для слушанія спеціальныхъ курсовъ, гдѣ и оставался до 1881 года. Послѣ этого онъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ оренбургскій военно-окружной судъ, а вскорѣ затѣмъ, 22 авг. 1881 г., назначенъ кандидатомъ на военно-судебныя должности при кіевскомъ военно-

окружномъ судѣ. Но и поступивъ на службу, покойный продолжалъ свое самообразованіе и приготовлялъ магистерскую диссертацію «О преступленіяхъ противъ женской чести».

Въ Кіевѣ онъ предался наукѣ и оставилъ службу; особенное вліяніе имѣлъ на него проф. Кистяковскій, читавшій лекціи по обычному русскому праву.

Но 13 января 1885 г. скончался профессоръ Кистяковскій, и Н. П. Черневъ, встрѣтивъ неожиданное препятствіе въ своихъ ученоюридическихъ занятіяхъ, постепенно сталъ увлекаться памятниками русской древности, которыми такъ богатъ нашъ Кіевъ, и даже составилъ свою небольшую коллекцію русскихъ монетъ. Эти археологическія стремленія его опредѣлили собою дальнѣйшіе шаги его жизни. Въ 1887 г. онъ поступилъ въ С.-Петербургскій археологическій институтъ, гдѣ и окончилъ курсъ съ отличіемъ, со степенью дѣйствительнаго члена его. Въ 1890 г. онъ поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, гдѣ въ послѣдніе годы и до самой смерти занималъ должность старшаго помощника дѣлопроизводителя. Подкравшаяся къ нему въ этотъ періодъ жизни его злая болѣзнь не дала ему возможности выдвинуться далѣе на служебномъ поприщѣ. Но и въ этотъ періодъ времени Н. П—чъ не оставлялъ научныхъ стремленій своихъ, закончилъ свою магистерскую диссертацію и составилъ на свои не богатыя средства не большую, но рѣдкую, тщательно и осторожно подобранную коллекцію крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи изъ раскопокъ на Княжей Горѣ, близъ г. Канева и др. мѣстъ. Она экспонировалась во время минувшаго XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ одномъ изъ залъ новооткрытаго музея кіевскаго общества древностей и искусствъ. Даже и въ домашней жизни, и въ обстановкѣ покойный любилъ окружать себя предметами, носящими печать художественной старины.

Изъ этого уже краткаго перечня обстоятельствъ жизни покойнаго можно видѣть, что вся его сравнительно не долгая жизнь проникнута была упорнымъ стремленіемъ къ самообразованію, къ свѣту и истинѣ. И, дѣйствительно, рѣдко въ наше время, особенно въ провинціи, можно встрѣтить людей съ такимъ широкимъ образованіемъ и съ такою искреннею любовію и стремленіемъ къ научнымъ изысканіямъ въ области русской науки и въ частности археологіи, какими отличался покойный Н. П—чъ. Ученыя общества въ Россіи

цѣнили его богатую эрудицію и избирали его въ свои члены. Такъ, онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ кіевскаго юридическаго общества, С.-Петербургскаго археологическаго института, Императорскаго русскаго археологическаго общества, московскаго нумизматическаго общества, кіевскаго историческаго общества Нестора лѣтописца и церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи. Къ этому послѣднему обществу и особенно къ его церковно-археологическому музею покойный имѣлъ, можетъ быть, и по мѣсту своего жительства, особенно близкія отношенія: снабжалъ его дублетами изъ своихъ коллекцій и, совмѣстно съ А. Ф. Новицкимъ, составилъ описаніе монетныхъ коллекцій церковно-археологическаго музея, остающееся въ рукописи. Намъ извѣстны слѣдующіе печатные труды покойнаго:

1) «Нѣсколько словъ по поводу книги Его Императорскаго Высочества, Великаго князя Георгія Михайловича: «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія»,—библіографическая статья въ «Трудахъ Кіевской дух. Академіи», за іюнь 1886 г., и отдѣльными оттисками.

2) «Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ», С.-Петербургъ, 1888 г. (напечатанныя по распоряженію С.-Петербургскаго археологическаго института).

3) Quelques monnaies russes rares ou inédits. (Extrait de l' Annuaire de la Société française de numismatique, année 1888). Macon. 1888.

4) «Замѣтка о загадочной фигурѣ на монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго», Б.(олсуновскаго и Ч.(ернева). Кіевъ. 1889.

5) «Е. И. В. Великій Князь Георгій Михайловичъ. Монеты царствованія Императора Николая I. С.-Пб. 1890. F°. XII+281 стр., съ портретомъ и 41 таблицею,—библіограф. статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», октябрь, 1890 г., стр. 412—415, и отдѣльными оттисками.

6) «Историческія замѣтки о трехъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи» (Мазепинцахъ, Выдубицкомъ монастырѣ и Княжей Горѣ) въ «Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ», издававшемся въ 1890—1893 гг. покойнымъ Н. А. Леопардовымъ при сотрудничествѣ Н. И. Чернева и даже предпринятомъ по его идеѣ, вып. I, 1890 г. стр. 11 и 12.

7) «Замѣтка о неизданныхъ и рѣдкихъ монетахъ», тамъ-же, вып. 3—4, 1891 г. стр. 7—13.

8) «О нѣжинскихъ сребренникахъ съ именемъ Петръ», тамъ-же, стр. 21—28

9) «Нѣсколько словъ по поводу вновь найденнаго экземпляра «Ярославля сребра» скандинавскаго типа, въ «Трудахъ Московскаго Нумизматическаго Общества», первый полутомъ, Москва, 1893 года, етр. 97—102.

10) «Каменныя и глиняныя иконки княжеской эпохи», съ таблицею снимковъ съ 9-ти предметовъ, въ «Кіевской Старинѣ» за августъ сего 1899 г., въ «Археологической лѣтописи Южной Россіи»,— стр. 91—97, и въ особыхъ оттискахъ этой лѣтописи. Статья основана главнымъ образомъ на предметахъ изъ собственной коллекціи покойнаго.

Кромѣ того, покойный Н. П. Черневъ негласно принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіи къ изданію К. В. Болсуновскаго «Дрогичинскія пломбы, ч. I, съ XXI таблицей». Кіевъ, 1894.

Не можемъ указать другихъ печатныхъ трудовъ покойнаго ученаго, такъ какъ часто онъ по скромности или подписывался только иниціалами подъ своими статьями, или-же и совсѣмъ не подписывался.

Послѣ покойнаго Н. П. Чернева остались—вышеупомянутая коллекція крестиковъ и образковъ великокняжеской эпохи, полученныхъ изъ раскопокъ «Княжей Горы», и его магистерская диссертація «О преступленіяхъ противъ женской чести», въ рукописи, но совершенно обработанная и законченная въ научномъ отношеніи. И лучшею памятью по покойникѣ, а вмѣстѣ и подаркомъ для науки, было-бы пріобрѣтеніе археологической коллекціи его, въ цѣломъ ея видѣ, однимъ изъ кіевскихъ археологическихъ музеевъ и напечатаніе его магистерской диссертаціи въ какомъ-либо ученомъ журналѣ.

Н. П.

—

Не могу не прибавить и отъ себя нѣсколько словъ къ выше приведенному некрологу Николая Павловича Чернева. Я познакомился съ Ник. Павл., когда у меня только что проявились стремленія къ изученію памятниковъ мѣстной старины; въ лицѣ Ник. Павл. и жены его Ольги Морицовны, неизмѣнной спутницы его трудовой жизни,

живо интересовавшейся всѣмъ тѣмъ, къ чему лежало сердце покойнаго, я нашелъ людей дѣйствительно преданныхъ дѣлу, людей искреннихъ и отзывчивыхъ. Многимъ я обязанъ Ник. Павл., направлявшему мои первые шаги въ данной области; невольно вспоминаются тѣ частые вечера, когда въ небольшой квартирѣ покойнаго собирались люди, интересующіеся той или другой областью прошлой жизни, вспоминаются тѣ бесѣды, которыя велись по разнымъ вопросамъ нумизматики и археологіи, причемъ Ник. Пав., при его громадной эрудиціи, съ готовностью дѣлился своими знаніями, давая указанія и совѣты... Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; нѣсколько измѣнилась внѣшняя обстановка жизни, подкралась за тѣмъ болѣзнь.. Но не измѣнились симпатіи, не уменьшилась любовь къ дѣлу. Въ послѣднее время покойный еще съ большей энергіей чѣмъ прежде занялся собираніемъ и изученіемъ памятниковъ княжеской эпохи нашего юга; со всегдашней отзывчивостью согласился участвовать въ «Археологической Лѣтописи», въ которой и помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ. Уже будучи въ постели, среди приступовъ тяжкой болѣзни, Ник. Пав. продолжалъ интересоваться любимымъ предметомъ Трудно найти еще большую безкорыстную преданность дѣлу, какая была у покойнаго. Тяжело думать, что его уже нѣтъ...

Н. Б.

VII.

Затѐ жъ и для ихъ було̀ татусь и матуся! Рыбкы тамъ хорόшои достануть було̀, яловку вбьють, баранчя зарижуть,—и ры́бкы було̀ имъ, и мяса. А вже що мы, диты: пырожѐчкы въ повитци, чы тамъ яки други моторжѐныкы—„И дидови жъ пробѝ и баби!" и одно̀ передъ другымъ изъ рукъ у матуси! Те ка̀же: „Я однесу!" а друге: „Я!"

И вже було̀ оцѐ Велыкдень Божый прыйде, або̀ Риздво̀; на пѐрвый день гости не издять, не годытця,—и прыхо̀дять було̀ обо̀е. И ихъ було̀: и въ свитлыцю, и горилочкы, и всякои всячыны... по̀штуютця, идять любѐнько. Иноди було̀ й воны до сѐбе про̀сять, то й до ихъ идуть, и у ихъ тежъ. А зъ празныкомъ тамъ поздоровыть, посыпа̀ть чи-що̀—за̀вжды було̀ вже насъ посыла̀ють. Я николы не забуду, якъ мы було̀ щедрува̀ть до ихъ!...

Споряжа̀ють було̀ насъ, якъ отъ зъ кутёю до бабуси: и сорочки всимъ били, и всяку нову одѐжыну; стричо̀къ було̀ тилькы нема̀ въ застижкы, якъ тоди. Чого̀ се такъ ра̀ды щѐдрого вѐчора—не зна̀ю; тилькы, кажу,—такъ.

И вже якъ спорядять було̀ насъ, гурто̀мъ мы, зъ старо̀ю Кылыною—нянькува̀ла у насъ, коло̀ мѐншого бра̀та.

„Благословить, хазяине и хазяйко, щедрува̀ть!"

А воны, мовъ насъ и не сподива̀лысь, сыдять соби, а и понапикувано, и попрыбирано, и въ новыхъ сорочка̀хъ!...

„Щедруйте", ка̀жуть.

Мы и почнемо̀: Кылына заво̀дыть, а мы за нѐю. И якъ ужѐ „добрывечиръ, дава̀йте дохи́дъ!" — „Спасыби, прохо̀дьте", ка̀жуть, и просять садовытьця!

А якъ порозд**я**гаемось, яка̀ ушта намъ пиде!... И варѐныкы, и млынци (дуже смашни робыла ихъ ба̀ба Мыныха!), и груши, и яблука сушени. Тилькы лакомише всёго було̀—ти горихычорнобрывци, або̀ ще насиння зъ воло̀ськыхъ гарбузивъ: нигдѐ

булô такôго немà, якъ у ихъ; такъ уси булô й кàжуть, що у Мынъ правдыви волôськи гарбузы.

Тàкъ-то булô мы колысь!... Вонô ни ыгривъ не булô ніякихъ, ни крыку, ни гàму, якъ звычàйно диты любять, а вèсело булô!.. Якось такъ тыхо-вèсело, тепло-вèсело!... Мовъ оцè матуся коло сèбе, тèплымъ одіяльцемъ прыгорнула, и кàзочку тоби, про жаръ-птыцю, абô про ти садкы, де сôнечко ясно свитыть, витрèць тыхо віе-повивàе, а на яблунькахъ однô золотè яблучко, друге срибне, однô золотè, друге срибне...

Дидъ Мына було зъ Кылыною колô стôлу, тыхенько балàкають; а мы коло бàбы Мыныхы, на полу, и тилькы стукъ-стукъ горишкы! хрумъ-хрумъ!.. А та, то тому помôже, то другому! Та ще й прыговôрюе, шуткуе: „Пô лобу ёгô“, каже „Васюню, пô лобу! лулусь!“ Абô: „А ну, Мàню, якъ мышка, а ну?“ То Мàня и спрàвди, мовъ мышка: вхопыла двôма палюшкамы ядèрце, мовъ та лàпками, и грызь ёгô! та ще й голôвкою!..

Ыноди булô роскàзуе намъ, якъ ти горишкы збирàють мышы и билкы, и якый-то звирôкъ втишный билка, якъ на хвости литà. А ыноди и спрàвди кàзку яку роскàзуе, абô що ынше—вонà вже вмила, що пидъ такый часъ. И мы ыноди булô такъ заслухàемось, що й горишкы забудемо, товкачечкы зъ рукъ повыпадàють, а котрè—такъ и заснè!... А вона намъ тыхенько такъ, тыхенько!.. „Оттакъ“, кàже, „диточкы, и оттакъ та собàка просыла Бôга!“ то намъ и спрàвди, мовъ мы Бôга бàчымо и святôго Петрà... Поля велыкыи, хлибà высôкыи, кôлосъ ажъ до земли, а Богъ обшмôргуе кôлосъ, обшмôргуе: а собàка на заднихъ ногахъ, прôсыть Бôга: „Щô жъ я“, кàже, „заподіяла такè? зà що жъ мени“, кàже, „гынуты?“

А якъ поодягàють булô насъ до-дôму, пидхôпыть булô старый менè на рукы, тулыть-тулыть до сèбе, цилуе-цилуе!... а ыноди булô и заплакнè!... „Чомъ-то“, каже, „въ мéне немà такôгô малéнького хлôпчыка!“ (не булô у старыхъ дитей: булà колысь дочкà, та й та вмéрла). Ыноди булô такъ менé и ажъ до-дôму: шалю булô, бôроду ёму скребу, усъ въ ротъ запыхàю... Магырку зцуплю, волосся кудлаю... „Хи-хи-хи!“ було,—скрыпъ-

скрыпъ! мовъ... Хрестъ хыба тилькы тепѐръ надъ тобо̀ю скрыпыть, пра̀ведная душе!

VIII.

Хазяйствечко у покійныкивъ, якъ и попѐреду каза̀въ, гарнѐньке було̀: овечятъ було зъ десятокъ, коро̀ва, а ыноди й дви, воливъ па̀ра—гарненьке, кажу. И все те, зна̀ете, выкохане таке́, повнобо̀ке: звисно, за̀вжды воно́ скотына лучча, якъ іи и изъ рукава̀ ще, якъ то ка̀жуть. И якъ було́ стари втишаютця тымъ всимъ! А найпа̀че було̀ своимъ пивнемъ и своимы вола̀мы. Та не тилькы було̀ воны нымы втиша̀ютця, а и вси було̀ въ хутори.

Пивень у ихъ... винъ и про́стый соби бувъ доморо́слый такы, и не тѐ, щобъ сказа̀ть велыкый, або́-що—якъ и звыча̀йно пивень; тильки такый же то бувъ задыра̀ка, и такый лыхый!... Ёго́ вже такъ було̀ й звуть: Лыхый ка́жуть, або́: Задыра̀ка. „Чы ба̀чыте“, мовъ, „що́ ро́быть Мынышынъ Лыхый, або́: Мынышынъ Задыра̀ка?“ И такый же то винъ бувъ за̀вжды: задры́паный такый, обскубленый, грѐбинь ёму поклеваный, крыла мовъ деркачи. А вже що хвистъ, то не высять було̀ косыци, а по земли зза̀ду, мовъ помело̀; и въ грязюци таки, або̀ въ пищузи, глядя, де тамъ валаса̀вся, або де воювавъ.. Бо завжды було̀, тилькы ёму и дила, що воюе! Оцѐ було̀ тилькы де забачыть пивня, то вже и пустывся... и такъ же тоби, ажъ го̀лову простягне. А те помело̀ зза̀ду—тилькы ковыль, ковыль!... майтала̀етця... И якъ доженѐ, пидниме таку бучу, що й ихъ не выдно за пищуго̀ю,—тилькы пиръя вгори, мовъ подушку що̀ роспустыло! И вже, якъ було̀ тамъ ни побъють ёго̀, кровъ ажъ юшы́ть зъ грѐбиня, пиръя покострубачене; а наскубся, стрепенувся, пиднявъ го̀лову, и пишо̀въ выступцемъ, мовъ генора̀лъ якый въ пери! мовъ не ёго попобылы, а винъ попобывъ, и про̀би кукурику, та й кукурику! на̀ша, мовъ, взяла̀!...

Пречудны́й, кажу, бувъ вра̀жый пивень! Оцѐ було̀ идуть стари зъ до̀му, по̀ле тамъ, або̀-що: „Гляды жъ“, кажуть, „Задырако, стережы намъ хаты!“—шуткують, зна̀ете; то винъ нибы

и справди розуміе: заляпа деркачàмы, и „ку-ку-ри-кууу!“ Дȍбре, мовъ, дȍбре! И вже й справди не одійде одъ хàты, все кругȍмъ неи! И такъ же то напызытся тоби, надметця... и выступà такъ пышно, мовъ и справди Москаль на вàрти! Тилькы пызытця-пызытця, дмѐтця-дмѐтця, остогыдіе бидному, поскубтысь бы вже хоть трȍшкы,—такъ врàзьки жъ пивни по огорȍдахъ, та по токàхъ: звисно лито; то и почнѐ тоди, щȍ ни трàпытця. Собàка оцѐ навѐрнетця до хаты, стàла проты викнà и нюшыть, задрàвшы гȍлову, ласѐнько щось видтиля чутнȍ... кишка вылизла зъ-пидъ дверѐй, на сȍнци гріетця, товаряка прыйшлà почухатьця,—вже й пустывся: скàче, на спыну зхопывся собàци, абȍ товарюци—деркачàмы ля́па...

Врагȍвый Задырàка ыноди булȍ самъ ынàче розуміе, що чудный и ёму те неначе дуже подобалось, и такѐ булȍ ыноди вытвȍрюе!... Оцѐ булȍ якъ назбирàетця до Мыны на прыспу що-недили булȍ туды: посыди́ть, знàете, погуторыть; и татусь булȍ ыноди покійныкъ), и котрый: „А ну лыше́нь“, мовъ, „потанцюй!“ (бо вже винъ безпреминно тутъ: якъ такы, мовлявъ, щобъ така́ кумпанія та безъ ёго!) То той и почне́: задерѐ гȍлову, пидниме деркàчи и помелȍ,—и вытупцёвуе-вытупцёвуе прыгулькамы, нибы и справди танцюе!.. а ти ȍчи ёму червȍни, такъ и выдно, що тамъ регȍче посвȍему!.. Або выставыть булȍ якый чмутныкъ пидȍшву: „А щȍ“, кàже, Лыхый! чы будемо быться, чы будемо мырытьця?“ то вже той, звисно, не мырытьця, а быться, и кыгтямы пидȍшву, нȍсомъ. Ре́готу-реготу булȍ! А якъ ужѐ вхе́каетця,—„Гȍди вже“, кажуть, „тоби, гàспыде! наши й батькы булȍ: бьютця-бьютця, та й оддыхàють!“

Найчуднійшый же бувъ врàжый Задырàка, якъ булȍ дидъ Мына зъ лису,—зъ лозȍю тамъ и съ усячыною. Чы винъ вже ёгȍ такъ прывчывъ, чы, мȍже, булȍ зрадіе такъ... а мȍже, й чудны́мъ ёму въ такимъ рàзи здавався старый, почудувàть захȍчетця: якъ забачыть було, що той, мовъ бàйрачокъ, кажу, суне яромъ,—скількы есть духу до ёго и на той байрачокъ, на сàму верхню гильку! И же, якъ зберетця, кукурику та й кукурику на ввесь хутиръ: „Дыви́тця“, мовъ, „люде добри, яка

мы!“ Хихикае булǒ тилькы старый зъ-пидъ байрачка, а хто булǒ забàчыть ихъ, ажъ за жывить берутця!

IX.

Чуднишы ще, нижъ Задырáка, булы волы Мыныхы, Ёвдошкы, якъ ихъ звàлы...

Вы, мǒже, думаете, що, мовъ, колы такè мèння, то певно воны маленькы яки булы, сухорǒги, стрыбучи? Зовсимъ ни! Волы на выдъ булы, якъ и звычáйно волы: велыки, гнидои шéрсти, ажъ пидпàли, и рǒгы—вгǒру, кǒлесомъ. И якъ пасутця булǒ, абǒ лежять и ремыgають (въ робǒти ихъ булǒ николы не побáчышъ, не бувалы: зáвжды булǒ нàшимы), ничǒго такǒго, ѕдаѐтця, и немá. А нехáй лышень булǒ котрому до тимени шапку прывяжуть абǒ брыль, абǒ на рǒгы, та ще на супильци и „рыкъ-рыкъ!“ то тоди побачышъ, щǒ то воны за Ёвдошкы!.. Задерé хвистъ и якъ пиде пǒ полю гасáть, абǒ тамъ по толǒци, то й мéртвый бы, здаетця, зареготавъ: и скáче, и бéче, и головǒю крутыть!... И вже якъ и друга скотына буде, то й ту ще пиддрǒчуе ковызытця, такъ що ыноди и вся чередà за нымы. Се такъ старый прывчывъ, якъ булы малèнькымы. Якъ ничого булǒ робыть, прывяже котрому магырку на гǒлову и „рыкъ!“ ёму и на супильци, то те й скáче зъ-переляку, мовъ цаплѐне: „Танцюе!“ кàже,—втишáвся. И такъ потрǒху; бо якъ наскàчетця, то вынъ булǒ ёмý ще й хлиба, и всёго....

А найчуднишымы булы Ёвдошкы въ другǒму!... Опé, прымиромъ, пасýтця булǒ воны, и который зýздривъ (а вже такъ булǒ и зорять кругǒмъ), що тамъ хто на стерни спáть лигъ и одъ сǒнця котрáжку зробывъ, зъ свыты абǒ зъ рядна́, на трынижкахъ напявъ, абǒ снопы постàвывъ и на снопы накынувъ,—зáразъ тыхéнько до дрýгого, и бǒкомъ штовхъ ёгǒ объ бикъ!... „А ну“, мовъ, „онъ бачъ!“ и до тыеи свыты, чы до ряднá, и за кинéць.... а другый и соби за нымъ и за другый кинèць,—знялы тыхéнько и понеслы!... Абǒ въ хýтори тамъ, побáчять, що жинка сорǒчку розвисыла на тынý сушыть,—и сорǒчку тежъ: одынъ за одынъ рукáвъ, а дрýгый за дрýгый, розыпялы

—и пишлы геть пòручъ!... та ще поважно такъ, мовъ робботу якý рòблять: тилькы хыть! гóловамы тыхéнько хыть!... А òчи, бестіякы, такъ жмурять: „Геть“, мовъ, „бачъ, сорòчку сýшымо!...“

Якъ ужè прывчывъ ихъ Мына до сёго, не знаю; тилькы булò, якъ кажý: де вжé выситыме тамъ сорóчка, ряднó, свыта, абó якà дрýга одёжына.... абò шыбка розбыта, дирку заткнýлы —вже воны знимуть, выцуплять!“ И не те, щобъ тамъ зжувать; а такъ тилькы, почудувать. Подобáлось, бачъ, имъ, якъ у ихъ однимáють. Бо оцé булó якъ несýть щó, то й оглядàютця, чы не женèтця хто. И якъ не женèтця, несýть, и покынуть денéбудь; тилькы поженысь, то абó пидуть выстрыбомъ по всимъ усюдамъ, абó пидпýстять до сèбе, та й начнýть вовтýзатьця, нибы не хочетця имъ выпустыть одèжыны: упырáютця перèднимы и зàднимы, ревуть, гóловамы мотàютъ. Такъ що, якъ хто вже булò зна ихъ, и николы зъ нымы, абò боитця, щобъ не порвàлы, махнè рукóю: „Хай вамъ“, кáже, „прасýнокъ!... Колы́ вже вамъ хòчетця“, мовъ, „похызувáтьця въ моихъ штáняхъ, абó тамъ въ моéму кобеняци,—силькысь, похызуйтесь!“ то ти подывлятця-подывлятця, не однимà, и покынуть. А тилькы, кажý, поженысь, абò стань однимать, бýдешъ знать куциньбу: вывоможять тебé дóбре!

X.

Такіи-то булы ти Ёвдошкы! пречудніи, кажý!... Ёвдошкáмы жъ ихъ продражнылы...

У насъ, знàете, сусіда бувъ, Цёмохомъ звàвся, шынкарювàвъ. Высóкый такый бувъ, лобъ все булò мóрщыть, нибы дýма; а якый гàспыдъ винъ колы й дýмавъ: манý тилькы булò пускà! „Думаю!“ кàже... Глузують булò зъ ёго за те и було ёму брехèньку ту, про тогò ындыка, що, мовъ, хоть и не спива, та багáто дума... И въ тогó Цёмоха була жинка, Ёвдòхою звàлы. А Цёмохъ булó—Ёвдòшкою: „Ёвдòшко“, кàже, „Ёвдошко“! Молодá ще, знàете, людына булá, а самъ Цёмохъ литній вже чоловикъ бувъ, се вже друга жинка къ ёго булá. И такà жъ то щебетуха

була̀ вона́, та Ёвдо̀ха, жартовлыва! Було́ оце́ визьметця въ бо̀кы, тай почнѐ Цё̀мохови:

Ой ты старый дидуга́,
Ызогну́вся, якъ дуга́...

то винъ: „Ну́ бо, Ёвдошко, ну́ бо! Я“, ка̀же, „чоловикъ поважный, а ты та́къ!“ то та ще ёму́ ду́жче!...

Отъ разъ Цёмохъ той и лежыть у сѐбе на полу и розмовля́ тамъ зъ кымсь, и зза̀ду кватырка розбыта, диты, чы пья̀ныци тамъ (шынкарюва̀въ, кажу), и чымсь за̀ткнуто. А жинка куда́сь пишла́... Колы слуха—щось дырчыть за спыною; оглядуетця—за̀тычка такъ и лизе на двиръ, тя̀гне, выдно, хтось!... Цёмохови и прыйды въ го́лову, що то́ Ёвдо̀ха его̀ зъ нымъ пожартува́ть хо̀че (а то булы Мыныны волы). „Ну бо“, ка̀же, „Ёвдо́шко, ну бо!... Я пова́жный чоловикъ, а ты такъ!“

Попосміялысь же за те зъ Цёмоха до̀вго!... А воливъ ына̀ково вже було̀ й не звуть,—Ёвдошкы та й Ёвдошкы!... И було́ оцѐ на току́, або̀ коло другои яко̀и робо̀ты, а котрый Ёвдо̀шка по гордо̀у тамъ, чы-що́,—и почнуть було́ прыклада́ть: „Ну бо, Ёвдо́шко, ну бо!... Я пова̀жный чоловикъ, думаю, а ты такъ!“ то було̀ Цёмохъ ажъ сидаетця...

XI.

Оджѐ жъ, яки ни булы ти Ёвдошкы и той Задыра̀ка, и якъ, кажу, ни любылы и ни поважа́лы старыхъ, найшлысь такы люде!... И поперѐдъ усёго Задырака бидный!

Се було́ якъ разъ того̀ ро́ку, що и перва холѐра, такъ въ Велыкый пистъ, на другимъ, чы на трѐтимъ тыжни. Выхо̀дыть разъ Мына зъ хаты, колы сыдыть Задыра́ка коло́ дверѐй, и такъ яко̀сь и го́лову повисывъ!... „Я“, роска́зуе було̀ покійныкъ, „ще и засміявся! и кажу ёму: „Чого́ се“, мовъ, „ты, Задыра̀ко, го́лову такъ повисывъ?“ Звисно, старый думавъ, що такъ чого̀ надувся пивень. Колы Задыра̀ка такы сыдыть: лупнувъ тилькы очыма, та й ни зъ миста. То було̀ за́разъ пидско́чыть, почне́

яки штукы выкыдувать, ато́—сыдыть и хоть бы тоби зворухнувся! Бидного Мыну нына́че щд̀ торкнуло: а визьмы, мовъ, та подывысь! И взявъ!... колы дивитця, пра́ва нижка раʒтрд̀щена, а зъпидъ пра̀вого крыла̀ кровъ такъ и цыбыныть... „Ой лышечко жъ мени!“ крикне, и въ хату!... „Подывысь“, каже, „стара́, щд̀ оце́!“ Та щд̀ й роска́зувать! Щось, выдно, лома́кою оперищыло, абд̀ переихало са́нкамы. До вѐчора й нижкы выпроставъ.

И якъ ужѐ пд̀тимъ ни допытувалысь,—ничд̀го не допыта́лысь! Мыныха жъ покійныця ничд̀го ще соби, а вже що дидъ Мына—нибы другымъ чоловикомъ зробывся: ни за я́ку булд̀ пра́ве рoбд̀ту не прыйметця, мовъ не свій булд̀ хо̀дыть, и ажъ змарнивъ. „И моя́ вже, выдно, чѐрга скд̀ро“, каже було́, „колы Задыра́ка... „и не договд̀рыть бидный. Покійныкъ татусь и други: „Та го́ди!“ мовъ, було́ ёму, „хыба́ се первына́, що леда̀чи люде!“—„Э, ни!“ ка́же... „Се вже вонд̀“, ка́же, „не да́ромъ!... се вищунъ, ма́буть, мени!“ Ніякъ булд̀ и не розва́жышъ ёго́.

Се жъ такъ на другимъ чы на трѐтимъ тыжни, а въ Вѐрбну суббд̀ту и Ёвдошкы!... И теперъ, якъ згада́ю, то и о́страхъ мене́ берѐ, и ажъ се́рце болыть.

XII.

Бувъ тамъ у насъ, знаете, копытанъ одынъ одставный Билымъ прозывався. Недале́ко такы й жывъ одъ насъ, такъ за мылю, абд̀ й тогд̀ мѐнше, въ Сыча́хъ: тамъ есть хутиръ Сычи, то винъ въ Сычахъ тыхъ и жывъ. Невелычке було соби той копытанъ, стербелькува̀те, и за̀вжды похнюпывшись и насупывшысь; тилькы дд̀брый чоловикъ бувъ, неха̀й царствуе, дуже добрый! И розумный такый бувъ: кныжд̀къ у ёго було́ и папе́ривъ вся́кыхъ страхъ скилькы! Якъ дошо́въ литъ, изджу бyло́ до ёго, и винъ було́ до ме́не ыноди наизджае,—зовсимъ ни гордовытый бувъ. И якъ розгуторытця було́ (а не дуже-то любывъ покійныкъ бала́кать), то якъ почнѐ було́ якъ почне́,—слухаю булд̀ ёгд̀ и не наслухаюсь!

И у тд̀го копыта́на кла̀поть земли бувъ колд̀ на̀шои. Страткивщыны (урд̀чыще такъ звѐтця Страткивщыною), якъ разъ пд̀-

ручъ зъ нашымъ, и байрачокъ. Байрачокъ той колысь, выдно, и хорошенькый бувъ, тилькы потимъ запустылы: звисно, той тамъ въ школахъ, потимъ въ виську, хазяина доскона́льного нема́; а вже якъ опе́ка та крепакы,—бода́й такъ и не хазяинува́ть! Хиба́ хто не хотивъ, то не руба́въ, або́ не пасъ. И нашы пастухы ыноди тежъ, якъ пасуть було коло Стратки вщыны: разъ же, що трудно такы за́вжды й встерегтыся: поручъ, якъ кажу, було зъ на́шымъ; а друге—чомъ, мовля́въ, скотыни и не пожывытьця, колы нихто́ не заброня́? Якъ же прыихавъ копытанъ на хазя́йство и побачывъ те все (а хазяиновытый бувъ дуже покійныкъ). „Ни,“ ка́же, „такъ не мо́жна!“ и ба́йрачокъ гарненько вычыстывъ, насадывъ ще де́рева и обкопавъ ровомъ— не ходы, мовъ!... Такъ куды тоби! и другыхъ було такы, и нашы! Прывыкло, зна́ете, те все; покы-то одвыкне, кажуть, за возомъ, то й безъ во́за!... Ну, и скотына вправылась, катъ ій и вде́ржыть. Вже копытанъ похваля́вся, що, мовъ, буду скотъ стреля́ть“, а все такы було́ ыноди....

Отъ и прыиздыть винъ разъ до того́ ба́йрачка, такъ на провесни, якъ разъ въ ту Ве́рбну Суботу, та ще и зъ рушныцею: „Гусе́й дыкыхъ“, дума, „настреляю“, бо тамъ за́вжды дыкыхъ гусе́й було багато.

Ну, прыихавъ винъ, и коня тамъ чы зпутавъ, чы-що, а самъ за кущъ и пиджыдать, покы наблызятця, бо цилисинькый табунъ ходывъ. Чы до́вго винъ тамъ сыдивъ, чы не до́вго, пиджыдаючы, колы, слуха—ло́мытця щось, ломытця ба́йрачкомъ!... Гусы й головкы попиднима́лы!... А дали—гупъ-гупъ! черезъ ривъ.... Ти такъ и шарахнулы, тилькы залопотило!... Копытанъ ажъ зубамы заскреготавъ, и зъ-за куща́: „Я жъ вамъ“, дума! „сяки-таки!“—думавъ, що пастушкы. Колы дывытця — па́ра воливъ, Ёвдошкы бидни!... та ще й шене́лію його́ (положывъ, ій тамъ, зъ того́ бо́ку) розыпялы и несуть!... „Якъ побачывъ я се“, роска́зуе було́ потимъ,—„такъ“, каже, „и кынула мени въ го́лову кровъ!... Що це?“, ка́же, „думаю, сміютця надо мно́ю, чы-що? На посміховыще я имъ здався?“ Та що́ й каза́ть, Молоде́ ще було́... та й не зна́ло, що у насъ, колы зъ тобою

такъ, піимай и дай пастухови прочухана, або займы скотыну и візьмы за спашъ, наветь поморы іи трохы голодомъ,—се такъ, се по-нашому! Якъ що за діло, нихто й не осудыть тебе, всяке скаже: „Що дило, то дило!... Якъ правда, то й не грихъ!“ Якъ и безъ дила,—ну „дурень“,скажуть, або „здырщыкъ“, и все такы ничого. А вбыть скотыну, та ще вола: воно жъ то помищныкъ чоловикови у насъ!... винъ зъ нымъ кривавыцею добува той насущныкъ!... не будь у насъ вола—чоловика бъ у насъ не було!... Єму й самому стукнуло въ голову, якъ збигся народъ, и побачывъ винъ... та не вернетця!... Я николы того не забуду!...

Я бувъ тоди саме коло Стратківщыны, коло орачивъ—зачымсь верхы пославъ мене туды покійныкъ татусь. И Мына дидъ тутъ же бувъ чогось, и вси ничого, байдуже: смутный тилько старый бувъ, якъ и завжды писля Задыракы бидного... Колы слухаемо—за кряжемъ, коло того байрачка, выстрелыло, и такы добре чутно; бо тамъ знаете, байракъ, а тутъ гаёкъ блызько, такъ луна.. „Ого“, кажуть орачи, „та сей не абы-якъ погрюкуе.... певно се копытанъ гусей такъ!“—а гусей, справди, цилый ключъ зъ-за кряжу... А я: „Поиду“, думаю „подывлюсь!“ и пустывся—зъ-малку любывъ мыслывство. Колы добигаю до кряжу, назустричъ нашъ пастухъ. „Євдошокъ“, крычыть, „вбывъ копытанъ!“ и такъ и вдарывся объ землю!... Я вже не знаю якъ и туды... А народъ туды видусиля, хто бувъ блыжче орачи тамъ, то-що (звисно пидъ таку пору въ поли), и ґвалтъ такый, крыкъ!.. Прыбигаю—бидни Євдошкы по сей бикъ рову, поручъ, одынъ на одного повалылысь, доходять... и коло ихъ народу вже десяткивъ зо два—и дывытьця наветь страшно! „Вбыть єго“, крычять, „вбыть, якъ винъ побывъ!... Щобъ то“, кажуть, „Божу скотыну та такъ!“ и ажъ рукы до неба знимають!... А той по тимъ боци рову, спыною до дерева. Ничого бъ, здаетця, єго й знать, и блидный такый, а очи такъ и свитятця!... И якъ народъ насуне на ривъ, щобъ-то убыть, якъ кажуть,—за курка и до щокы!... И такъ, покы й Мына зъ нашымы—добигъ такы пастухъ и росказавъ. А якъ прыбигъ бидный Мына

и упа́въ на Ёвдошо́къ, забулы и про тôго... И вже й росказа́ть немôжна, щó тамъ робылося!... У нашого й усъ вже сывый... На́веть кинь мій... якъ прыбигъ Мына и прыпавъ до тыхъ, я зскôчывъ и соби въ нымъ... Зпе́ршу харапудывся, хрипъ: а дали блыжче, блыжче... пôнюхавъ и мôрдою одного́, другого... „Встава́йте!“ мовъ... „Чогô“, мовъ, „вы?“ Не встають небора̀кы! Догада́вся, выдно, и якъ ставъ надъ однымъ (дужче, выдно, любывъ ёгô), и якъ повисывъ гôлову... а слёзы по хра́памъ тилькы капъ, капъ, капъ!...

Якъ Мыну одырва̀лы одъ Ёвдошо́къ, не зна̀ю, не памятую гара́здъ: одъ жалю и одъ плачу мовъ прыглушеный ходывъ. Памятую тилькы, Самсёненко Свырыдъ (коза̀къ бувъ Самсёненко, такый высо́кый и тако́го сурôвого лыця бувъ чоловикъ), якъ ужѐ одвелы Мыну геть, повернувся до тôго,—а самъ Мына ни сло́ва ёму: „Ты жъ“, ка́же, „сякый-такый поижъ ихъ самъ! чуешъ? Самъ, кажу, поижъ ихъ!... бо тилько ты та ще хиба скаже́на соба̀ка!“ А той хоть бы тоби словѐчко!... ôчи въ землю, рукы на́вхресть и рушныця геть!... Колупнуло, выдно, що не *воливъ*, мовъ, се винъ тилькы... и якъ-бы кынулысь тоди до ёго, пе́вно и вбылы бъ, то и па́льцемъ бы не ворухнувъ, и сло́ва бъ не промôвывъ!... Лежа́чого тилькы въ насъ не бъють.

XIII.

Писля тôго недôвго вже бидный Мына корота̀въ викъ свій! И тоди ще, хто ба̀чывъ, якъ я зъ нымъ до-дôму: „О“, ка̀жуть, „не дôвго вже ему рястъ топтать!“ Бо вже я допровадывъ ёгô: ына̀че паморокы ёму зовсимъ забыло, абô, боро́нь Боже, змыслъ стра́тывъ. Оце́ йде йде, а я за нымъ и коня за пôвидъ, та й ста́не. И дума-дума, вибы щô зга́дуе, и вѐрнетця наза̀дъ, або́ въ бикъ куды, або́ сяде на зѐмлю... „Вста́ньте“ кажу, «дидусю!... Онъ ха́ты нашы; бабуся жде“ (и самъ, зна́ете, а все такы, побидо́ моя!) то винъ: „Угу!“ ка̀же, и, якъ малёнька дытына, послухаетця!... А якъ вывернувся зъ чôвна (ужѐ Богъ ёгô зна̀,

якъ бы, здаётця, такóму рыбàлци! Пѐвно вже такъ судылося!... Якъ разъ въ Страстный понедилокъ!) и якъ вхопывъ ёгó тогó жъ такы вѐчора жаръ, вси такъ и зложылы: „Не жывотить вже“, мовъ, „ёму!... дуже вже багàто на одни плéчи“ хоть и не говорывъ объ тимъ нихтò, бо якъ такы объ дидови Мыни та таки рéчи!...

И спрáвди, на сáмый Велыкдень... такый вже той Велыкдень бувъ! Ще якъ и готóвылысь до ёго, на Билій недили: паскы пеклы—не булó бáбы Мыныхы; розсылáлы и дилылы—тежъ не булó... Все чогóсь нибы немá, все щось нибы не такъ! Тò булó вѐсело такъ въ си дни, смихъ, бигають, збирáютця, атó й гóловы повишалы! А якъ вмеръ въ дóсвита, опричъ татуся, та й то, що зъ вéчора ще поихавъ, нихтó й въ цéркви не бувъ.... за гóремъ забулы, що й свято такé Богъ давъ!... Та що й казáть! Якъ згадáю, що тоди діялося у насъ, мовъ абó сóнечко прáведне тоди минылося, абó пожéжа велыка йшла, дымъ ёго вкрывъ: жовтымъ такымъ все мени, и мовъ яки тéни сновыġáють.... И одéжа бъ на кóжному велыкодна, нибы-то воны й празднывують, а все таке сумнé!...

Бильше всёго въ пáмятку мени, якъ ужé пипъ прыихавъ ховáть. На полу сыдилы якись жинкы, и я зъ сéстрамы, и зъ братáмы, доставáлы зъ макитры кóржыкы и давáлы намъ. Колы хтось въ хату: „Пипъ“, кáже, „прыихавъ!“ Незабáромъ, спрáвди, пипъ у хáту, а за нымъ й татусь, й матуся, й багáто нарóду—а пипъ тоди бувъ у насъ старый такый, отéць Мыхаилъ, любылы ёгó вси дуже!

. . . .

Пидвелы й менé попрощáтьця зъ покійныкомъ!.... Такъ насупывъ брóвы, мовъ, думку яку велыку дума... и óчы такъ дуже зажмурывъ: „Не на вмирущого!“, казáлы.... На óчахъ олыва, а на лóби винчыкъ....

XIV.

Незабáромъ за Мыною и бáба Мыныха: не дóвго ждавъ іи покійникъ на тимъ свити!

Якъ вмеръ винъ, не плáкала вонá за нымъ, не вбывáлась, Не безъ тóго, мóже, щобъ тамъ такы, чогó не булó; а все не такъ, якъ други: чы вже у нéи такá натура булá, чы мóже, що покійныкъ вмеръ якъ разъ на сáмый Велыкдень, та ще до схидъ-сонця, Богъ іи святый знáе!... Того усмиху вже тилькы не булó, що бувъ колысь. Оцé скáжуть щó, шо отъ якъ и колысь; то й хоче усмихнутьця, та бы ій усмихнутьця. тилькы скрывытця.... и такъ же тоби, що лучче бъ ужé вонá заплáкала, нижъ оттáкъ смыятьця. Та мовчязнá ще стáла и такá якáсь.... Тó булó хоть й тыхо вонá зáвжды, та все такы знáешъ, що отъ вонá прихòдыла, чы-щó, що вонá такы въ хутори; атò мовъ іи й на свити немà, абó хоть и жыва ще, та десь ынде жывé, не побачышъ іи, а тилькы почуешъ, що, мовъ, бàба Мыныха.... Оцѐ до матуси ий нужно: попѐреду—въ хàту булò, скàже добрыдень тамъ, чы добрывечиръ, посыдыть, погуторыть, и вже потимъ и объ дили; а тепѐрь—то хибà якъ та до комиръ, абó-що, и такъ, мовъ вонà и не прохòдыла огорòдомъ, абó дворóмъ, абó тамъ якъ-нéбудь...

„Оцé вы до комóри?“ кáже: „дàйте мени, будьте лàскави, вощѐчку!“

„Дóбре, бабусю! Идить же въ хàту, посыдьте тамъ, я зàразъ прынесу.“

„Та я тутъ пидожду, покы одрубàете“, и пиде въ комòрю за матусею, й матуся вже й не усылóвуетця (вже знáла, що ій вáжко буты зъ людьми), и одрубá скорише.

И такъ вонà, покы и вмерла! Такъ що въ послидне врéмя ридко вже іи булó хто й бàчыть, особлыве, якъ, переселылась зовсимъ у пàсику. Іи й одговòрювалы, що, мовъ, нехàй бы вже та пàсика, когó другого туды, а ій отдыхнуть вже порá, на покóй; такъ ни! Не тилькы не послухалась, а и зòвсимъ, кажу, переселылась въ хливѐць: тамъ булó и днюе, и ночуе. Покы жъ ще не булó холéры, все такы булó ыноди—мы навидаемось,

харчъ повезуть, абò такъ хто въ полé; а якъ настàла холèра, прàве забулы, що й есть воня́ на свити!!! И не дывуйтесь! Диты батькивъ и матерèй тоди забувáла, батькы и матери дитéй!... Тоди холера у насъ булá не те, що пòтимъ, люды всяку робòту покынулы, задвиръ прàве було нихтó и ногòю! Вмре булó хто въ степу, проижжачый якый, абò чоловикъ по якій нужди велыкій поиде, пошлють тамъ паны, абó одъ уряду; то такъ и лежыть въ поли непохованый... Та и въ селахъ и хуторàхъ: якъ що лучытця нужда, то ніякымъ Бóгомъ не допрòсысся булó, щобъ хоть въ двиръ до тéбе заглянулы: боялысь, що прылыпне, щобъ не занесты до сèбе. Кажу, диты батькивъ и матерèй цуралысь ыноди, батькы и матери дитéй! Въ ыншихъ дворàхъ: бàтько булó на горыщи, мáты—въ пòвити, диты тежъ де-нèбудь... и булó й идять нарызно и обхóдять однó другóго... Тымъ-то, кажу, пидъ той часъ праве забулы, що чы есть и на свити бàба Мыныха. Одымчыть булó который вóзомъ, вечеркòмъ, въ тры дни, абó въ чотыри дни разъ, харчи тамъ и воды барыло, та й тилькы. Та й то ще: якъ-бы не татусь покійныкъ, нихтò бъ и не догадáвся... и попогарыкае булò ще, покы зберутця!

Тилькы разъ такъ и послáвъ покійныкъ ниччю (прыпизнылысь, знàте, лаштуючысь, та днемъ и боялысь такы дужче, шобъ зъ кымъ не зустриться), и пытà на другый день: „А що“, мовъ „одвизъ ты вчора баби?“.

„Одвизъ“, каже наймытъ.

„Що жъ, все тамъ благополушно?“.

„А Богъ èго, каже, знае“!... „Я, каже, не розглежувавъ, а баба не одзывалась“.

Татусèви дывно стало, щобъ то баба Мыныха не почула, якъ той прыиздывъ, и—„А якъ“, мовъ, „тамъ? чы жыви, чы здорови?“.

„Якъ“, каже, „не одзывалась?“... „А ты жъ“, каже, „до неи одзывався?“.

„Ще й не разъ! Тилькы мовчала все: выдно, спала“.

„Ну, и що жъ ты?“.

„А що жъ бы я?... Ничόго! поскладавъ“, каже, „все коло хливця, и пойихавъ: встане ранкомъ и забере“.

Татусéви ще дывнише стало, и винъ ще дужче роспытувать, якъ и що, чы заглядувавъ въ хливець, чы була вона тамъ? „Ни“, каже, „въ хливець не заглядувавъ“. Татусь до другыхъ, чы не бачывъ іи хто въ хутори. „Ни, кажуть, не бачылы“. Покійныкъ татусь ажъ стревожывся! А все такы и въ мысль пиёму не прыйде: «А може?“ мовъ.... Дума тильки: „Пéвно пишла до кого!“—за пасику, знаете, що, мовъ, ройбà саме, безъ догляду... „Побигну“, каже, „на часокъ!“ и пойихавъ...

Пойихавъ винъ, и байдуже вси: позбирàлысь въ пекàрню и се тамъ, те.... Вонό такà вже й розмòва пидъ тикый часъ: той, кажуть, такъ, а той—такъ.... Колы слухаемо, въ синяхъ—вси ажъ здрыгнулы!... Выскàкуемо, сыдыть винъ на стильци.... О, несказàнно тяжко слухаты, якъ плàче оттакый чоловикъ!... Мовъ у грудяхъ въ кόго рвéтця, и ты все те чуешъ!...

XV.

Що дàльше робылось, горàзденько вже не памятую: мòже, що я плàкавъ тоди багàто, головà забыта булà, мàло й прымичáвъ чогò, а мόже, що колы вже те у Бόга и діялось!

Памятую, що мы ихалы до пàсикы. На одному вόзи Нèштапка (живка у насъ булá Нéштапка), и Демянъ сусида зъ дошкàмы, лопàтамы, заступàмы и всячыною для стравы; а на другому—мы вси.

Памятую, якъ мы прыихалы, и я заглянувъ въ хливèць.... Сыдыть въ кутόчку, схылывшы гόлову и зложывшы рукы... плечемъ объ тынъ....

„Тыхèнько“, кажу, „мàмо!.... бáба спыть“.

„Спыть, спыть!“, матуся, утырàючы слёзы... Въ хливèць нàсъ не пустылы....

Ищé памятую—и се такымъ смутнымъ мени булò несказàнно!... Огόнь горыть, сόнце печé; колό огню мы и матуся, вàрыть, и плàче; въ хливци Нештапка щось.... коло хливця та-

тусь майструе домовыну.... а тамъ Демянъ копà, тилькы головà вже выдно зъ ямы, бурхà землю....

И якъ черезъ огóнь перехòдылы, памятую, якъ ужé прощàться зъ покійныцею и клàсты въ домовыну: поперéду стари, а пóтимъ и насъ... Хоть и знàлы, що не одъ холéры вмéрла, а все такы боялысь. Нѐштанка тилькы не боялась: ничѐго булó не боитця!

Дуже памятую—охъ, якъ я се памятую!... Вже сóнечко зайшлó, домовына въ ями... и татусь, щобъ мы туды по грудочци земли....

Я и соби кынувъ, въ сàму труну—такъ дуже стукнуло тамъ, подъ землéю!... Мовъ видтиля мени:

Помàлу-мàлу....

Памятую дàли, якъ ужé стáлы збирàться обидъ той помынальный....

Тéмно, ничóго не выдно, тилькы збóку садóчокъ и хливéць буваніють... А передъ нàмы—огóнь и колò огню на трави кóлыво и обидъ той....

Стàлы передъ кóлывомъ; татусь попéреду, молытву.... Демянъ „аминь“.... Всякъ соби тоди и пипъ, и дякъ!.... А дáли и за обидъ....

Силы. Налывъ соби татусь и перехрестывся.... „Нехáй же“, кáже, „ій цáрство!....“ Не стàло гóлосу.... „Нехàй ій!“ знòву, и все гóлову внызъ.... А дáли мóвчкы чàрку, и перехыля іи, заплющывшы òчи, перехыля.... а слёзы зъ-пидъ вій тилькы кáпля за каплею....

Та щó вамъ и роскáзувать!...

XVI.

И дóвго тамъ булà та могыла Мынышына. И якъ оцѐ идемó въ пàсику (други вже тамъ пасишныкувáлы!) абó такъ чогó въ пóле, то й до неи булò. И вже булó Мàня—жалибныця (такà булà!.... зàвжды булó: „Добры-день“, кàже, „тоби,

бабусенько!"... Мовчыть, не одклыкàетця!... „Дòма", кáже, „немà!... Бóжу пàсичку, пéвно, стережè!" И якъ що есть було́ насиннячко, ягодкы яки, дынька,—посыпле, полóжыть на могылу.... „Оцé тоби, бабусю, насиннячка, ягодóкъ... оцé и дынька—самà найшлà и вырвала". Тымъ було́ на могыли зàвжды сóняшныкы, кущи, огудъ всякый,—здалéку було́ іи выдно.... А якъ метѐлыкъ було́ гàрный налетыть: „Мóже, то бабусенька нáша!" кàже.... И якъ винъ туды, икъ пàсици: „Вонá!" кàже, „вонà!... полетила навидаться!..."

1859, октября 5. Петербургъ.

Титка Настя. [1]

— Тоди не такъ ще булѝ, якъ тепѐръ! Тепе́ръ и жилётки у насъ, и всяка дурныця; або́ ще иноди й самова́ры... Иншый, покы не голувова̀въ або́ не прыкажчыкува́въ,—ка̀ша, мо̀же, зъ мякыною, борщъ—дымъ вхоплюетця; та якъ и одпа̀сся людськымъ по́томъ,—сире тоби, звыняйте, якъ той кнуръ сирый товстый: „мени“, ка́же, „отто́ свижопросо́лня“—рыба—„якъ пахныть“! а лынтваре́вый кожухъ—за пивмыли чынба̀рськымъ ква̀сомъ; а „жывитъ“, ка̀же, „парыть!“ И-и! не такъ бы тебѐ, го̀лубе, попа̀рыты!

Такъ-то, кажу, тепе́ръ! И тоди люде любылы и хо́роше изходыть, и сма́шно ззисты; тильки все тее́—не забува́лы, якъ були́ батькы й диды, а найпа́че, що батькы й диды—мо̀же й вычулы.

Прыхо́дыть одынъ со́тенный осаула до своѓо ба́тька: „Повко́вныкъ, та́ту“, ка̀же, „хо́че мене́ цифе́ромъ запысать“!—„А ты жъ ёму що̀?“—„А що́ жъ бы я ёму? Кажу, ба́тька, пиду, зпыта̀ю“.—„То́-то жъ, ты мени гляды! ато́ онъ-бачъ“—на цыпуру. „Скажы“, каже, „повко́вныкови, що люде будуть сміятьця!“

Одже титку и тоди вже булѝ, на̀ветъ були́ татусь: „Ты“, ка́же, „сѐстро, старосвицька людына!“ Усмихнетця були́ покійныця, та ще й ру̀кою—силькись, мовъ,—чы такъ, то й такъ!

Старосвицька була̀ людына, дуже старосвицька!

---

[1]) Основа 1861 г., апрѣль, 28—38.

Сынъ було зъ Грузіи хустокъ усякыхъ шовковыхъ, матèрій турéцькыхъ та персыдцькыхъ.—„Про смерть, на цèрковъ, попáмъ!" або пороздаровуе намъ, дядьковымъ, або отъ Кибченятамъ; а самà—матирчатый платокъ, керсèтъ зъ рукавàмы, зелèни смужкы... запаскы, та ще щобъ и ляхивка, черевыкы або чоботы—и вся невелычкая!... Ахъ, и забувся—хустка ще!... у пояса: безъ нèи, якъ то кàжуть, и не ступыть! Домоткàна, а тамъ—зáполоччю, або-що.

И такъ було вонà, и въ будденъ, и въ свято. А мижъ люде або въ цéрковъ, кожухъ зъ стоячымъ комирцèмъ, зимою,—сиронимèцькый верхъ; а литомъ—голубый халàтъ... Иноди, якъ лучытця було зъ нéю до родычивъ-панивъ: „Та вы бъ, титусю, що нéбудь!„ звисно, диты. „Отъ Бигъ зна що! стари выбачять!" або: „Чого вы", кáже, „турбуетесь? Сёго не знимуть, крàщого не дадуть!—и чы до Кибця, то й до Кибця, хоть все тее куды попанячылось и пиндючытьця почало... Або и до самого Петèлькы —и винъ намъ зъ ридни доводывся.

И було якъ прыидемо—мы жъ не знáемо, куды и повернутьця, а найпáче, якъ ще пàнство; а вонá, мовлявъ—изогнувшысь, въ тыхъ черевыкахъ и въ голубому халáтыку—стукъ тыхèнькоципочкомъ по горныци, стукъ!... Тыхая у покійныци, и мова, и ходà булà.

Та и у всёму було вонá! Достàточокъ бувъ гарнéнькый: сусидскыхъ хатъ зо тры, чы зъ чотыри, клунька, комиркы... воливъ супруга добра—що такы одъ покійныка Буркуты, а то и сынѣ; а въ хаткáхъ, не тильки черезъ сины, а и въ мыти: и пичъ, и пилъ.... лавы, полыци, стилъ на коныкахъ, мысныкъ коло порога...

Старосвицька, кажу, булà людына, дуже старосвицька!

Покы тилькы здужала,—и сáдыть було, и полеть, жне, вàрыть исты; хоть, якъ кажу, про одну душу и бàтечкы бъ! Покійныкъ татусь не разъ—та чы тоби жъ, мовъ старуючы! „Ты бъ ужé", кáже, „утыхомырылась: у тéбе жъ, слàва Богу, сусиды, нáймытъ, наймычка!".—„Итъ, Бигъ зна що ты, Пéтре! на те",

каже, „Богъ и руки давъ! Не вже жъ тильки сыдить, зложывшы ихъ, та готове исты?“

И булô такà, що чы въ кумпаніи, чы такъ мижъ людьмы, ридко-ридко колы розгуторытця! та й то ще не зъ усякымъ, а хто тамъ ужé по души, отъ примиромъ, зъ матусею—нехáй легèнько іи згадáетця, мои стареньки! Ти тамъ и се, и те: „мы“, мовлявъ, абô „нàши батькы й диды“; а вонá—рукôю пидъ щôку, абô на свійципôчокъ, слуха. Иноди жъ усмихнетця, нибы весéленька, а ыноди—ажъ лыце осунетця, мовъ яку путь дôвгу, абô колô мерця тры нôчи...

А щобъ оттáмъ розсéрдытьця, погримать—на наймыта, абô такъ на когó—нихтô и не чувъ никôлы, и не бáчывъ! Дуже-дуже велыко вже булô: „о бодай же тебе!“ а то—„хырный!“ кàже. Той тамъ кобылу припустывъ до новыхъ стижкивъ,—снопы повыцюплювала, абô друге вшкодывъ: „Опè, ты“, кáже, „хырный, и кобылу прыпустывъ!“ Та такы, здаѐтця, вонà и не вміла лаёкъ тамъ, абô сливъ якыхъ, що иноди и жонôта: „сякôго такого сына, сякôи такôи дочкы!“

Разъ тилькы ныначе розсéрдылась, та й то, не якъ инши люде—зъ татусѐмъ покійныкомъ. И за що воны, Богъ ихъ святый знàе! Однó 'дногô любылы дуже, и татусь багàто допомагавъ,—отъ якъ и Буркута, кàжуть, вмеръ, и пôтимъ, якъ іи Степàна въ Грузію зъ Грàникомъ... Мôже, чы ны за ёго и выйшло! До покійныка дохôдять булô чуткы, чàсто булó рѐмствуе, що нибы обижà нàшого. А мôже, и за що друге—Богъ ихъ, кажу, святый знáе! И такъ вонó скôро якôсь тée вчынылося!

Я малымъ хлопьямъ ще тоди бувъ, сàме по надвирью,—и байдуже, що тамъ у хàти. Колы вбигàю, въ свитлыцю, и такъ, знáете, ще прожôгомъ: матуся на дзыꙉлыку колó грубы, блидàя,—и смутнáя-смутнàя! гôлову повисыла; проты нéи титка, тежъ на дзыꙉлыку, хустыною слёзы... а покійныкъ у покутнёго столà, выпрямывся, и ôчи, що все булó ажъ дрыжыть... Я такъ и прыкыпивъ до земли!

Трôхы погодя, титка встàла и мôвчкы зъ свитлыци; за нéю —матуся, я.

Выхо̀дымо на рундукъ, а тутъ и се̂стры: „Чого̀ се вы, титусю, чого?". Тилькы плаче и на̀ймытови скорише—кобылу; а запригъ—мо́вчкы, и поихала.

Мовъ тепе́ръ се ба̀чу!

На рундуци, пла̀чемо, вона́ иде, иде,—мовъ старый богъ зъ дебру зхо́дыть... Вже до воритъ, за двиръ... А дали матуся, мовъ у сѐрце іи кольнуло: „О, Царыце жъ моя небе́сная!"—за нѐю, мы... „бо́же нашъ старый, бо́же! титусю!"

Якъ ужѐ вона̀ ублага́ла іи вернутьця, ничо̀го не памьятую—колы теѐ у Бо̀га діялось! Памьятую, якъ ужѐ вернулась, и мы за не́ю въ свитлыцю.

Татусь тамъ же такы, коло покутнёго стола̀, ликтемъ обпе́рся, на доло̀ню голо̀ву. Сѐрце, выдно, пройшло́ вже, тилькы смутокъ велыкый.

Ввишла̀, тыхе́нько до ёго; вставъ, соби тыхе́нько.... Разъ поцилува́лысь трычи на́вхрестъ, у друге, у тре́те,—и зно́ву, де сыдилы... У бра́та зъ сестро́ю тыха розмо́ва, обо́е люде старосвицьки—нѐчысть яка̀сь!... Замо́вклы, пролизла—зно́ву тыха̀ розмо́ва у бра̀та зъ сестро́ю, обо́е старосвицьки люде....

— — —

Одже, и що бъ ба̀чця! Сѐрце, якъ кажу; а що́бъ тамъ на̀ймытъ, або́ сусиды,—та и крый Го̀споды! Чи такъ уже́ іи поважа̀лы, що, мовлявъ, и крыво̀го сло́ва боялысь,—чи вмила; а якъ вшко́дыть було́, „о, бода́й же!" мовъ.... „та лучче бъ", ка̀жуть було̀, „зряду трычи на спо́видь!" а вмовляе було́ на спо́види Вертькивськый пипъ дуже!

У не́и китъ Спорышко бувъ—литомъ за́вжды въ спорыши коло́ ха̀ты, за те и Спорышкомъ. А мы ще и Прицу́цуватымъ. Оцѐ, прымиромъ, сыдыть було́ пидъ поло̀мъ, прыслуха̀етця, якъ мышенята по нирка̀хъ, або̀ па́рыть че́рево на ко́мыни, но́ги одкыдавшы,—та зра́зу, ына̀че якый га̀спыдъ ёго̀, до те́бе!.. и чобитъ ла̀памы по щока̀хъ, по щока̀хъ! поля́паса ёму!... Такъ на́ветъ отто́й Прицуцуватый. Якъ розбиснуетця було̀ оце́—а було̀ якъ розбиснуетця, то и ха́та ёму тисна́: и по столу, и по ла̀вахъ, и по мысныку—то неха́й було́ тилькы покійныця „оце́,

мовъ, хырный! гôди вже тоби!“—тыць, де бъ тамъ ни бувъ, и уши насторôшывъ! „Тоби, тоби, не выляй хвостôмъ!“—терне́ ла̀пою за однымъ ухомъ, пôтимъ другою за другымъ, куса́, бачъ, щось ёгô—хытра проклятуща звирына була̀—и пиде, пиде тихе́нько, мовъ нестре́пеный! и хиба́ пидъ ла̀вою вже, за закаблукъ тамъ тебе́, абô за халяву!

А вже що отти колистра́торы всяки!... Зна̀ете, яки воны иноди у насъ: и чва̀нытця, индычытця... рôтъ-безъ-заворôтъ, всяке чôртзнащо варзякае: „И такый я, и такый тамъ га̀спидъ!. мій оте́ць, мои диты... „дывытьця и слухаты гыдко; а тилькы неха̀й вона́ тутъ.... мовчязна́, и зогнувшись, и тамъ де-не́будь въ кутôчку, абô колô порôга—та ба! мовъ ёму языкъ поцупыть въ сере́дыну! Дре́вня людына, зна̀ете, зна̀ла не тилькы ихъ, а и ихъ батькивъ и дидивъ; и якъ-бы до чôго, и почала̀ роска́зувать,—не одному бъ прыйшлôсь, якъ то ка̀жуть, у сирка́ очѐй позыча̀ть. Та такы булô иноди и допечуть, отъ якъ разъ Рыпыця у Пете́лькы—не сей Рыпыця, що тепе́рь, а ёгô ба́тько.

Такый, зна̀ете, винъ велыкорозумный бувъ, той Рыпыця: накрутыть-накрутыть оце́ верже́ть, ажъ стрычыть, мовъ у квака̀ чубикъ, та ще й гôлову на́бикъ: „Та вонô“, ка́же, „такъ, а заглянь лыше́нь въ закôны!“—все булô зъ тымы закôнами, нына́че дурень зъ ступою! А якъ пьяный, то таке́ жъ тоби, просты Гôсподы, пога̀не, такѐ въидлыве, що возьмы, та прямо и наплюй ёму середъ лôба!... Отъ разъ винъ и заходывся у Пете́льки, пидъ пьяну ручъ. Та одига́тьця ста́ла, такы въ свитлыци—за̀вжды булô, и одига̀етця и роздига̀етця въ свитлыци, де бъ ни була́; а винъ: „чогô та й чогô, прôби, стôитця оце́й хала́тъ?“ та ще й губы зшылыть, кепкова̀ть бы то, брыдкый, зъ старôи людыны!.. Мы жъ зъ матусею не зна̀емо, якъ-то ка̀жуть, куды й подитьця—татуся на той разъ у Петѐлькы не булô; а вона́ хоть бы тоби ôкомъ змигнула! застиба̀ пова̀гомъ ґудзыкъ пидъ бородôю—рукы тилькы нибы трымтять.... „Оттогô й оттогô“, ка́же, „стôитця!“—„Поцинно“, той, „поцинно—одежына хоть бы й княгыни!“ Ни выдержала напослидокъ покійныця! „Се“, ка́же, „Оныську Семѐновычу“—Оныськомъ Семѐновычемъ ёгô—„се“, ка̀же, „тепе́рь

вонó поцинно здаéтця, грôши дешèвши стáлы! а якъ купувàвся сей халáтъ, тоди грôши дороги булы. Тоди... Вамъ", кáже, „покійныкъ вашъ панотéць, мôже, роскáзувавъ, що за таки грôши, абô ще й тогô дешéвше, тоди въ Кыеви пàнство мôжна булô купыть!"—а Рыпыця, знáете, бувъ зъ такыхъ, якъ бы й мы гришни, та тилькы бàтько ёму чына, въ Кыеви, за три четверыкы пшеныци.... Якъ сказàла вонá се, тоди Рыпыця, якъ той цуцыкъ, вхопывшы ôблызня. А тутъ ще й Петéлька, спасыби ёму,—за насъ руку потягъ. Пидождàвъ трôхы, щобъ такы не прытакъ вже дуже: „Чы вы", кàже, „Оныську Семѐновичу", прыдывлюючысь ёму до бороды,—що-нéдили, мовъ, оттàкъ гôлытесь?...

— — —

И булó такъ покійныця: куды бъ ни ихала, а вже безъ гопаляныци не мôжна. „Годытця такъ!" И прыиде, склоныла головôю, добрыдень, чы якъ прыхôдытця, и наперéдъ усёго—зъ хустыны и на стилъ іи! а вже пôтимъ, и прывтáтьця, и щобъ тамъ наддягтысь.

И гостынцивъ тежъ булó дитямъ,—николы було безъ гостынця! „Свáримось", кàже, „трѐба и голубыты. Чымъ же" кàже, „и згáдувать имъ буде стару?" И не те, щобъ тамъ медяныкивъ, абô другôго чогó, городскôго—ни, сёгô у нѐи не булô николы. А отъ: насиннячка по жминци... коржà медянôго абó прôсто по шматку кныша абô гречаныкà. „У зàйчыка", кàже, „одняла́! Бижыть", кáже, и „несé,—я и одняла́!" И якымъ смашнымъ намъ здавàлось, що вонà у зàйчыка одняла̀! Такъ якóсь умила все вонá,—якъ то кàжуть, всяку копійку рубомъ.

И чы й до нѐи булô прыидемо: дуже любыла пàдатьця коло́ насъ; а щобъ тамъ пундыкивъ якыхъ, прыщивъ--николы! И не одъ скнàросты, абó, сказàть бы, ни зъ чого—ни! такá вже людына!

На обидъ булô оцѐ—борщъ зъ мясомъ, кàша зъ молокôмъ, и дуже-дуже вже багáто, якъ ще й варéныкы; для зáбавкы—насиннячка, а иноди й варѐнои по чарупынци: „се", кàже, „мôжна"; на пôлудень—колбасы, абó крышѐныкивъ сàла... Булô дядькови—звисно, мазаниши—мулятця: „Не копыльте", кàже,

„дитки, губо̀къ, не копыльте! ижте, воно̀ смашнѐ!“—и ти, мовъ непе́вни, уплита̀лы крыше́ныкы.

А щобъ тамъ тарило̀къ билыхъ, або̀ выдѐлокъ и ноживъ—того̀ й заво̀ду въ нѐи не було̀. Про̀сто: на деревяни тарильци—хлибъ, на други—силь... били ложкы деревяни, нижъ колодій, рушныкъ круго́мъ сто̀лу рукы обтыра̀ть, та для дитѐй по полывяному полумыску для ко̀жного, борщъ набира̀ть—отъ и все! „Сида̀йте“, ка̀же, „дитки, за стилъ, або̀ борщъ простыгне!...“ Хлибъ було̀ риже, хиба̀ котре́ не подужае; мясо—зъ однеѐи тарилкы, па̀льцямы... Позаё̀ло̀жуемо було̀ соби и носы, и рукы—усмиха̀етця тилькы тыхе́нько, вытыра̀: „О, якъ же ты“, ка̀же, „Васыльку, нечупа́рно!“—а сама̀, мовъ вона̀ до ёго не прыторка̀лась!

И було̀ вже такъ пыльнуе за ко̀жнымъ, щобъ тамъ крышѐныка безъ хлиба, або̀ щобъ варе́никы не дуже въ ма́сло! За̀разъ за руку: „хлибця“, ка̀же, „дытыно моя, хлибця—ва́ва буде!“; або̀: „помалѐньку ёго, помале́ньку,—ослипнешъ!“

И що жъ! Якъ тилькы прыхо̀дять було̀ святкы, або̀ ска̀жуть, що, мовъ, до титкы На́сти,—тилькы объ тимъ и ре́чи у насъ!

Про̀стеньки у нѐи булы хаткы, и въ ихъ ничо̀го бъ и тако̀го; а яко̀сь такъ тамъ!.. Якъ згада̀ю, отъ якъ разъ мы до нѐи на Голо̀дну Кутю...

Темнова́то, моро̀зъ викна позамуро́вувавъ—мовъ у на̀ши стари цѐркви... и стины, мовъ у на́ши стари цѐркви; на столи трійця—въ васылькахъ—въ калыни, казано́къ зъ кропыльцемъ, надпа̀лена свичка воскова̀... Мовъ мы спра́вди въ на́шу стару цѐркву на Голо̀дну Кутю, нема̀ нико́го, а буде та служба: и параміи, „та́ко глаго́леть проро́къ... рикы Орда́нскіи... водо̀ освящѐнная“.

И отти ложкы били, мыснык, сволокы: про̀сто, и два́дцять-со́рокъ разъ ихъ ба́чывъ; а ще хо̀четця передывытьця, ще щось ынча̀че въ ихъ... въ оттыхъ мережка́хъ, держална́хъ зъ горляночкамы, въ оттыхъ закама́рках въ мысныку... въ оттому, на сво̀лоци: „Ро̀ку“, ка̀же, Бо́жого 1764 соорудыся домъ сей...“

„*Соорудыся*?... И старá цéрковъ *соорудыся*... Пѐвно оттд̀, якъ и въ Хыбцяхъ: и владыка—старый, старый! въ золоти шáпци: хлд̀пчыкы въ золотыхъ свыткàхъ—якъ янголята спивàлы!... въ зѐмлю щось закд́пувалы...“

А мыскы у титкы! И на полыцяхъ и на мысныку, зъ винцямы и безъ винець, крути и розлд́жысти, зъ бокáмы и безъ бокивъ... И все те, знàете, полывяне: червд̀ни, зелéни, били, жд́вти... цяцькд̀вани!

Мы чáсто буд̀: „Будьте, мовъ, лáскови, титусю!“ Зоп-нѐтця старéнька на лáву—любыла такы ихъ покàзувать; а мы на земли кучею,—и почнѐ одну за дныѐю: и билу велыку, на винцяхъ хрѐщыкы, на бокáхъ пружкы—и червд́ну, що паскы святять, зъ крывулькою и зъ зелѐнымы голубáмы на дни. „Оцю“, кáже, „въ Лубняхъ, на Спáса—пивзолотд́го врáжа сидуха! а оцю торикъ въ Оржыци—пятáкъ зъ шагд́мъ; а оцю“, кàже, „тутъ такы, ганчáрь въ Богодухивку ихавъ“,—и почнѐ намъ, якъ той ганчáрь Коломыивськымъ шляхомъ, а вонà на вгорд̀ди: „по гд́ршкы“, крычыть, „по гд̀ршкы!“—пшенышного д̀рошна зъ верхд̀мъ!

А для играшд̀къ буд́ у нéи! та ще й додд̀му надаѐ!... ячд̀къ-знискивъ, карахд́нёкъ, блызнятъ усякыхъ: сд́яшныкового абд̀ гарбузд́вого насиння, жытнихъ колоскивъ, що по два на одному стебли. Абд̀ ще вд́лыкивъ: „Ось“, кáже, “диты, скилькы орѐлъ зъ стѐпу нагнáвъ!“—и цилисиньку намъ торбыну кваcд́ли: жд̀втои, сынёи, та ще й смужкамы усякъ! „Тутъ“, кáже, „и сыви, и полови, и пидчерéви!“ Пидъ Велыкдень—безко-нéшных пысанд̀къ всякыхъ, крашанд́къ бразолійныхъ. А литнёи поры лучытця у нёи—понавд̀зымо додд̀му зайченятъ малюсинь-кыхъ, пиръ велыкыхъ, що журавли зъ крылъ гублять, дрохвы-ныхъ яѐць, оврашкивъ—степовый хутиръ!

— — —

Такáя-то булá, та титка Нáстя! Старосвицькая, дуже ста-росвицькая людына! Тепéрь такыхъ людей, гляды, чы мд́жна вже й найты!

Не весе́лее тилькы покійныци жыття було́! Одъ чоловика зоста́лась давно̀—я й не зазна́ю покійника Буркуты; сынъ одынчыкъ бувъ, та й той заихавъ въ далѐки сто̀роны: одна̀ въ Божому свити, якъ па̀лецъ! А щобъ по бенкета́хъ тамъ, по весилляхъ, въ кумпа̀ніи—не любыла. Въ ряды-годы хиба́ мижъ люде, та й то, щобъ не зо̀всимъ такы одцура̀тьця, прытьмо́мъ трѐба; а то все домуе, все одна́! Та якъ лучалось и мижъ люде—мовчизна́, кажу: якòсь не тулылось, и люде ти мовъ іи чужи, и вона̀ мовъ имъ чужа́... А родычи бъ сказа́ть... Изъ усьо̀и ридни вона́ тилькы насъ; такъ разъ те, що такы дале́ко й жылы—колы-то въ Бо́га до̀вѐдетця! а друге—матуся тоди молода̀ людына була́, все не те! ну, й другою жинкою у татуся: все нибы чуже́, чужише, нижъ пе́рша—такъ ужѐ скризь ведѐтця!...

Люде прыра̀ялы, щобъ кого́ за дытыну—все такы, ка̀жуть, охвитнише. Послухалась и взяла̀ дядькову наймѐньшу: „Зъ мало̀го“, ка̀же, „якъ зъ во̀ску, все злипышъ!“ Знала жъ вискъ! Дытына выйшла невмо̀сна, опрысклыва,—а вже що, нечупа́рна, то и кинци погубыла! А тутъ ще й стари: „Обижда̀е!“,—що, бачъ, иноди дубчыкомъ, або̀ посва̀рытця... Шуткуе було̀ покійныця: „Не ма́ла“, ка̀же, „ба́ба клопоту, та купыла порося!“, а выдно, дуже іи те дойма̀ло!

Одна̀ робо̀та, здае́тця, и розважа̀ла тилькы покійныцю, та ще отъ, якъ було́ у церковъ.

Прыидемо було̀ до не́и на степо̀къ, пидъ косовыцю: „коса̀рыкы!“ ка̀же. А якъ гребовыця, то й сама́ ще зъ граблямы: дивци, мовъ, со̀ромъ, рукы зложывшы,—дивкою було̀ себе́, якъ веселиша. Прыбижышъ було̀, дасы зза уха чоло́мъ... поцилуе въ го̀лову и зно́ву за грабли. „Бачъ“, ка́же, „якъ у насъ диво̀та! Скажы“, ка́же, „своимъ парубка̀мъ“—а парубкы бъ то, удови диды, що вже й зубивъ въ ро̀ти не гуртъ,—„скажы“, ка̀же, „що онъ, мовъ, вона̀ якъ!“—и геть вало́къ пидкыне граблямы!

А въ це́рковъ було̀, хоть яка̀ хуga бье, иде въ Вертькы! До утрени було̀ ужѐ не за̀вжды, а до службы—ни однисинькои не пропустыть. Та ще ко̀жный разъ и свичку, завѐрне въ билу хустыну... И якъ вѐрнетця, така̀ жъ тоби! Неговоркиша ще,

здаѐтця, а усмихáетця: выдно. такъ тыхо, бо̂жо, на души! а скáже що—мьяко и отто̂тъ, здаѐтця, заплáче! „Сыроти бъ“, каже, „тилькы молытьця!“

Та ще було̂ покiйныця, якъ отъ обидъ хто, девятыны, чы сороковыны,—любыть. И не те, щобъ такы справди обидать и помынàть, а щобъ по̂ратьця: помо̂же все, якъ слидъ, и додо̂му, ни за що не зостàнетця! Отъ хибá хто замо̂жный, и обидъ йде надво̂е: въ хáти, а хто биднишый и старци—на дво̂ри; тоди—такъ, и на такыхъ обидахъ любыла найпàче: все коло̂ таганивъ! И оцѐ духъ духа пошыбà, а вонà—пидтыкавшысь, пидсмыкавшысь, хустына та зпидъ керсéта. А якъ прыидуть попы и поблагословлять—и почнѐ коло̂ своихъ: садовыть, по̂штуе, прыпро̂шуе... Иноди—всякови, знàете, бувàють покiйныкы! Иншый и викъ свiй зжывъ, а ничо̂го на той свитъ не заробывъ—и згáдувать ни-защо, найпàче отти бидо̂ти. И якъ обiйде чàрка раз ивъ килькы—всячыною почнуть!.. То було покiйныця, якъ по̂чне, якъ по̂чне—вмила зъ оттымъ наро̂домъ—то чоловикъ и зхаменѐтця: „Нехáй“, кàже, „ужé Богъ ёго̂ судыть! то одынъ суддя нелукàвый!“... Не одну душу вонá обереглà тамъ одъ людськыхъ проклёнивъ.

— — —

Зъ чàсомъ у покiйныци и того̂ не стáло, стàристь почалà одоливáть. То було̂, давнише—звисно, диты: „Чого̂, мо̂въ, титусю, зъ ципо̂чкомъ?“—„Охвитнише“, кàже, „одъ собáкъ!“; а то: „пожыветé зъ моѐ, самы побáчыте“... А дáли до то̂го вже дiйшло̂—мы пидрослы, розумить стàлы, а наймéньшый братуха... „На те“, кàже, „моя дытыно, на трёхъ, щобъ на чотырёхъ не лáзыты!“ И жартуе було̂ иноди, жартуе, та на такé звéрне... „Я“, кàже, „буду ско̂ро тако̂ю, якъ ты бувъ колысь: въ пелюшкы менѐ загорнуть, въ колысочку поло̂жять!“

Та и не добачàть дáльше стáла, и не дочувàть: девятый десятокъ каратáла, та и трудяща людына... Иноди було̂, якъ почнѐ прыглѐжуватьця до тéбе, або̂ прыслухáтьця, покы-то пизнà або̂ почуе! „Мовъ кризь густé сыто“, кàже, „а уши нынàче позатыкани“.

Тимъ въ це́рковъ дуже-дуже вже ридко, та й то хиба̀ литомъ; а на обиды, въ пòле, мижъ люде—„Одъиздыла вже своѐ, нехáй ще други!“ На вгорòдъ хиба̀ булò выдыбуля, полòть, пòмацкы; а то все въ ха̀ти, все на полу—прядѐ. И прядиння тамъ було́... Сама̀ иноди: „Якъ упущу“, ка́же, „почынокъ, и нема̀ никóго— покы то нама́мраю! ыноди всю ха̀ту вырачкую!“ Все то за вискъ! Своя й пасичка, та й матуся,—чы вже бъ то пожалилы! „Трудовыте“, ка́же, „не те, що даровыте, абò свѐе; мòже, хоть симъ Бòгови приспособлюсь!“

А пóтимъ и лижма трѐба лягты! Прытóмна була́, покы и вмѐрла—и памятува̀ла твѐрдо, и говорыла, и розумила—та сылы нема̀! Въ рука̀хъ ще сякъ-такъ—викòнце одчыныть, лòжку; а ногàми—хиба̀ пидъ рукы, то й то тилькы що дыба! „Замолоду не поберегла̀, одтупала, одтопта́ла!.. Зажила̀сь“, ка̀же, „зажила́сь, пора́ бъ и честь знать!“

Такъ ще вона̀ годивъ килькы пронудыла свитомъ—вылежала, выкачалась на полу. Якъ прыйде вже дуже тяжко: „Прыймы вже!“ мóлыть булó Бога́: „на́-що я тутъ здала̀сь!“; а полѐгша: „Егò свята̀я вòля!... Винъ“, ка̀же, „зна, щò рòбыть!“

Не разъ до сына пыса̀ла; „Прылынь, моя дытыно, хоть подывлюсь!... хоть въ оста̀тній разъ! хоть óчи мени закрый!“—„Радъ бы“, ка́же, прылынуты, та крылець не ма̀ю!“

— — —

Въ оста̀тній разъ ба́чывъ за тыждень передъ смѐртю.

Прыйжжу, а вона̀ пидъ комòрою, на прысинкахъ—на сòнечко вынеслы...

— Се ты, каже,—дытыно моя?

„Я“, кажу, „титусю!“

— А що жъ ваши—чы ще воны, щé?

„Та ще, сла́ва Бòгу!“

— Сла́ва Бóгу! ка̀же... А я, ка̀же, на сóнечко, тилькы щось и вонò—а сóнце и дыхать не дае́... Я вже, ка̀же ёму: „и ты, мовъ, старосвицьке, и я—хоть ты мени!“ не гріе, розледачило, за молоднѐчею!...

Якъ умира̀ла, мы зъ *моѐю* не булы, у Лубни ходылы... Далы зарикъ; якъ дасть намъ Богъ сына—пишко̀мъ у Кыивъ, до Печѐрськыхъ, а дочку—до Офана̀сія свято̀го: Богъ Надѐждочку посла̀въ!

Смерть, ка́жуть, була́—пошлы, Го̀споды, и всякому тако̀и! тыхая, праведная!... *Зтрывджылась* тро́хы—про сына згада́ла; а по̀тимъ и зно́ву: до кинця выдержала, хоть, ка̀жуть, крыча̀ть, а не пла̀кать!...

За день почула: „Идѐ“, ка̀же, „иде́!“

Посла́ла за всима̀, и щобъ Мыхаила старо̀го, одсобо̀рувать: „Его̀“, ка́же, „ба́тько ввивъ, а винъ неха́й выво̀дыть!“

Зибра̀лысь, одсоборувавъ покійныкъ Михаилъ—все то покійныкы!... Роспорядкува́ла—надить, на це́рковъ, старцямъ... чымъ домовыну—де́сять ро́кивъ жда́ла, такы дижда́лась!

Вечорить почало̀!... „Тепе́ръ же“, ка̀же, попроща̀ймось!...—„Що́ вы!“—будемо, мовъ, жыть, Бо́га хвалыть!—„Ни“, ка́же, „попроща̀ймось!“—до татуся...

Нахылывсь покійныкъ, го́лову въ обыдви рукы, и до̀вго-, до̀вго прыдывлялась! „Го́ренько“, ка̀же „мени тяжкее!“, и вже па̀льцямы, по лыцю... И такъ же то, ка́жуть!... „Такъ“, ка́же, „такъ!... и у покійныка ба̀тька—воло́сся, лобъ, нисъ... А бро̀вы“, ка̀же, „матусыны... Де то вона̀“, каже, „тепе̂ръ, моя рідная? чы поба́чу іи?“...

Матусю до̀вго, дуже довго тулыла до се̂бе!... „Ти въ ме̂не“, ка́же, „золотая була̀!... Я, мо́же“, ка́же,—„одпусты мени! Та не пуска́й въ далѐки сто̀роны—нико́го не пуска́й, ни о́дного!... Ой“, ка́же, „сыночку, Степаночку, дытыно моя!»...

По́тимъ нибы заспоко́илась.

— Повернить, ка̀же, менѐ на другый бикъ!

Повернулы, позихнула...

— Повернить зно̀ву!

Зно́ву повернулы, зно́ву позихнула.

— Ына́че спать, каже, хо́четця!... Повернить впять, та квартырку одчынить.

Повернулы, одчынылы...

— О̀-хо-хо̀хъ! ка̀же.

„Заснула!" хтось.

А покійныкъ Мыхаилъ. „Заснула", ка̀же „заснула!"...

— — —

Мы зъ *моѐю* са̀ме до язивця дохо́дылы, верталысь зъ Лубень...

— Така̀я смутна̀я-смутна̀я вона́, дытына пла́че, та й у ме́не щось...

— Колы зра̀зу, нибы ла̀даномъ...

— Чуешъ? кажу...

„Чую!"

И въ слёзы!

— Чого́ ты?

А въ само́го такъ и душять...

— И сама́, любый, не зна̀ю!...

И якъ разъ, въ той самый день, въ ту са̀му годыну...

Р. Б. 1860 генваря 10 дня. СПБ.

РАЗСКАЗЪ

О ПОѢЗДКѢ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ [1]).

. . . Поѣхали однажды запорожцы въ Петербургъ, нужно было тамъ, къ сенатóрамъ, или какъ ихъ тамъ зовутъ: всякія уже, знаете, завелись у запорожцевъ нужды.

Ну, вотъ и пріѣхали, и хлопочутъ тамъ вездѣ у *одноралив*ъ и у всякихъ тамъ сенаторовъ, а народъ, знаете, какъ покажутся они гдѣ—„запорожцы", кричатъ, „запорожцы! смотрите, смотрите!". И у насъ бывало, если они гдѣ покажутся, всѣ бѣгутъ смотрѣть, а ужъ тамъ,—и говорить нечего (въ *Московщыни* вѣдь своихъ запорожцевъ никогда не было). Бывало возлѣ *будынка*, гдѣ они жили, народу—и Боже насобирается! „Авось", молъ, „пройдутъ запорожцы, посмотримъ". И паны бывало собираются смотрѣть, а которые, знаете, персоны такіе, какіе небудь *репріи*, [2]) что ли,—такъ тѣ прямо и въ хату къ запорожцамъ; за этими и другіе наползутъ:—„въ гости", говорятъ, „къ вамъ!"... Кто жъ, знаете, похожъ на человѣка,—по-

---

[1]) Черниговскій Листокъ 1863 г., № 11, 82—85.

[2]) Т. е. Репнины. Послѣ генералъ-губернаторства князя Репнина, слово Репнинъ, произносимое моими земляками *Репрій*, обратилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края въ нарицательное и долго служило для обозначенія понятія, выражаемаго на русскомъ языкѣ словами важная особа.

сидитъ прилично, посмотритъ, спроситъ о чемъ-нибудь, и съ Богомъ себѣ поѣдетъ; а тѣ разные, что ужъ знаете какіе они,— *ще бачъ* и посмѣяться надъ сѣчовиками... Эге! такіе они и были, чтобы съ ними можно было какъ-нибудь!

Бывало, если кто-нибудь черезчуръ ужъ дастъ языку волю,— кто-нибудь изъ братчиковъ, будто такъ онъ себѣ, просто изъ запорожья человѣкъ да и только... подойдетъ, да какъ пахнетъ подъ самый носъ *насъкымъ*:... „Употребляете, говоритъ, вы, ваше *одноральское осіятельство*, этакой?"... Чихаетъ-чихаетъ одноралъ—слезы даже иногда изъ очей побѣгутъ.

— Вотъ дуракъ! говоритъ.

— Эге!.. мрукнетъ тотъ, и какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ это онъ такъ себѣ.

А если кто изъ этакихъ ужъ слишкомъ часто начнетъ къ нимъ вчащать—увидятъ, что идетъ, поставятъ у дверей столъ, взберется на него какой *палывода*... и тово, знаете, какъ-будто чешется о дверь и не разглядѣвши прямо носомъ...

— Вотъ, говоритъ *пройдысвитъ*, и почесаться не дадутъ доброму человѣку!

А разъ что̀ они сдѣлали одному фертику! Тотъ, знаете, все къ нимъ, все къ нимъ: и день и ночь тамъ, и кормится тамъ, да еще не какъ-нибудь, а все съ затѣями такими—и того купите, и за тѣмъ пошлите! Ну это бы еще пусть себѣ: добрый человѣкъ куска хлѣба не пожалѣетъ и для недруга, коли недругъ похожъ на человѣка; а то—я де вонъ-что̀, а вы—тьфу! и другими разными способами наскучалъ имъ. Ужъ они не разъ его и осаживали, и столъ приставляли къ дверямъ—не понимаетъ, да и полно: видно толстокожій былъ!

— Стой же, говорятъ, когда ты такой, мы тебѣ выкинемъ штуку!—и какъ увидѣли однажды, что бѣжитъ къ нимъ, возьми да и поставь въ сѣняхъ корыто съ дёхтемъ, а у самаго порога кадушку тамъ, или бревно какое. Тотъ, знаете, въ сѣни—а въ сѣняхъ было темно—да бултыхъ черезъ бревно и прямо лицомъ въ корыто... И, Господи, какой подняли шумъ! Тотъ-весь въ дёгтю какъ сатана, кричитъ, бранится, а тѣ и себѣ:—„Вотъ

бѣгаетъ, какъ бѣшеная собака! „съ трудомъ“, говорятъ, „могли найти въ *оцему паскудному болоти доброго дегтю* на сапоги, а онъ и тотъ выворотилъ!“ и прогнали изъ хаты... Какъ былъ, принужденъ былъ домой... Нахохотались же въ волю и тѣ, что на улицѣ были, и эти паливоды...

Такъ вотъ этакъ, слово по слову, слово по слову, и до государыни дошла вѣсть, что, молъ, запорожцы пріѣхали въ Петербургъ и такіе, видишь, забавники... Можетъ статься, какой тамъ однoралъ сказалъ женѣ, та другой *насокотала*,—извѣстное дѣло, бабы,—та третьей, а та можетъ и царицѣ.

Какъ послышала это царица:—Желаю, говоритъ, повидѣть тѣхъ запорожцовъ и какіе тамъ они забавники!

— Не велите, ваше царское величество, говоритъ ей одинъ однoралъ:—казнить меня, а велите меня миловать, и позвольте рѣчь держать!

— Держи рѣчь! говоритъ царица.

— Эти запорожцы, ваше царское величество, простые *мугыри* и не пригоже ихъ пускать въ царскіе будынки.

— Если я хочу, говоритъ царица, то пригоже, а если ты въ другой разъ будешь держать мнѣ такую рѣчь, велю отправить тебя туда, гдѣ ковла́мъ роги правятъ. Сейчасъ позвать ко мнѣ запорожцевъ, чтобъ стали передо мною, какъ листъ передъ травою!

Бросились всѣ, земля даже застонала, и привели запорожцовъ предъ царицу.

— Что это, думаютъ они, за бѣда! И какъ стали передъ царицой—въ ноги ей: „что это, *мамо* (они всегда царицу звали мамою), чѣмъ мы передъ тобой провинились?

— Ничего, говоритъ, ничего, встаньте! Я хотѣла только на васъ посмотрѣть; вы, говорятъ, такіе забавники.

— Какіе, мамо, мы забавники! отвѣчаютъ:—мы не забавники, а такъ себѣ запорожцы, да и все тутъ,—пріѣхали по надобности.

Царица засмѣялась и начала разспрашивать, по какой надобности пріѣхали, велѣла помочь имъ въ ихъ дѣлѣ, шутила съ

ними, и велѣла ходить къ ней въ гости запросто, если выберется свободный часъ.

Съ этой поры запорожцы часто ходили въ царскіе будынки, царица часто съ ними разговаривала, шутила, и разныя тамъ были съ ними оказіи. Вотъ нѣкоторыя разскажу вамъ, какъ слышалъ отъ стариковъ.

Приходятъ однажды запорожцы къ царицѣ въ садъ, а тамъ пановъ-пановъ всякихъ! И знаете, побрались подъ руки, по двое или по трое, *хрельыни* тамъ такія или сенатбры тамъ разные, и ходятъ себѣ по дорожкамъ и разговариваютъ. Вотъ тѣ и себѣ тоже по двое и по трое, и расползлись по саду, какъ *полыгани* волы по полю. Ну и идутъ этакъ двое изъ нихъ, а на-встрѣчу имъ двое одноралове, тоже подъ руку, и такіе молоденькіе, и видно такъ себѣ однораλы,—пужина, а не зерно... Загородили запорожцамъ дорогу и говорятъ:—а что̀, запорожцы, какъ теперь у васъ цѣна на волы?

— *Якъ до воливъ*, ваше одноральское высокомордіе! отвѣчаетъ одинъ изъ запорожцевъ.

— Какъ это: якъ до воливъ? снова тѣ.

— Да такъ: если волы, вотъ какъ этихъ пара,—и указалъ на двухъ старичковъ одноралове, которые на тотъ-часъ проходили мимо (а то видно, *не абы-яки булы*), этакіе волы у насъ очень дброги, цѣны имъ не зложять; а если волы, примѣрно сказать, вотъ какъ васъ двое—и *нюха табакы* не стоятъ! и гной вывозить негодятся...

Старики однораλы захохотали:—Ого! говорятъ:—да эти брѣютъ безъ мыла!..

А тѣ двое, хвативъ *облызня*, тихонько, тихонько,—были такіе, да и слѣдъ простылъ.

Или разъ, тоже въ саду, ходятъ запорожцы: смотрятъ, двое какихъ-то *пузатыхъ,—богословы* [1]) тамъ какіе-то или Богъ ихъ знаетъ!—стоятъ возлѣ куста какихъ-то цвѣтовъ и спорятъ:

---

[1]) Это слово обломокъ старины, когда умственными свѣтилами для Малороссіи были *богословы*, т. е. воспитанники кіевской академіи и потомъ семинарій.

одинъ говоритъ, что эти цвѣты такъ называются, а другой, что не такъ, а вотъ какъ. Запорожцы остановились возлѣ нихъ, слушали-слушали, а потомъ и говоритъ одинъ изъ нихъ товарищамъ: „Вотъ", говоритъ, „какъ говорятъ то и правда: *що городъ, то норовъ!*" Здѣсь—одинъ такъ зоветъ цвѣты, другой—иначе, а третій можетъ быть и еще иначе, а у насъ, какъ стоитъ въ книгахъ имъ имя, такъ ужъ всѣ и зовутъ... и назвалъ ихъ какъ-то не *по-нашому*.

Богословы, или кто они тамъ такіе, и глаза вытаращили! Наконецъ одинъ—должно быть хотѣлъ загнать запорожцевъ въ *дукъ*—и спрашиваетъ о чемъ-то, и тоже не *по-нашому*, а по-нѣмецки, что ли,—а тотъ ему отвѣтъ опять иначе; тотъ снова иначе, и какъ пошли *навперевагы*—богословы принуждены были замолчать, и когда стали запорожцы отъ нихъ итти, они и себѣ за ними, какъ школяри за шпекторомъ, и только прислушиваются, какъ тѣ разговариваютъ межъ собой о цвѣтахъ, о камняхъ разныхъ, о небесномъ. И, что поймутъ, а чего и нѣтъ, потому что тѣ: одинъ хватитъ по-волошски, другой по-турецки, тотъ опять иначе... О, межъ ними всякіе водились!...

Разъ какой-то однoралъ убѣдилъ царицу посмѣяться надъ запорожцами: позвать ихъ обѣдать и дать имъ ложки съ предлинными ручками, оправленными съ обѣихъ сторонъ въ острыя какъ бритва полосы, чтобы если взять такую ложку за конецъ—нельзя было ею достать до рта, а пониже взять нельзя, поранишь руку.

Покликали запорожцевъ обѣдать, сѣли они за царицынъ столъ... Что же бы вы думали? Посмотрѣлъ какой-то куренной на ложки:—Вотъ, говоритъ, мать, такъ мать! знаетъ хорошо, какимъ косарямъ какія нужны косы. Этими ложками и накормиться можно доброму человѣку, и ворога черкнуть, если бы вздумалъ обидить. А ну, *Спырыдоне* тамъ, чы *Пылыпе*, открой ротъ!.. и набравши въ этакую ложку *борщу*, или чего тамъ другого, подалъ черезъ столъ другому запорожцу. Тотъ съѣлъ, что было въ ложкѣ, и набравши свою, подалъ куренному. Такъ и другіе поступили, и *братчики* встали отъ трапезы, будто у нихъ были ложки, кака и у другихъ.

Однажды запорожцы были у царицы, и о чемъ-то шла тамъ бесѣда, только какъ заиграетъ у нихъ чтó-то надъ головами?

— Чтó это у тебя, мамо, играетъ?

— Часы, отвѣчаетъ.

— Что это такое часы?

Та имъ объяснять, а они удивляются да разспрашиваютъ, а они удивляются да разспрашиваютъ! какъ-будто и въ самомъ-дѣлѣ, паливоды, никогда не видывали *такои дурныци.*

— Какъ же, спрашиваетъ наконецъ ихъ царица:—узнаете вы время?

— По солнцу, мамо, по солнцу!

— А ночью.

— Ночью, мамо, гм!.. будешь сердиться, мамо, если скажу.

— Говори, говори! сердиться не буду.

— Ну, если видишь, мамо такъ вотъ какъ...

Тутъ запорожцы привели нѣкоторые, извѣстные на запорожьи, способы разпознаванія времени, неудобные для печати.

Другая, знаете, и разсердилась бы, можетъ быть, но та, знаете, была такая себѣ,—*добрая,* засмѣялась только и говоритъ:—ну, чтобъ было чѣмъ лучше узнать вамъ время, такъ я дарю вамъ эти часы. Возьми, Петръ тамъ, или Иванъ, прибавила она, поворотившись къ какому-то полковнику (*у царивъ, знаете, челядь все полковныкы та-щo*)—возьми, говоритъ, эти часы и отнеси къ нимъ на домъ.

— Спасибо тебѣ, мамо, спасибо! Вотъ мать, такъ мать!

А старшій изъ нихъ вынулъ изъ-за сапога часики, вотъ какъ паничи на шеяхъ носятъ, всѣ въ галмазахъ, такъ что одинъ ретягёнъ стоилъ тысячъ десятъ червонцовъ:—Возьми, говоритъ тому Петру или Ивану:—это тебѣ за трудъ, что отнесешь намъ царицыны часы.

— Видишь какіе они!... подумала царица.